

Юрий Жуков

ОТРАВИТЕЛИ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ
О БУРЖУАЗНОЙ
ИДЕОЛОГИИ
И ПРОПАГАНДЕ

Юрий Жуков

ОТРАВИТЕЛИ

Пolemические заметки
о буржуазной идеологии
и пропаганде

Москва
«Молодая гвардия»
1975

105
Ж86



© Издательство «Молодая гвардия», 1975 г.

Ж 10506—019
078(02)—75 БЗ—45—003—74

К читателю

До чего же интересно и волнующе время, в которое мы живем! Какие огромные перемены в мире сейчас происходят, как круто меняется обстановка на нашей планете: все явственнее дает о себе знать процесс разрядки напряженности, все ощутимее победы миролюбивой политики СССР и братских социалистических стран, все более светлые перспективы открываются на будущее.

Главная особенность международной обстановки в семидесятые годы состоит в том, что произошло коренное изменение в соотношении сил между лагерем капитализма и лагерем социализма, между силами реакции и силами прогресса.

Если в сороковых и пятидесятых годах империалисты, рассчитывая на свое временное превосходство в силе, еще питали некоторые иллюзии и мечтали об «отбрасывании» коммунизма, то теперь, когда СССР и братские социалистические страны добились поистине исторических успехов в развитии своей экономики, науки и культуры, когда неизмеримо возросла их сплоченность, когда рухнули колониальные империи и на их обломках возникли многие десятки молодых государств, причем многие из них встали на путь некапиталистического развития, когда потерпели провал попытки империалистов силой задержать этот поступательный процесс исторического развития, руководители капиталистических стран вынуждены идти на «мучительный пересмотр» своей политики, как выражался покойный Даллес.

Одна за другой крупнейшие капиталистические державы были вынуждены признать, что в наш век отношения с СССР и братскими социалистическими странами могут и должны строиться лишь на основе принципа мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам, провозглашенного В. И. Лениным еще на заре существования Советского госу-

дарства и неуклонно отстаиваемого с тех пор нашей партией и правительством.

«Мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств, — говорится в Программе КПСС, — объективная необходимость развития человеческого общества. Война не может и не должна служить способом решения международных споров».

Сколько речей произнесли, сколько чернил исписали в свое время идеологи империалистического лагеря, пытаясь доказать если не вред, то, по крайней мере, неосуществимость ленинской идеи мирного сосуществования! Как долго они доказывали, что на мирное сосуществование ни в коем случае соглашаться нельзя, поскольку оно-де служит укреплению позиций социализма и, следовательно, выгодно лишь Советскому Союзу и его друзьям! Как долго лелеяли надежду на то, что капиталистическому миру, и прежде всего его ударной силе — Соединенным Штатам Америки, удастся все же на основе «политики с позиции силы» навести свой порядок на планете, оттеснив социализм!

Но вот в 1973 году сам президент США был вынужден признать нереальность таких планов. «Прошло то время, — сказал он, выступая на Капитолийском холме, — когда Америка превращала конфликты всех других стран в свои собственные, брала на себя ответственность за будущее всех прочих стран и считала своим долгом указывать народам других стран, как решать их проблемы».

Чудес на свете не бывает — руководящие деятели капиталистических государств заговорили таким языком вовсе не потому, что они изменились. Нет, они остались такими же, как были, но трезвый учет действительности вынудил их осознать, что в изменившейся международной обстановке их прежняя политика стала нереальной и что необходимо предпринять поиски новой политики, отвечающей нынешним условиям.

Таким образом, долгие усилия СССР и других социалистических стран, направленные на упрочение социалистического сотрудничества, на усиление его мощи, на сплочение миролюбивых сил, на укрепление мира во всем мире и делового сотрудничества, увенчались успехом. В новой обстановке, сложившейся в результате этого, классовая, динамичная и последовательная внешняя политика, проводимая нашей партией и государством на основе Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, дала замечательные плоды.

Огромную роль в завоевании этих побед в борьбе за упрочение мира и международного сотрудничества сыграла энергичная деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева —

у всех в памяти замечательные конструктивные результаты его визитов во Францию, в ФРГ, в США и другие страны, его встреч и переговоров с лидерами многих государств, посещающими СССР. «Принципы сотрудничества между СССР и Францией», «Основы взаимоотношений между СССР и США», целая серия важнейших договоров и соглашений, под которыми поставлена подпись Генерального секретаря ЦК КПСС рядом с подписями руководителей ряда государств, создали прочный фундамент для перестройки современных международных отношений на основе ленинских идей мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам.

Особое значение в борьбе за разрядку международной напряженности и установление отношений мирного сосуществования между государствами, принадлежащими к противоположным социальным системам, имели серьезные сдвиги в советско-американских отношениях, ставшие возможными благодаря усилиям КПСС и Советского государства.

Огромную роль в этом сыграли четыре советско-американские встречи в верхах — весной 1972 года в Москве, летом 1973 года в Вашингтоне и Сан-Клементе, летом 1974 года в Москве и в Крыму, в ноябре 1974 года во Владивостоке.

Уже в итоге первой встречи в верхах обе страны официально приняли на себя обязательство строить советско-американские межгосударственные отношения на основе принципов мирного сосуществования, 29 мая 1972 года в Кремле был подписан важнейший документ «Основы взаимоотношений между СССР и США». Был подписан также целый ряд соглашений, целью которых является ограничение гонки вооружений, развитие взаимовыгодного делового сотрудничества между обеими странами.

Вторая американо-советская встреча на высшем уровне, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев находился с официальным визитом в Соединенных Штатах, ознаменовалась принятием целого ряда новых соглашений, в том числе документа чрезвычайной важности — Соглашения о предотвращении ядерной войны. По этому соглашению СССР и США обязались действовать так, чтобы предотвратить возникновение ситуаций, способных вызвать опасное обострение их отношений, избежать военных конфликтов и исключить возникновение ядерной войны между ними и между каждой из сторон и другими странами.

Наконец, в ходе третьей советско-американской встречи в верхах был принят целый ряд новых решений, имеющих большое значение для дальнейшего ограничения гонки вооружений, смягчения международной напряженности и развития делового взаимовыгодного сотрудничества между СССР и США.

В итоге этой встречи Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с удовлетворением отметили, что «благодаря последовательному претворению в жизнь Программы мира партией и Советским государством в советско-американских отношениях за последние два года наступил коренной позитивный поворот» *.

Эта оценка была подтверждена дальнейшим развитием событий. Как известно, несмотря на происшедшую в Соединенных Штатах 9 августа 1974 года по внутривластным соображениям перемену руководства, характер конструктивно складывающихся советско-американских межгосударственных отношений не был нарушен. Напротив, в связи с изменениями в руководстве США американская сторона сочла необходимым подчеркнуть, что внешнеполитический курс, проводившийся президентом Никсоном, будет сохранен, поскольку он пользуется в Соединенных Штатах всеобщей поддержкой.

В своем первом же обращении к конгрессу новый президент США Джеральд Форд заявил: «Советскому Союзу я торжественно обещаю преемственность в том, что касается нашей верности курсу, проводимому в течение последних трех лет. Наш долг перед народами двух наших стран и перед всем человечеством заключается в том, чтобы по-прежнему стараться жить и там, где это возможно, мирно сотрудничать: ведь в термоядерный век не может быть никакой альтернативы позитивным и мирным взаимоотношениям между нашими странами» **.

В итоге рабочей встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с президентом США Дж. Фордом «Советский Союз и Соединенные Штаты Америки, — как было сказано в Совместном советско-американском коммюнике, — подтвердили свою решимость развивать и впредь свои отношения в направлении, которое определено принципиальными совместными решениями и заключенными между двумя государствами в последние годы основополагающими договорами и соглашениями» ***.

Был принят ряд новых важных решений. Стороны подробно обсудили вопрос о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений и обнародовали Совместное заявление, содержащее принципиально важные директивы своим представителям, ведущим в Женеве переговоры по этому вопросу.

Никогда еще дипломатия СССР и братских социалистических

* «Правда», 1974, 6 июля.

** «Правда», 1974, 14 августа.

*** «Правда», 1974, 25 ноября.

государств не была столь активной и действенной, как в семидесятые годы. Никогда еще успехи в борьбе за упрочение мира не были столь весомы. Вспомним, что было достигнуто, если говорить лишь о сфере отношений социалистических государств с капиталистическими странами:

— Прекращена военная интервенция США во Вьетнаме. Нормализована обстановка в Лаосе.

— Прекращен огонь на Ближнем Востоке.

— Урегулирован казавшийся долгие годы неразрешимым вопрос о Западном Берлине.

— Подписаны и ратифицированы договоры СССР, Польши, ГДР и ЧССР с ФРГ, исходящие из признания неизбежности послевоенных границ в Европе и отказа от каких-либо территориальных притязаний, содержащие обязательство сторон об отказе от применения силы при решении спорных вопросов.

— Обеспечено широкое международное признание ГДР, долгие годы подвергавшейся бойкоту со стороны капиталистических держав.

— Созвано общеевропейское совещание, призванное упрочить мир и безопасность в Европе.

— Достигнут коренной поворот в советско-американских отношениях на основе ленинских идей мирного сосуществования и признания принципов равенства и равной безопасности обеих держав.

— Успешно развиваются отношения мирного сосуществования с Францией, ФРГ, Италией и многими другими капиталистическими государствами.

Выступая 26 октября 1973 года на Всемирном конгрессе миролюбивых сил, товарищ Л. И. Брежнев заявил: «Длительная и упорная борьба народов против возникновения новой мировой войны, за прочный мир и международную безопасность ознаменовалась в последние годы серьезными успехами... По нашему глубокому убеждению, главной тенденцией в развитии современных международных отношений является происходящий поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности, от военной конфронтации к упрочению безопасности, к мирному сотрудничеству».

В то же время наша партия постоянно предупреждает, что мирное сосуществование отнюдь не означает идеологического примирения с капитализмом, как пытаются изобразить дело буржуазные теоретики, иные из которых даже выдвигают такое «примирение» в качестве неперемennого условия нормализации отношений с социалистическими государствами. Напротив, мирное сосу-

ществование представляет собою особую форму классовой борьбы.

«Разумеется, — говорил товарищ Л. И. Брежнев, выступая на митинге трудящихся Софии 19 сентября 1973 года, — классовая борьба на международной арене — противоборство социализма и капитализма — продолжается. По-прежнему остаются диаметрально противоположными социальный строй государств, принадлежащих к различным общественным системам, господствующие в них идеологии. Сохраняются еще и разногласия в подходе к крупным политическим вопросам. Отнюдь не сложили оружие и силы, которые выступают против разрядки, мечтают вновь вернуть человечество к ледниковому периоду «холодной войны».

Буржуазные политики, демагогически выдвигая вновь и вновь предложения о так называемой «свободной циркуляции идей и людей» с далеко идущими целями подрывной деятельности против социалистических стран, утверждают, будто СССР и другие социалистические страны воздвигают «железный занавес» в стремлении уйти от сопоставления и борьбы идей. Нет ничего более лживого, чем этот миф.

У наших классовых противников нет, однако, за душой идей, способных противостоять марксизму-ленинизму. Все, на что они могут рассчитывать, — это изворотливость, искусство обманывать людей, выдавать черное за белое, соблазнять несведущих простаков сказками о мнимой возможности обогащения для любого человека при капитализме, скрывать от народов страшные язвы капитализма — безработицу, нищету, духовное одичание людей. Империализм не может рассчитывать на успех, открыто провозглашая свои действительные цели. Он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих подлинный смысл его намерений и усыпляющих бдительность народов.

Как писал В. И. Ленин, монополистическая буржуазия не может обойтись без масс, а массы она не в состоянии вести за собой «без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии» *.

Не в бровь, а в глаз!

Не случайно на Западе сейчас всячески стараются избегать употребления самого слова «капитализм», предпочитают говорить:

* В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 176.

«развитое индустриальное общество», «общество потребления», «богатые страны». Не случайно там изобрели фальшивую теорию «конвергенции», утверждая, будто возможно и необходимо пойти на «сближение» капиталистической и социалистической систем — пусть-де капитализм возьмет у социализма плановое начало, а социализм пусть предоставит свободу частной инициативе, и все будет хорошо, они обнимутся, как братья.

Между прочим, этим проповедникам в последнее время активно пособляют пекинские пропагандисты, которые, отрекшись от основополагающего марксистско-ленинского учения о классовой борьбе, утверждают нынче, будто мир делится не на капиталистические и социалистические государства, а на «богатые» и «бедные» страны, причем в «богатые» они определяют СССР и США, а себя зачисляют в «бедные», именуя Китай «развивающейся страной»...

А что сказать о настойчивых попытках буржуазной пропаганды выдавать мертвящий, беспощадный к трудящемуся человеку капиталистический строй за царство «чистой демократии», а социалистический строй изображать как «тоталитарный»? Иной раз просто диву даешься наглости этих господ, которые у себя дома без стеснения рассуждают о том, что демократия-де изжила себя и что на смену ей должна прийти техника «манипулирования массами», с помощью которой правящая элита сможет сохранить свои позиции, а на экспорт в социалистические страны предназначают рассуждения о том, что им якобы не хватает этой самой демократии!

При этом бросается в глаза, что подрывная пропаганда теперь уже не выдвигает лозунгов о свержении социалистического строя — ведь уже доказано на практике, что «отбросить» коммунизм невозможно! — а лишь по-дружески советует «улучшить», «подправить» социализм, сделать его «демократическим», «гуманным», предоставить полную свободу буржуазной пропаганде, ликвидировать руководящую роль партии, предоставить свободу частной инициативе. Ставка делается, таким образом, на «идеологическую эрозию» («выветривание») коммунизма, как мудрено выражается небезызвестный американский проповедник антикоммунизма З. Бжезинский, а попросту говоря — на подрывную деятельность.

Вся эта политическая возня предпринимается, конечно, не от хорошей жизни. Идеологи антикоммунизма и антисоветизма не могут не отдавать себе отчета в том, что их дела плохи, что зона их влияния на земном шаре неумолимо сокращается и они, по сути, находятся в обороне. Главное, в чем сказывается острота идеологической борьбы на нынешнем этапе, — это все возрастаю-

щее влияние идей социализма, марксизма-ленинизма на многомиллионные народные массы во всем мире.

Это был вынужден признать, в частности, бывший президент США Дуайт Эйзенхауэр, который откровенно говорил: «Я самый непримиримый враг коммунистической идеологии в мире, но я убежден — глупо притворяться, что коммунизм не существует, или притворяться, что он не имеет большой притягательной силы для людей».

Да, в области идеологии, как и в других сферах, социализм находится в наступлении, а капитализм в обороне. Но чем яснее это становится, тем ожесточеннее сопротивление сил старого мира и тем яростнее развивают они свои контратаки, все более явственнее перенося центр своей деятельности на подрывные акции против стран социализма, причем главное острие направляется на Советский Союз.

Кое-кто из западных политиков попытался даже явочным порядком присвоить себе право вмешиваться во внутренние дела социалистических стран, выдвигая свои претензии на сей счет в качестве некоего условия разрядки. Такие поползновения наблюдались, в частности, в ходе Совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе. Этим претензиям был дан должный отпор в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в Софии 19 сентября 1973 года.

«На Западе иногда можно слышать и такие голоса, — сказал Л. И. Брежнев, — раз Советский Союз и другие социалистические страны выражают большую заинтересованность в решении вопросов европейской безопасности, в развитии политического и экономического сотрудничества, то нельзя ли на них поднажать и выторговать у них какие-то уступки?»

Что тут можно сказать? Наивная и вместе с тем не особенно благовидная, я бы сказал, — торгашеская постановка вопроса. Разрядка напряженности в Европе — это общее достояние всех народов, мир нужен всем народам континента, а потому сохранение и упрочение его должно быть общей заботой всех участников совещания».

Наша партия должным образом оценивает происки идеологических противников. Добиваясь утверждения принципа мирного сосуществования, она в то же время предупреждает, что успехи в этом важном деле ни в коей мере не означают возможность ослабления борьбы. Напротив, учит партия, надо быть готовыми к тому, что эта борьба будет усиливаться, становиться все более острой формой противоборства двух социальных систем.

В этой книге я постарался в меру своих сил, не претендуя на

философский анализ, познакомить советского читателя с некоторыми, наиболее важными, на мой взгляд, в современных условиях явлениями в духовной жизни капиталистического Запада и прежде всего Соединенных Штатов.

Я буду рад, если фактические данные, которые почерпнет читатель в этой книге, помогут ему нагляднее представить себе во всей неприглядности духовный мир капитализма, который его пропагандисты рекламируют как рай земной, и глубже понять значение идеологической борьбы с этим мрачным миром.

Тоска по «Железной пяте»



Чем ближе порог XXI века, тем острее становится понятный интерес людей к тому, что он им сулит. Рубежи столетий всегда играли большую роль

в истории человечества, а тысячелетий — и подавно. И не случайно уже сейчас, когда до финиша двадцатого века остается еще четверть дистанции, мировой книжный рынок начинают наводнять научные труды и фантастические романы, поэмы и статистические исследования, авторы которых, каждый на свой манер, пытаются хоть краешком глаза заглянуть в двухтысячный год.

Как справедливо отмечал в своей работе «Идеологическая подоплека «постиндустриального общества», опубликованной в двенадцатом номере журнала «Проблемы мира и социализма» за 1972 год, член Политического комитета ЦК Компартии США Хаймен Лумер, все большее число буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков самой различной политической ориентации — от откровенных апологетов империализма (З. Бжезинский и У. Росту) до приверженцев «новых левых» (например, А. Турен и Г. Маркузе) и современных ревизионистов типа Э. Фишера и Р. Гароди — утверждает, что наступила «новая стадия» развития общества. Р. Дарендорф именуется ее «посткапиталистической» (то есть послекapиталистической. — Ю. Ж.), Д. Лихтхейм — «постбуржуазной», З. Бжезинский — «технотронной» (Бжезинский в этом неологизме соеди-

нил понятия «технология» и «электроника». — Ю. Ж.). Несмотря на известные различия в содержании этих многочисленных теорий «новой стадии», все их роднит общая идея: характерные для предшествующего, «индустриального общества» конфликты на современном этапе якобы утрачивают остроту, и общество становится все более устойчивым.

Сердцевиной всех этих теорий является насквозь ложный тезис, будто технический прогресс целиком и полностью меняет структуру общества и кладет конец классовой борьбе, поскольку классовые противоречия якобы стираются и постепенно исчезают, идеологии-де умирают «естественной смертью», и на смену им приходит «строго научный подход к разрешению социальных и классовых проблем, свободный от каких бы то ни было классовых, моральных и политических расчетов». Общество будет-де управляться элитой, которая руководствуется «наукой и рационализмом, а не идеологическими суждениями». Именно такой облик будущего, напоминает Хаймен Лумер, нарисовал известный американский социолог Д. Белл в своем предисловии к нашумевшей книге не менее известного американского футуролога Германа Кана.

Развивая подобные идеи, авторы этих теорий стремятся, что называется, одним выстрелом убить двух зайцев. С одной стороны, они хотели бы идейно разоружить рабочий класс капиталистических государств и ослабить его боевой дух, а с другой стороны — попытаться расшатать своими политическими диверсиями социалистическое содружество, пропагандируя пресловутую теорию «конвергенции», то есть постепенного сближения капиталистических и социалистических государств.

«Как в ловком цирковом фокусе, — пишет Хаймен Лумер, — вся концепция «постиндустриального общества» построена, по сути дела, на простом приеме: выдвигая на первый план производительные силы, ее авторы полностью игнорируют или почти сводят на нет роль производственных отношений, базисной структуры общества, внутри которой функционируют производительные силы. При такой трактовке исчезает главное. Ведь капитализм — не просто общество с определенным уровнем развития производительных сил, это социальная система со свойственными ей отношениями собственно-

сти на средства производства, способом эксплуатации и формами распределения. Вот почему о социальной революции и возникновении «нового общества» можно говорить лишь после коренного преобразования этих отношений, прежде всего в результате взятия власти рабочим классом и ликвидации частной собственности на средства производства». С этой четкой марксистской позицией представителя Компартии США нельзя не согласиться.

В этой главе мне хотелось бы проанализировать на конкретных примерах некоторые наиболее характерные рассуждения буржуазных теоретиков насчет пресловутого «постиндустриального общества», и, в частности, труды директора Колумбийского института по делам коммунизма Збигнева Бжезинского, который, пожалуй, наиболее откровенно из всех этих теоретиков раскрывает подлинные чаяния апологетов империализма, которым очень хотелось бы приукрасить его, прикрыв маскировкой «нового общества», причем с созданием этого «нового общества», свойственного «технотронной эре», связываются расчеты на возникновение такого режима, при котором правящая элита могла бы без особых трудностей командовать теми, кто непосредственно производит материальные ценности.

Как увидит в дальнейшем читатель, широко рекламируемая Бжезинским «технотронная эра» не только не сулит рабочему классу ничего хорошего, но, напротив, грозит обернуться режимом «Железной пяты», столь красочно обрисованным в свое время знаменитым американским писателем Джеком Лондоном в своем романе, который так и назывался «Железная пята».

Но об этом я расскажу подробно немного позже, а сейчас начнем, что называется, с самого начала...

В конце мая 1968 года в Нью-Йорке, в фешенебельном отеле Хилтон, собралась организованная американской ассоциацией внешней политики научная конференция, тема которой была обозначена так: «Чего нам ждать в 2018 году; проблемы внешней политики США». В конференции приняли участие около восьмисот человек. Была она в некотором роде юбилейной: исполнилось пятьдесят лет существования этой ассоциации. И вот теперь ее авгуры силились представить себе, что же произойдет в следующие полвека.

Тон на конференции задавала группа, состоявшая из

трехсот пятидесяти деятелей госдепартамента и других органов правительства, представителей деловых кругов и профессоров высших учебных заведений. Их пышно именовали «ведущими людьми сегодняшнего дня». На заднем плане находились остальные четыреста пятьдесят участников встречи — это были люди моложе 35 лет, приглашенные в качестве «потенциальных лидеров будущего».

Задача «ведущих людей сегодняшнего дня» Америки была нелегкой: печальные для американского империализма уроки минувших пятидесяти лет отнюдь не располагали к оптимистическим прогнозам на 2018 год. Политическая обстановка выглядела весьма мрачно для них: США увязли в своей постыдной военной авантюре во Вьетнаме, их престиж повсюду падал, их военные блоки трещали по всем швам, их союзники роптали, экономическое положение Соединенных Штатов складывалось тревожно, доллар катился под откос, в стране обострялись социальные и расовые конфликты, росло антивоенное движение...

Но Вашингтон никак не хотел отказываться от своей доктрины мирового господства США, он все еще стремился быть мировым жандармом, несмотря на то, что, как показала жизнь, эта миссия ему не по плечу, хотя Соединенные Штаты и остаются самой сильной державой в капиталистическом мире. И вот «ведущие люди сегодняшнего дня» упорно силились как-то перелицевать подмоченную доктрину и придать ей более удобоваримый вид.

На сей раз была пущена в ход теория развития некоего «сообщества богатых стран», в котором, само собой разумеется, США занимали бы командную позицию и «все решения дальнего прицела» выносила бы «элита специалистов-профессионалов» — технократов.

Именно эту теорию создания «сообщества богатых стран» и защищали «ведущие люди сегодняшнего дня» на конференции в нью-йоркском отеле Хилтон. Они всячески пытались доказать ее осуществимость. При этом американские теоретики всячески пытались обойти, замолчать тот очевидный факт, что решающим фактором развития человеческого общества ныне является мировая социалистическая система и что на мировой арене все более проявляется перевес сил социализма над империализмом, сил мира над силами войны.

Больше того, убаюкивая встревоженную аудиторию, докладчики на все лады упрямо повторяли давно уже показавшую свою несостоятельность и разоблаченную наукой социалистических стран теорию «конвергенции» (постепенного сближения) мира капитализма и мира социализма. Поскольку-де и там и здесь налицо индустриализация, значит, возникает «общее для всех «индустриальное общество»; стало быть, в будущем возникнут-де противоречия уже не между силами социализма и силами капитализма, а между странами «индустриальной цивилизации» вообще и «неспокойными странами, лишь недавно вступившими на путь экономического развития».

Особенно активно отстаивал эту теорию на конференции «Чего нам ждать в 2018 году» Збигнев Бжезинский, который еще недавно был сотрудником Совета планирования политики при госдепартаменте — мы встречались с ним там весной 1967 года.

Бжезинский выступал на эту тему не впервые. Он посвятил ей несколько книг, в том числе опубликованную в том же 1968 году работу, которая называлась: «Америка в технотронный век» *.

Поскольку Бжезинский, как писал итальянский еженедельник «Эспрессо», является «специалистом, с мнением которого считается сам президент Соединенных Штатов» (речь шла о тогдашнем президенте Джонсоне. — Ю. Ж.), его рассуждения представляли для нас определенный интерес: они явно отражали настроения тех вашингтонских кругов, которые имели прямое отношение к формированию внешнеполитических идей. Вспоминается, как один видный американский дипломат сказал мне, что в то время, когда Бжезинский работал в Совете планирования внешней политики США, его ценили там «прежде всего за умение фантазировать и вызывать споры». Свое умение фантазировать Бжезинский в полной мере проявил и в сочинении «Америка в технотронный век». Другое дело, конечно, насколько полезной окажется эта политическая фантазия для Соединенных Штатов... И все же мимо нее пройти было нельзя.

Какие же идеи выдвинул этот деятель?

* Zbigniew Brzezinski, *America in the Technotronic Age*. School of international Affairs, Columbia University, 1968.

В сущности говоря, в своей работе он развивал все ту же теорию «американского века», исходящую из предпосылки, будто на мировой арене нет державы, которая могла бы соперничать с США. **«Соединенные Штаты, — заявил он 22 мая 1967 года на общенациональном собрании по вопросам внешней политики, организованном государственным департаментом для редакторов и радиообозревателей, — представляют собой единственную глобальную державу».**

Как бы перекликаясь с американским теоретиком сороковых годов Бернхэмом, Бжезинский подчеркивал, что США призваны-де осуществлять руководящую роль в мировых делах. Больше того, он утверждал, будто без этого мир не смог бы существовать: «Наше теперешнее участие в делах всего мира и преобладание нашей мощи таковы, — говорил он, — что наш уход вызвал бы международный хаос огромных масштабов. Наше участие — это исторический факт, и прекратить его нет возможности. Можно спорить о его формах, о его масштабах, о том, как оно должно осуществляться. **Но уже нельзя спорить в абсолютных выражениях по вопросу о том, следует или не следует нам вмешиваться».** (Подчеркнуто мною. — Ю. Ж.)

Такая безапелляционная, проникнутая самоуверенностью постановка вопроса, естественно, не могла не вызвать удивления у любого сколько-нибудь осведомленного в международных делах человека. Когда с заявлением о том, что США должны «вмешиваться повсюду» и играть роль «всемирного полицейского», выступал на-завтра после второй мировой войны оголтелый Бернхэм, это еще можно было как-то объяснить своеобразным политическим головокружением от монополии на атомное оружие, которой тогда в течение короткого времени обладали Соединенные Штаты.

Но возобновлять эту претензию на пороге семидесятих годов, когда неизмеримо окрепли и выросли силы социалистического лагеря; когда коренным образом изменилось лицо Азии и Африки, где сотни миллионов людей завоевали свою политическую независимость и со всею твердостью заявляли о своей решимости ее отстаивать; когда США терпели серьезное морально-политическое поражение во Вьетнаме; когда капиталистический мир все сильнее потрясали бури классовых битв, — в таких условиях выдвижение претензий на мировое гос-

подство США казалось занятием поистине фантастическим!

Бжезинский, видимо, сознавал это и потому в отличие от своего предшественника Бернхэма предпочитал в своей работе не распространяться о политической стороне американского «вмешательства повсюду». На сей раз он выступил в скромном обличье технократа — его интересуют, видите ли, сугубо экономические проблемы, вытекающие из бурного развития научно-технического прогресса. Но кто не знает, что экономика — фундамент политики?

Обратимся же к существу рассуждений директора Колумбийского института по делам коммунизма. Исходя из того факта, что США далеко опередили в экономическом отношении своих союзников по капиталистическому лагерю, он стремился доказать, что теперь они уже недостижимы. «Мы, — утверждал он, — в сущности, становимся «постиндустриальным обществом», в котором на наш образ жизни все большее влияние начинают оказывать вычислительные машины и новые средства связи... Все это открывает новые перспективы, и порождает новые взгляды, и обостряет разницу между нами и остальным развитым миром».

Читатель, без сомнения, уже заметил, что автор этой концепции с присущей иным американским политикам самоуверенностью полностью игнорировал наличие на мировой арене социалистических стран, делая вид, будто США вырвались в своем экономическом, научном и техническом развитии так далеко вперед, что догнать их уже невозможно, и будто в силу этого они в состоянии стоять во главе всего современного мира, раздавая направо и налево свои предписания.

Бросалось в глаза и то, что Бжезинский неукоснительно следовал устоявшейся методике антимарксистских исследователей, которые полностью сбрасывают со счетов механику классово́й борьбы в человеческом обществе, подменяя ее пресловутой теорией «стадийного развития».

Как известно, наиболее обстоятельно эту теорию изложил тогдашний советник президента США Уолт Ростоу, воспитанный своим отцом, эмигрировавшим из России в 1905 году, в духе злобного антикоммунизма. Никогда не страдавший избытком скромности, Ростоу заявил однажды, что он еще в семнадцатилетнем возра-

сте «покаялся найти ответ на марксизм». В Йельском и Оксфордском университетах он, по его словам, «читал Маркса и говорил, что это большие вопросы и плохие ответы. Я сказал, что я дам лучший (!) ответ. Я ждал 24 года и, наконец, сделал это, и мой ответ лучше (!)».

В своей книге «Стадии экономического роста», вышедшей в свет в 1960 году, Ростоу заявил, что весь мир делится не по классовому признаку, а по признаку уровня экономического развития: есть-де передовые, слабо-развитые, умеренно-развитые, высокоразвитые страны, а все остальные — от лукавого. Превыше всех, конечно, Ростоу ставил США, подчеркивая при этом, что они-де находятся «в смертельной опасности», представляя собой комфортабельный демократический остров на земном шаре, вокруг которого бушуют силы менее развитой, завидующей Евразии. Исходя из этого постулата, он заявлял, что «американские интересы в известном смысле требуют, чтобы американцы были участниками крестового похода»...

Но вернемся к работе профессора Бжезинского «Америка в технотронный век». Что нового он внес в теоретическое обоснование этой мрачной философии «крестового похода» во имя спасения «комфортабельного острова на земном шаре», именуемого Соединенными Штатами? О, конечно, ни он, ни сам Ростоу отнюдь не мыслили оборонительными категориями. Нет, они имели в виду использование всей мощи, какую располагает их страна, для осуществления «глобальной роли США», о которой так любят говорить и писать в США, а проще говоря — для завоевания американского мирового господства.

Конечно, и тут можно различить оттенки. Одни американские теоретики из категории «ястребов» считают, что ради этой цели надо употребить силу, а если понадобится, то без колебаний пустить в ход и «оружие любого типа». Другие уверяют, что мировое господство придет само собой, свалится с неба, словно спелое яблоко, падающее с дерева, в силу подавляющего и все увеличивающегося превосходства США над всеми странами в области экономики, науки и техники.

Но и те и другие сходятся в одном: уж коли схватишь мир за глотку, держи его покрепче, чтобы он не вырвался, пуская в ход любые, пусть самые фантастические и безжалостные средства принуждения. Тут, как

я уже упомянул в начале этой главы, невольно вспоминаются взволнованные и жутковатые пророчества, которые за шестьдесят лет до появления на свет новой теоретической работы Бжезинского «Америка в технотронный век» сделал его соотечественник, писатель Джек Лондон в своем утопическом романе «Железная пята», разоблачая опасность быстрого развития олигархии монополистических трестов США.

Как, вероятно, помнит читатель, Джек Лондон предпослал своему утопическому роману о возвышении и падении американского империализма предисловие, якобы написанное в «419 году эры Братства людей», наступившей после победы социалистической революции. И вот с позиции счастливых людей той эры он следующим образом рисовал то, что, по мысли Лондона, могло произойти вследствие безудержного разрастания могущества американского империализма (не будем забывать, что это писалось еще до Великой Октябрьской социалистической революции, тогда, когда капитализм оставался безраздельно господствующим экономическим и социальным укладом). Я цитирую:

«Капитализм почитался социологами тех времен кульминационной точкой буржуазного государства, созревшим плодом буржуазной революции, и мы, в наше время, можем только присоединиться к этому определению. Следом за капитализмом должен был прийти социализм — это утверждали даже такие выдающиеся представители враждебного лагеря, как Герберт Спенсер. Ожидали, что на развалинах своекорыстного капитализма вырастет цветок, взлелеянный столетиями, — братство людей. А вместо этого, к нашему удивлению и ужасу — а тем более к удивлению и ужасу современников этих событий, — капитализм, созревший для распада, дал еще один чудовищный побег — олигархию. Социалисты начала двадцатого века слишком поздно обнаружили приход олигархии. Когда же они спохватились, олигархия уже была налицо — как факт, запечатленный кровью, как жестокая кошмарная действительность. Но и тогда... никто не верил в долговечность «Железной пята»».

Впрочем, к этой параллели мы еще вернемся, а пока что давайте раскроем книжечку, столь любезно присланную мне в 1968 году самим Бжезинским.

Что такое

«век технотроники»?

Воздадим должное самоуверенности автора — он весьма смело оперировал категориями будущего, без колебаний отметая все то, что не втискивается в рамки предложенной им схемы. «Наша эпоха не является больше революционной в традиционном смысле, — не колеблясь, писал он, словно ему ничего не было известно ни о борьбе народов Азии и Африки за свое национальное освобождение, ни о поражениях американских агрессоров во Вьетнаме, ни о новой мощной волне классовой борьбы в капиталистических странах Западной Европы, ни о борьбе негритянского населения Соединенных Штатов за элементарные человеческие права. И ничтоже сумняшеся продолжал: — Мы вступили в новую, совершенно иную форму истории человечества. Мир находится накануне преобразований, более глубоких по своим последствиям для истории человечества, чем то, что было достигнуто французской революцией или революцией большевиков».

Видите ли, уверял Бжезинский, технические и научные изменения в жизни людей имеют неизмеримо большее значение, чем социальные. Для него, как и для Росту, как бы не существует классовых категорий, благодаря которым крохотное привилегированное меньшинство Америки располагает всеми благами научно-технического прогресса, а подавляющее большинство его соотечественников питается лишь крохами, падающими со столов этих счастливых чиков.

Правда, Бжезинский тут же оговаривался, что для «века технотроники», на пороге которого, по его мнению, стоят США, будет характерно деление общества на избранную элиту и безликую народную массу. Но этот изобильный век сумеет-де обеспечить массам достаточно хлеба и зрелищ, чтобы они не роптали и не мешали элите творить и командовать не только своей страной, но и всем миром.

Пылкая фантазия теоретика из Колумбийского университета рисовала картину, я бы сказал, обезчеловеченного, механизированного общества, где творческая мысль одухотворяет лишь стоящее у власти «новое со-

словие политиков-интеллектуалов», или «меритократов» (от слова «мерит», что значит «достоинство»), возрастет «роль личности, наделенной особыми интеллектуальными качествами в выработке важнейших решений в общегосударственном масштабе».

А что же будет с народными массами?

Бжезинский уверял, будто бы будущее в этом отношении рисуется довольно удобным для сильных мира сего. Он считал, что, если высокий уровень автоматизации и кибернетики даст элите возможность обеспечить массам хлеб и зрелища, у нее не возникнет никаких неприятностей, массы-де не способны претендовать ни на что большее.

В этом отношении «век технотроники», по его мнению, будет неизмеримо более удобным для элиты, нежели «индустриальный век», в котором, как он считает, останутся, например, западноевропейские страны, им-де Америку не догнать никогда. Вот что он писал:

— ...**В индустриальном обществе** появляются разного рода идеологические концепции... **В технико-электронном обществе** увеличивается вероятность сокращения (!) социальных конфликтов...

— **В индустриальном обществе** активизация пассивных в прошлом народных масс еще более усиливает политические конфликты по таким вопросам, как лишение избирательных прав и прав голоса, — участие в политической жизни является чрезвычайно важной проблемой. **В век технотроники...** возникнет проблема отхода многих людей от политики.

— **В индустриальном обществе** массы, получившие право голоса, объединяются в профсоюзы и политические партии, выдвигая относительно несложные (?) программы. На политическую позицию зачастую влияют национальные чувства... **В технотронном обществе** тенденция, видимо, будет направлена в сторону организации миллионов разобщенных (!) граждан посредством последних достижений в области техники связи с привлечением для воздействия на эмоции и разум человека самых интересных индивидуальностей (стало быть, снова «герой и толпа»?! — Ю. Ж.). Так как решающую роль будет играть телевидение, появится тенденция к замене языка изобразительными средствами. Последнее нельзя ограничить национальными рамками... Все это... приве-

дет к созданию более космополитического (1) взгляда на то, что происходит в мире...

— Правительственные институты (включая военную машину), научные учреждения и промышленные предприятия окажутся в самой тесной зависимости друг от друга, так как экономическая власть будет неразрывно связана с политической властью, она станет более незримой...

Бжезинский считал, что потеря интереса людей друг к другу приведет к тому, что они перестанут даже встречаться в компании друзей и родственников, «чтобы распить бокал вина», как это делается в «индустриальном обществе». Социальная жизнь, пророчил он, будет настолько разобщена, что даже, несмотря на быстродействующие средства связи, «отдельные группы граждан не смогут воссоздать атмосферу интимности путем организации какого-то искусственного группового веселья», ну хотя бы по телевидению. Эту «атмосферу интимности» будет, как предполагал профессор, создавать лишь «применение химических средств воздействия (то есть наркотиков. — Ю. Ж.) на мозговую деятельность», и тогда эта атмосфера интимности «найдет проявление в самоанализе».

Честное слово, мистер Бжезинский, я никак не поверю, чтобы вам самому доставили удовольствие эти прелести «технотронного века». И как тут действительно не вспомнить пророчески нарисованные Джеком Лондоном еще до того, как мы с вами родились, фантастические картины царства «Железной пяты», когда элита олигархий правила Соединенными Штатами, подкупая рабочую аристократию и делая ее бездумной? Помните, как он писал: «Жизнь в стране шла своим чередом. Люди продолжали трудиться на полях и в недрах земли. Но теперь они были рабами».

На страже интересов элиты

Возможно, мистер Бжезинский мне возразит, что в его представлении элита в «век технотроники» должна формироваться самым демократическим путем: «Прогресс общества технотроники, — писал он, — зависит от эффективной мобилизации наиболее талантливых.

Необходимо выработать объективный и систематизированный критерий для отбора самых одаренных и создать максимальные возможности для их обучения и развития». Но сам Бжезинский говорил, что это будет лишь **меньшинство** общества. Именно оно, это меньшинство, уподобляясь спортсмену, бдительно следящему за своей формой, будет-де постоянно самосовершенствоваться, чтобы, не дай бог, не выпасть из тележки.

Все это прекрасно. Но что же все-таки, мистер Бжезинский, вы оставляете на долю **большинства** придуманного вами общества? «Химические средства воздействия на мозговую деятельность» ради создания искусственной «атмосферы интимности» и «самоанализа»? Что-то маловато для человеческого счастья!..

В глубине души, по-видимому, этот американский теоретик признавал слабость своей аргументации, и он предвидел возникновение немалых трудностей для своей элиты в управлении «технотронным обществом». Хотя фантастическое общество и виделось ему аполитичным, он все же предусматривал ради наведения порядка целый ряд жесточайших мер в стиле «Железной пяты». О чем же тут идет речь?

Во-первых, предусматривалось, что в «технотронный век» «техника позволит осуществить почти тотальный (!) политический надзор за каждым гражданином, вторгаясь в его личную жизнь в еще большей степени, чем сейчас». Бжезинский считал, что «вскоре можно будет осуществлять почти полный контроль за всеми людьми, составляя на каждого (!) отвечающее современным требованиям досье, содержащее не только обычные сведения, но и информацию весьма личного характера... Эти досье будут просматриваться властями по немедленному требованию последних».

Больше того, автор уверял, что благодаря исследованиям, которые сейчас ведут ученые в США, к концу XX века возникнет возможность «биохимического контроля за умственной деятельностью (!) человека». Но и это еще не все. Он сулил возможность искусственных изменений генетической структуры человеческого организма, «включая создание со временем существ, которые будут поступать, как человек, и мыслить подобно ему». Иными словами, речь шла о выведении расы послушных и бесправных людей-роботов, людей-рабов, которые молчаливо выполняли бы предписания элиты, как автоматы.

Справедливость требует сказать, что такая лихая постановка вопроса смутила самого Бжезинского. Он осторожно заметил, что тут возникли бы сложные проблемы: каков критерий, согласно которому может быть использован биохимический контроль над умственной деятельностью человека; каков будет социальный и политический статус «сущест, созданных искусственным путем», и т. д. Однако он не снимал в целом своей гипотезы о создании послушной элите армии сущест, приближающихся к человеку «по своим свершениям и творческим возможностям».

И все это именовалось «демократией талантливых людей»! Вот уж, как говорится, на языке мед, а под языком лед... Как не вспомнить тут гневную речь любимого героя Джека Лондона Эрнеста Эвергарда, обращенную им с трибуны конгресса к исполнителям воли олигархии американских монополистических трестов:

«Бия себя в грудь, вы разглагольствуете о свободе. Но кто же не видит на ваших плечах окровавленной ливреи «Железной пяты»?»

Ответом на эту речь была, как помнят читатели этого романа, бомба, брошенная в Эвергарда наемными агентами «Железной пяты».

То был фантастический роман. Теперь же, шестьдесят с лишним лет спустя, нашему вниманию был предложен конкретный план действий, имеющих целью создание тоталитарного режима «Железной пяты» с помощью использования новейших достижений науки и техники. И разве не напрашивалась сама собой аналогия между той страшной системой, которая рисовалась в мозгу талантливого писателя под влиянием бурного и опасного роста влияния монополий на американское общество, и тем образом жизни, который пророчил теперь Бжезинский Соединенным Штатам?

Я далек от того, чтобы сгущать краски и принимать за чистую монету прогнозы, являющиеся продуктом богатой фантазии этого ученого. Более того, я убежден, что тем, кто тоскует по эре «Железной пяты», никогда не удастся связать по рукам и ногам американский народ, который сумеет постоять за себя. Но мы допустили бы серьезную ошибку, если бы пренебрежительно прошли мимо таких футурологических упражнений, поскольку они, вне всякого сомнения, в какой-то мере отражают

чаяния иных неусыпных стражей пресловутого «американского образа жизни».

Существуют — да, реально существуют! — в американской действительности и в действительности других капиталистических стран силы, которые хотели бы перевести с языка теоретических рассуждений о «твердом режиме» на язык прозаической практики стремление отбросить изношенные покровы лицемерной буржуазной демократии и ввести порядок, перекликающийся с фантастическим режимом «Железной пяты». Если у кого-либо и сохранялись сомнения на сей счет, то кровавые события в Чили в сентябре 1973 года должны были бы их рассеять.

И не являются ли в какой-то мере знаменем времени попытки соответствующим образом подготовить кадры беспощадных «управляющих» для этого режима, попытки, о которых осенью 1972 года сообщила английская, а затем американская печать? Вот что можно было прочесть об этом, например, в журнале «Ньюсуик» 21 августа 1972 года:

«В период золотой лихорадки, который наблюдался в популярной психологии в последнее десятилетие, наряду с расцветом и увяданием десятков соперничавших между собой групп, обществ, занимавшихся проблемами побудительных мотивов и тайных культов, почти незаметно существовало нечто, называемое Институтом динамики лидерства.

Но его вдохновляющая притягательность была настолько велика, что позволила ему проводить «лечебные семинары» в десяти странах, причем плата за участие в четырехдневных заседаниях установлена в размере 1000 долларов для мужчин и 640 долларов для женщин. По сообщению лондонской газеты «Дейли мейл», которой об этом стало известно, тактика, используемая Институтом динамики лидерства, совершенно уникальна. Корреспондент, принимавший участие в одном из таких семинаров в качестве студента, сообщил, что обучение в области личного развития, проводившееся за закрытыми дверями фешенебельного отеля «Кенсингтон Пэлес», включало такие методы, как избивание кулаками и ногами, обливание холодной водой и «прополаскивание мозгов» с целью обеспечения беспрекословного подчинения студентов приказам инструкторов.

Лондонские газеты описали историю этого пятиднев-

ного «чуда», намекая на возможные запросы в парламенте и на шокирующие письма в редакции. Однако им не удалось по достоинству оценить серьезность этого дела. Изучая деятельность Института динамики лидерства в Соединенных Штатах, корреспондент журнала «Ньюсуик» Вильям Кук, в свою очередь, обнаружил странное предприятие, которое полагается на физическое воздействие, психологическое издевательство и сексуальные конфронтации с целью выявления у клиентов скрытых качеств лидерства.

Размещенный в специально переоборудованном доме на самой окраине Сан-Рафаэля, штат Калифорния, Институт динамики лидерства является детищем Вильяма Пенна Патрика, архиконсервативного бизнесмена, который сколотил корпоративную империю вокруг косметической компании, называемой «Холидей мэджик, Инкорпорейтед»... Бывшие студенты Института динамики лидерства заявили, что их избивали, сажали в клетки, привязывали к крестам, запирали на длительное время в гробы и заставляли совершать противоестественные половые акты... Семинары Института динамики лидерства обычно проводятся в номерах отелей и мотелей при закрытых дверях сериями марафонских заседаний при участии 18—25 студентов и четырех-пяти инструкторов. Клиентам может быть отказано в пище, кроме того, их обычно подвергают голыми многочасовым мучениям на «пяточке» — ничем не занятой площади в центре семинарской комнаты, где инструкторы и классные наставники травят их, унижают и подвергают различным пыткам.

Цель таких семинаров, по описанию одного из бывших студентов, заключается в том, чтобы заставить объект признаться в своих недостатках и вызвать у него слезы. «После этого, — продолжает он, — один из лидеров выкрикивал: «Он — настоящий мужчина. Он во всем признался. Он прошел через ад. Мы считаем его таким же, как и мы. Мы должны измениться, если хотим добиваться успеха». Затем мы обнимали его и говорили ему, какой он молодец».

«Гроб, — говорит Патрик, — является символом, который обычно применяется для того, чтобы показать классу, что многие люди мертвы задолго до их физической смерти». А что, если больной страдает клаустрофобией? «Позвольте мне сказать следующее, — продол-

жал Патрик. — Если они ранее страдали клаустрофобией, то после прохождения курса обучения они избавились от нее».

Могут ли подобные методы улучшить творческие качества и качества лидерства?..

«Фактически, — говорит Патрик, — около двух тысяч человек приняли участие в семинарах Института динамики лидерства, и почти все, за исключением небольшой горстки, радовались (!) этим семинарам. Владелец отеля, организовавший семинары, подтверждает это заявление. В своем письменном заявлении один из клиентов Института динамики лидерства писал: «После семинара я впервые в моей жизни почувствовал, что нет ничего, абсолютно ничего невозможного, если вы заставите себя делать то, чего вы боитесь».

Отсутствие или недостаток протестов, возможно, объясняется тем фактом, что большинство клиентов Института динамики лидерства являлись служащими различных компаний Патрика и надеялись получить повышение. Горстка недовольных все же обратилась в суд, выдвигая обвинение о нанесении ущерба личности, но, по крайней мере, некоторые из этих обвинений были улажены вне суда. Один служащий компании «Холидей мэджик» написал гневную книгу «Распятие». Но все это, по словам Патрика, не имеет никакого значения: «Любое дело можно обратить в зло, если этого добиваются, — заявил он. — Я же хочу представить принцип соответствующим образом».

Следующий семинар Института динамики лидерства состоится на этой неделе в мотеле города Пало-Альто, штат Калифорния».

Похоже на бред сумасшедшего? Согласен. Но когда в руках у сумасшедшего миллионы и он стоит во главе крупной корпорации, согласитесь, его действия нельзя не принимать во внимание. И то, что творится в Институте динамики лидерства и в подобных ему учреждениях, действующих вполне легально и открыто, не может и не должно остаться незамеченным...

По мнению Бжезинского, Америка в настоящее время находится в стадии переходного периода. И он сокрушенно замечает, что «это, по крайней мере частично, является причиной нынешнего напряженного положения и беспорядков». Стало быть, он сам вынужден признать, что «технотронный век», что называется, не сахар, ведь

в противном случае люди не стали бы бунтовать против него!

Что же случилось? «Стихийный характер развития», указывает Бжезинский, породил в народе веру в возможность «американского чуда» (по правде сказать, дело тут не в «стихийном характере развития», а в воздействии неправдивой пропаганды элиты. — Ю. Ж.). «Этот мир, — продолжает профессор, — способствовал появлению социальной ограниченности, выразившейся в тех сторонах жизни американского общества, которые не соответствовали оптимистической модели. В особенности это коснулось отношений с неграми и обездоленными». По словам Бжезинского, у людей возникла была «вера во врожденную добродетель американской социально-экономической машины» — по мере того, как Америка-де прогрессирует, все трудные проблемы решаются сами собой. Но действительность разбила эти надежды.

«Американское общество сегодняшнего дня встревожено, — признает он, невольно опровергая все то, что писал раньше о мнимом всемогуществе и довольстве современной Америки, — а некоторые его слои претерпевают настоящие мучения... Все чаще говорят о несовершенстве общественного устройства... Происходят поиски смысла, характерные для Америки сегодняшнего дня. Они, видимо, являются предвестниками чрезвычайно сильных и острых идеологических конфликтов... Доведенные до крайности, эти конфликты могут привести Америку к насильственной и разрушительной гражданской войне (!) идеологического и расового характера».

Вот тебе и раз! Все было так хорошо, наступление «технотронного века» сулило всем такие блага, люди не должны были вовсе думать о политике, и вдруг такой оборот... Выходит, гони политику в дверь, она влетит в окно!

В этой удручающей элиту обстановке Бжезинский пытается найти единственную утешительную гипотезу. «Кажется маловероятным, — уверяет он, — что сейчас может появиться какое-то всеобщее политическое учение, подобное марксизму, возникшему на заре промышленного века, способное мобилизовать широкие массы... В технотронном обществе может появиться прагматический идеализм, но вряд ли там найдется место для догматического утопизма».

Насчет какого-то «догматического утопизма» согла-

сен. Но разве марксизм, живой и действенный, не присутствует в современной Америке, разве он не будоражит умы мыслящих американцев?

Пусть последовательных марксистов там пока еще не так много. Но они борются. И рано или поздно одухотворенные живым творческим огнем революционной мысли миллионы американцев пойдут на штурм морально-политических крепостей олигархии, как шли в романе Джека Лондона «люди из бездны» сражаться с «Железной пятой».

Америка и Европа

Ну а как рисуются этому теоретику взаимоотношения Америки и внешнего мира в «технотронный век»? Не требуется большого воображения, чтобы догадаться, что он следует традиционной схеме американских политиков, согласно которой за Америкой и ныне и присно и во веки веков должна сохраняться руководящая роль в мировых делах. Однако в его теории «технотронного века» разработаны и некоторые новые, не лишённые интереса и для нас, европейцев, проблемы.

Уже небезызвестный французский деятель Серван-Шрейбер, очарованный мифом об «американском чуде», в своей книге, именуемой «Американский вызов», используя обильные статистические данные, почерпнутые из пристрастных источников, силился доказать, будто научный и технический прогресс Соединенных Штатов развивается столь бурно, что никому на свете и никогда их не догнать. Единственную возможность как-то справиться с американским вызовом он видел в создании мощных западноевропейских монополий, способных соперничать со своими американскими сестрами-врагами, и в учреждении неких Соединенных Штатов Европы. Впрочем, такая перспектива ему самому представлялась крайне малореальной. И он, в конечном счете, рекомендовал Западной Европе признать господство США.

Тот же призыв, обращенный к западноевропейским союзникам США, более открыто и более широко развивал в своей работе и Збигнев Бжезинский. Он всячески пытался доказать, будто «внешний мир» обречен отныне и до скончания века плестись в хвосте у Соединенных Штатов, причем союзники США по блоку НАТО обрече-

ны на безнадежное отставание, а следовательно, и на подчиненное положение.

Что касается социалистических стран, мистер Бжезинский всячески избегал каких-либо прямых сопоставлений и прогнозов; он знал, конечно, что неумолимая статистика опровергает его тезис о «недосягаемости» американских показателей, и вступать в полемику со всем известными цифрами, характеризующими, к примеру, темпы экономического развития СССР, было бы невыгодно. Видимо, поэтому он предпочитал оперировать изобретенными Ростоу категориями стадий «экономического развития вообще» безотносительно к социальным системам государств.

Бжезинский делил весь мир на три части: страны, вступившие в «технотронный век», — к их числу он пока относил только США — они-де неудержимо будут мчаться вперед; страны, остающиеся в «индустриальном веке», — эти-де обречены на хроническое отставание от Соединенных Штатов; и, наконец, страны «аграрного века», составляющие подавляющее большинство, — их профессор обрекал на самые страшные беды.

Отсюда он и делал вывод о неизбежности «противостояния» Соединенных Штатов всему остальному миру со всеми вытекающими отсюда последствиями: США, по его мнению, в силу своей исключительности должны будут, хотя бы они того или не хотят, встать на путь «американизации» всего земного шара. Такова, дескать, логика «технотронного века»!

Сердцевиной этих размышлений являлся замысел о подчинении американскому контролю Европы, о чем уже давно мечтали сильные мира сего в США. Для них это не теоретический, а сугубо практический вопрос. И не случайно, например, заместитель помощника государственного секретаря США Шетцель, выступая на страницах журнала «Форин афферс», со всей откровенностью заявил, что, «поскольку валовой национальный продукт самого большого [западно-] европейского государства (Шетцель, очевидно, имеет в виду ФРГ. — Ю. Ж.) равен примерно пятнадцати процентам валового национального продукта США, у американцев нет больше оснований опасаться непослушания Западной Европы».

И вот в январе 1968 года в Париж явился специальный советник президента США по научным делам Дональд Хорниг. Как иронически отметил тогда же париж-

ский журнал «Экспресс», он выступил в роли «скромного профессора, объясняющего внимательным ученикам, как преуспеть в жизни». «Учениками» его были «наиболее высокопоставленные [западно-] европейские чиновники», собравшиеся под эгидой Организации экономического сотрудничества и развития. Мораль этих уроков, как заявил анонимный «американский эксперт» корреспонденту «Экспресс», заключалась в следующем: «Если какая-либо страна не в состоянии использовать свою индустрию для достижения определенной цели, лучше отказаться (!) от этой цели или присоединиться к другой стране (читай: к США! — Ю. Ж.), чтобы ее достигнуть».

Но не слишком ли рано американские советники начали давать такие рекомендации? Давайте-ка на несколько минут отвлечемся от рассуждений Бжезинского и разберемся в реальных возможностях Европы, от которых зависит ее способность дать отпор пресловутому «американскому вызову».

Бесспорно, благодаря попустительству правителей западноевропейских государств Соединенные Штаты, вторгшиеся в сороковых-пятидесятых годах на западную оконечность нашего континента с «планом Маршалла» и с Атлантическим пактом, сумели неплохо укрепиться там — против этого никто не спорит.

Советский журналист В. Осипов приводил на страницах журнала «Международная жизнь» цифры, которые сами говорят за себя: Вашингтон держит в Европе более трехсот тысяч солдат и офицеров, семь тысяч ядерных боеголовок, шестой флот в Средиземном море; частные американские капиталовложения в западноевропейских странах непрерывно растут. Детройт контролирует более половины автостроительных предприятий Западной Европы; ИБМ и «Дженерал электрик» захватили по меньшей мере семьдесят процентов ее рынков электронного оборудования. И т. д. и т. п.

Все это так. Но сумела же тем не менее Франция выдворить хозяйничавшие на ее земле более двух десятилетий американские вооруженные силы. Осмелились же Норвегия, Дания, даже Испания запретить полеты американских ядерных бомбардировщиков над своими территориями. Значит, американское вторжение отнюдь не столь роковое, как это пытаются изобразить те, кто раздувает «американский вызов». Все дело в самих евро-

пейцах. Если они действительно проникнутся решимостью стать хозяевами в своем доме, никто и ничто не помешает им в этом.

Теперь о главном: действительно ли хваленая Америка со своей «технотронной» экономикой ушла так далеко вперед, что Европа бессильна прожить без ее опеки?

Тут надо прежде всего уточнить вот какой вопрос: что же такое Европа? Вопрос этот не так наивен и не столь прост, как может показаться на первый взгляд.

Раскроем Большую Советскую Энциклопедию и прочтем: «Европа — часть света, западная часть материка Евразии. Крайние материковые точки Европы: на севере — мыс Нордкин, на юге — мыс Марроки, на западе — мыс Рока, на востоке — восточное подножие Полярного Урала близ Байдарацкой губы. К Европе относятся острова и архипелаги, наиболее крупными из которых являются: Новая Земля, Земля Франца-Иосифа, Шпицберген, Исландия, Британские, Зеландия, Баlearские, Корсика, Сардиния, Сицилия, Крит. В указанных границах площадь Европы вместе с островами около 10 миллионов квадратных километров, площадь островов около 730 тысяч квадратных километров».

Теперь раскроем Британскую энциклопедию — она, между прочим, давно уже перестала быть британской, ибо издается в Чикаго. Прочтем: «Существуют сомнения (!) относительно подлинной границы между Европой и Азией; обычно этой границей считались Уральские горы и Кавказ, хотя иногда в дальнейшем ее заменяли (!) официальной границей СССР».

Вот какая получается история с географией, когда к ней примешивается политика. Как тут не вспомнить еще раз достопамятный миф о похищении красавицы Европы, дочери финикийского царя Агенора? Пылкое воображение древних греков нарисовало драматическую картину: дошлый Зевс принял образ белого быка, схватил Европу и уплыл с нею за море.

Нынче небезызвестный бык американского происхождения уже не в состоянии утянуть за океан всю Европу. Отсюда и чикагские поправки к географии. Вот уже двадцать лет создается новый миф о полу-Европе, якобы избравшей объектом своих пылких чувств заморского поклонника. Но, во-первых, в этой западной полу-Европе отнюдь не все согласны на роль вассалов заморского сюзерена, а против американского господства бунтует не

только Франция. А во-вторых, успешное развитие общеевропейской торговли, общеевропейских научных и культурных связей все чаще наталкивает более дальновидную часть правящих кругов западноевропейских стран на мысль о том, что дальнейшее, более широкое развитие общеевропейского сотрудничества может оказаться действительной гарантией против американского господства.

Конечно, если западные полуевропейцы будут упорствовать в своем стремлении сохранять ров между своим обручком континента и социалистическими странами, которые, как известно, занимают две трети европейской территории и располагают доброй половиной населения Европы, то им, конечно, придется туговато в противостоянии с США. Но если бы было обеспечено нормальное экономическое и научно-техническое сотрудничество между всеми европейскими странами, включая, естественно, СССР, то Европа стала бы действительно самым мощным в мире экономическим районом, оставив Соединенные Штаты далеко позади.

Во всяком случае, если говорить о сегодняшнем дне, то объективные экономические данные показывают, что вопреки надуманным доводам американских теоретиков о якобы роковом для европейцев разрыве между их «индустриальной» экономикой и «технотронной» экономикой США Большая Европа развивает свою экономику более высокими темпами, чем Соединенные Штаты Америки. Замечу попутно, что в этих условиях равноправное экономическое сотрудничество между странами Западной Европы и Восточной Европы, основанное на принципе взаимной выгоды и осуществляемое без помех со стороны внеевропейских сил, может и должно принести его участникам новые успехи.

Что для этого необходимо? Я позволю себе здесь вспомнить один документ почти полувековой давности: постановление Каннского совещания западноевропейских держав о созыве Генуэзской конференции, принятое в начале 1922 года.

Учитывая провал своей интервенции и блокады, направленной против молодой Советской республики, восторжествовавшие капиталистические страны были вынуждены пойти на нормализацию отношений с правительством Ленина. И западноевропейские державы тогда провозгласили скрепя сердце предложенный Ллойд Джорджем тезис:

«Нации не могут присваивать себе право диктовать другим принципы, на основе которых те должны организовать строй собственности, свою внутреннюю экономическую жизнь и свой образ правления».

Чичерин на первом же пленарном заседании Генуэзской конференции по поручению Ленина заявил, что «Российское правительство придает... величайшее значение первому пункту каннской резолюции о взаимном признании различных систем собственности и различных политических и экономических форм, существующих в настоящее время в разных странах». И он сказал:

«Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления».

С тех пор как было сделано это заявление, многое изменилось в мире. Но принцип равноправного, взаимовыгодного сотрудничества между государствами, представляющими два параллельно существующих в Европе социальных строя, остается в силе. Европа не перестала быть Европой, и традиционные экономические, культурные, научные связи ее народов, их взаимно связанные интересы сохраняют все свое значение.

Опыт последних лет дал тысячи примеров такого взаимовыгодного сотрудничества в большом и малом. Вспоминается, в Париже я беседовал с французским промышленником. Он сказал: «Мы купили в Советском Союзе лицензию на непрерывный метод разливки стали. Это очень ценное для нас приобретение». В Москве я встретился с советским автомобилистом: «Разумное соглашение мы подписали с парижской государственной фирмой «Рено», сотрудничество с ней поможет нам быстрее расширить производство автомобилей. Весьма кстати пришелся и новый автомобильный завод, который помогла нам построить итальянская фирма «ФИАТ». И рабочие Италии и Франции не в обиде — наши заказы обеспечивают им заработок». В Бонне мне довелось беседовать с крупным предпринимателем ФРГ, который участвовал в долгой беседе группы наиболее влиятельных западногерманских промышленников и финансистов

с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Он был глубоко взволнован. «Вы знаете,—сказал он,—перспектива долгосрочных компенсационных сделок, которую нам обрисовал ваш лидер, поистине грандиозна. Открываются такие возможности взаимовыгодного сотрудничества, каких Европа еще не знала».

Все это называется на социально-политическом языке мирным сосуществованием. Никто не уступает ни пяди своему сопернику в идейных принципах. Каждый остается при своей социально-политической системе. Но при всем том разворачивается в широких масштабах деловое сотрудничество, чуждаться которого было бы глупо и недальновидно.

Вот почему мы всегда говорили: «Европейцы, за один стол!» Давайте встречаться, давайте разговаривать, спорить, искать пути сотрудничества, давайте расширять это сотрудничество. Большая Европа может и должна стать реальностью. Потуги ее противников разгородить наш континент глубоким рвом, выдать за Европу ее обрубок, лежащий на крайнем западе, делая вид, будто Европа усохла и съежилась, сократившись втрое, а к востоку от Швеции, ФРГ и Австрии уже начинается Азия, попросту несостоятельны...

Сейчас наконец понимание этой бесспорной истины становится все более распространенным. Благодаря неустанным усилиям нашей партии и правительства, братских социалистических стран, всех прогрессивных сил Европы была обеспечена политическая разрядка, создавшая благоприятные условия для общеевропейского сотрудничества.

Шесть лет спустя

С тех пор как было обнародовано политическое кредо директора Колумбийского института по делам коммунизма, прошло шесть лет. И какие шесть лет! В мире произошли новые грандиозные перемены. С одной стороны, еще больше возросли силы, моральный престиж и благотворное влияние СССР и всего содружества социалистических стран. С другой стороны, главная капиталистическая держава — Соединенные Штаты Америки — потерпела серьезнейшее морально-политическое, да, если хотите, и военное поражение в Индоки-

тае; ее экономическая мощь оказалась поколебленной, ее валюта была подорвана; необычайно обострились противоречия между США и их союзниками; разветвленная система военных блоков капиталистических государств, сколоченная в сороковых и пятидесятых годах, ослабла, а некоторые из них стали распадаться; самый главный их блок — Атлантический — одряхлел, его военная доктрина устарела, и начались разговоры о том, что НАТО пора серьезно реконструировать, если не ликвидировать вообще.

«Думающие фабрики» Америки, как именуют там специализированные институты, занятые формированием различных вариантов политики, заработали вовсю в поисках новых, более реалистичных перспектив международных отношений. Рассуждения о том, что США должны играть роль «всемирного полицейского» и командовать повсюду, вышли из моды. Лозунг об «отбрасывании коммунизма» был предан погребению без пышных венков и надгробных речей. Президент Соединенных Штатов Ричард Никсон провозгласил новый курс — переход от эры конфронтации к эре переговоров. Бесславная война в Индокитае, стоившая Соединенным Штатам сотни миллиардов долларов и многие десятки тысяч жизней, была прекращена, и американские вооруженные силы были выведены оттуда.

В мае 1972 года президент Никсон приехал в Москву, и в итоге переговоров на высшем уровне была заключена целая серия важных соглашений, которые должны были положить конец долгой и бесплодной полосе напряженности в отношениях между США и СССР и положить начало новым отношениям — отношениям взаимовыгодного сотрудничества. Политической базой для этого нового развития должен был стать важнейший документ, подписанный Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Никсоном, который назывался «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки». Из этого документа следовало, что в ядерный век взаимоотношения СССР и США могут и должны строиться на основе мирного сосуществования и с учетом принципа равной безопасности.

Это был поворотный момент в послевоенной истории, и значение его трудно переоценить. Новый курс

в советско-американских отношениях обеспечил не только благотворное развитие взаимовыгодного делового сотрудничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами, но и общее и притом весьма значительное улучшение международного климата.

И когда год с лишним спустя Л. И. Брежнев прибыл с официальным визитом в Соединенные Штаты, стало возможным сделать новый и притом весьма значительный шаг в этом направлении: в итоге обстоятельных и глубоких переговоров Генерального секретаря ЦК КПСС с президентом США, которым, кстати сказать, предшествовала длительная подготовка и личная переписка Л. И. Брежнева с Р. Никсоном, была заключена новая серия важных соглашений и прежде всего соглашение СССР с США о предотвращении ядерной войны.

Широкие общественные круги Америки, как и советская общественность, приветствовали этот поворот в развитии отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом, справедливо расценив его как победу реализма. Но в то же время явственно обозначилась и оппозиция этому новому курсу в международных делах. Весьма влиятельные круги, прежде всего те, что связаны так или иначе с военно-промышленным комплексом, пошли против течения, всячески пытались усложнить, если не подорвать, благоприятное для дела мира развитие событий.

Какую же позицию заняли в этой обстановке те, кто ранее столь активно и настойчиво проповедовал «особую миссию» Соединенных Штатов на нашей планете, доказывая, что им самим господом богом предуказано быть державой—лидером всего мира? И, в частности, в каком лагере оказался наш старый знакомый профессор Збигнев Бжезинский, по-прежнему занимающий пост директора института по делам коммунизма?

Мы снова встретились с ним на очередной Дартмутской конференции * в декабре 1972 года в тихом

* Дартмутские конференции — так называются встречи американских и советских деятелей, на которых обсуждаются важные проблемы двусторонних отношений и наиболее острые международные проблемы. Первая такая конференция состоялась в начале шестидесятых годов в Дартмутском колледже — отсюда и название этих встреч. В декабре 1972 года встреча снова проходила в том же колледже, находящемся в Ганновере. Весной 1974 года очередная Дартмутская конференция состоялась в Тбилиси.

студенческом городке Ганновере, на северо-востоке США. Бжезинский был настроен весьма оптимистично, он приветствовал позитивное развитие советско-американских отношений и даже в редакционной комиссии, где выработывалось совместное коммюнике, действовал в конструктивном духе, подбирая компромиссные формулировки, которые могли устроить всех.

Кто-то из ветеранов этих встреч заметил: «Смотри-ка, что делает жизни! Она изменила даже Бжезинского». Другой, более скептически настроенный участник встречи, улыбнувшись, возразил: «Не спешите с выводами. Не забудьте, что он остается директором института по делам коммунизма, а точнее, по делам антикоммунизма. Когда-то французы говорили: «Noblesse oblige» («Благородство обязывает»), а в наш прагматический век говорят прозаичнее и, пожалуй, точнее: «Должность обязывает!»

И не случайно, видимо, полгода спустя, в дни визита товарища Л. И. Брежнева в Соединенные Штаты, мы увидели и услышали — на этот раз по телевидению — уже не этого, дартмутского, Бжезинского, а прежнего, скептического и сердитого. Он снова был по другую сторону баррикады и напрягал все свои силы для того, чтобы рассеять оптимистическое настроение своих соотечественников и вызвать у них пессимизм.

Вернувшись в Москву, я нашел на своем столе три новых объемистых труда профессора Бжезинского, любезно присланные им. Мне вспомнилось, как в Дартмутском колледже, то ли в шутку, то ли всерьез, он сказал: «Когда я читаю ваши статьи о моих работах, у меня повышается кровяное давление». И добавил, улыбаясь: «Но врачи говорят, что мне это полезно». Ну что ж, я готов и на сей раз быть полезным директором института по делам коммунизма.

Давайте же посмотрим, что написано вот в этой книге, под названием «Между двумя веками. Роль Америки в технотронную эру». Я выбрал именно этот труд, поскольку, как пишет сам автор, он в нем подробно развивает идеи, первоначально сформулированные в 1968 году в работе «Америка в технотронный век», с которой я уже познакомил читателя. Причем, как подчеркивает Бжезинский, он не только попытался расширить и сделать более ясными некоторые из

сформулированных им ранее положений, но и «существенно пересмотрел некоторые свои взгляды в свете конструктивной критики коллег».

Такой самокритичный подход можно было бы только приветствовать, и внимательное ознакомление с новой работой Бжезинского показывает, что он действительно изъясил наиболее вызывающие и категорические тезисы, которые побудили меня вспомнить о «Железной пяте» Джека Лондона (хотя эта книга была написана еще в 1970 году, но перед нами ее четвертое издание, вышедшее из печати в ноябре 1972 года, то есть уже после того, как в Москве были подписаны важнейшие основополагающие советско-американские документы, в которых провозглашались принципы равной безопасности СССР и США и решимость строить взаимоотношения обеих стран на основе мирного сосуществования). Но вот что бросилось в глаза: обходя некоторые острые углы, Бжезинский, в сущности, полностью сохранил все свои основополагающие идеи о пресловутом «технотронном веке» и о «всемирной роли» Соединенных Штатов Америки, на которую эта страна якобы имеет полное право, поскольку она уже вступила в пресловутый «технотронный век», а все остальные болтаются где-то позади и не в состоянии ее догнать.

Обратимся же к этой объемистой книге, в которой 334 страницы убористого шрифта. Как директор института по проблемам коммунизма глядит сегодня на современный мир, какое место и роль отводит он в этом мире Соединенным Штатам Америки и как смотрит на развитие отношений США с СССР и другими социалистическими странами (упорно следуя американской терминологии, он именуется их «коммунистическими странами»)?

Тезис Бжезинского № 1: «технотронный век». Он вновь пускает в обращение этот свой неологизм, поясняя, что нынешний этап научно-технической революции якобы имеет решающее воздействие на жизнь современного общества, отодвигая на второй план, если не устраняя полностью, все социальные и идеологические проблемы.

«Влияние науки и технологии на человека и его общество, особенно в более развитых странах, становится главным источником современных перемен... — пишет о.и. — «Постиндустриальное общество» превращается

в технотронное общество — общество, формирующееся в культурном, психологическом, социальном и экономическом отношениях под влиянием технологии и электроники, особенно в области электронно-вычислительных машин и коммуникаций... В индустриальном обществе технические знания прежде всего применялись для достижения специфической цели: ускорения и улучшения техники производства. Социальные последствия были последующим, вторичным продуктом этих первостепенных забот. В технотронном обществе научное и техническое знание в дополнение к повышению производственных возможностей быстро распространяет свое влияние на почти все аспекты жизни непосредственно» (стр. 210).

Для чего понадобилось Бжезинскому повторение этих рассуждений, высказывавшихся им уже неоднократно? А вот для чего: он уверяет доверчивого читателя, будто в «технотронный век» происходит **«слияние экономической и политической власти»**, причем «власть деперсонизируется» (то есть обезличивается), понятие классовой борьбы становится анахронизмом, влияние идеологии падает, и людям остается ждать полного и всеобщего благополучия, которое будет достигнуто благодаря образцовой и безошибочной деятельности электронно-вычислительных машин.

Подчеркнув далее, что «Соединенные Штаты — главный сеятель технотронной революции» (вы слышите? **Революции!** — Ю. Ж.), Бжезинский тут же оседлывает своего любимого конька и пускается в рассуждения о всемирной роли Соединенных Штатов Америки. «Именно американское общество, — заявляет он, — оказывало величайшее влияние на все (!) остальные общества» (стр. 24). Не страдая избытком скромности, он сравнивает роль США на нашей планете в мировом масштабе с той ролью, которую когда-то играли Афины и Древний Рим в мире Средиземноморья, Китай в древней Азии, Франция в старинной Европе.

Бжезинский уверяет, что Америка не добивалась этой командной позиции, но, что поделаешь, так уж получилось. «Конечно, тот факт, — пишет он, — что завтра после второй мировой войны многие нации непосредственно зависели от Соединенных Штатов в области безопасности, политики и экономики, повлек за собой создание системы, которая во многих отноше-

ях, включая масштабы, внешне напоминает Британскую, Римскую и Китайскую империи (!) прошлого. Более миллиона американских солдат находятся на более чем 400 крупных и примерно 3000 меньших военных базах Соединенных Штатов, разбросанных по всему миру, 42 нации связаны с Соединенными Штатами договорами об обеспечении безопасности, американские военные миссии обучают офицеров и солдат во многих других национальных армиях, и примерно 200 000 американских граждан, состоящих на службе у правительства, занимают посты за рубежом, все это создает очевидную аналогию с великими классическими имперскими системами» (стр. 32).

Что и говорить, цифры и факты, приведенные Бжезинским, убедительны, и глава его научного труда, посвященная их анализу, не случайно называется «**Новый империализм?**». Позвольте, скажете вы, но при чем здесь вопросительный знак? А в том-то и дело, дорогой читатель, что этот ученый, не считая возможным игнорировать факты (кстати сказать, факты общеизвестные!) и те оценки этих фактов, какие бытуют повсеместно, стремится тут же убедить читателя, будто тот заблуждается, расценивая их как свидетельство «нового империализма».

Самое большее, что он считает возможным признать, — это то, что во внешней политике США прослушиваются имперские «обертоны», но тут же заявляет: вся музыка тут — сугубо демократичная и «технотронная», то есть лишенная империалистического содержания. Бжезинский доказывает, что «имперский» характер отношений Соединенных Штатов с другими государствами был лишь «переходным» моментом в послевоенной истории и означал всего лишь реакцию на создавшийся в итоге второй мировой войны «вакуум» и «страх перед коммунизмом». Теперь, заявляет он, «прямая политико-военная зависимость [опекаемых государств] от Соединенных Штатов ослабела» и «ее место заняло более убедительное, но менее осязаемое влияние американского экономического присутствия» (стр. 33).

Бжезинский спешит подкрепить этот тезис ссылкой на опубликованную в «Нью-Йорк таймс бук ревью» рецензию Джозефа Крафта на книгу Амори де Риенкура «Американская империя», где говорится: «Американ-

ское влияние является пористым (porous) и почти невидимым. Оно действует путем взаимопроникновения, экономических институтов, симпатизирующей гармонии политических лидеров и партий, общности концепций утонченных интеллигентов, сочетания бюрократических интересов. Иными словами, в мире возникает что-то новое, и еще не все это хорошо понимают» (стр. 33).

Стоп! Что же доказали нам Бжезинский и взятые им в понятия Джозеф Крафт и Амори де Риенкур? Только «имперские обертоны» тут прослушиваются или нечто куда более мощное? Нетрудно понять, что речь идет лишь о смене средств достижения цели, а не о смене самой цели! В этом еще больше убеждает нас сам Бжезинский, когда он своими рассуждениями об особенностях «технотронного века» пытается оправдать взятую на себя Соединенными Штатами миссию глобального (то есть всемирного) характера. Послушайте:

«Соединенные Штаты, — пишет он, — становятся первым глобальным (!) обществом в истории. Это общество, которое все труднее становится ограничить рамками его внешних, культурных и экономических границ. Однако нежелательно, чтобы в предвидимом будущем Америка перестала быть обновляющим стимулом, чем характеризуются ее нынешние отношения со всем миром. К концу века лишь около тринадцати наций смогут достигнуть того уровня национального дохода на душу населения, каким обладают сейчас США» (стр. 34). (Бжезинский ссылается здесь на явно подтасованные расчеты все того же Германа Кана.)

И он делает вывод, который, в сущности, ничем не отличается от того тенденциозного прогноза, который он делал за шесть лет до этого, работая над книгой «Америка в технотронный век», когда было модно провозглашать, что наш век — это век всемирного господства Соединенных Штатов.

«Если только к концу века не возникнет большая научная и экономическая стагнация, — заключает Бжезинский в своей новой книге, — Америка останется важной силой для глобальных перемен, независимо от того, какие субъективные настроения будут тогда доминировать — про- или антиамериканские» (стр. 35).

Как видит читатель, тон у нашего профессора все же не столь мажорный и категоричный, каким он был шесть лет тому назад, появилось даже сакраменталь-

ное «если», которого не было и в помине в книге «Америка в технотронный век». Все же ученый не может полностью абстрагироваться от реальной действительности, а действительность эта решительно не может вселить бодрость в сердца и души его единомышленников.

Вот почему, внося существенную поправку в свои прежние тезисы, он утверждает, что Америка все же еще не полностью вступила в «технотронный век», гарантирующий ей неуязвимость как вовне, так и внутри страны, а лишь находится в «переходном периоде» к этому золотому веку. Больше того, он считает на этот раз необходимым признать, что пресловутый «американский образ жизни» далеко не безупречен и отнюдь не так красив, как изображает его официальная реклама. Главу, которая так и называется — «Американский переходный период», он открывает пассажем, который звучит, словно монолог трагика:

«Есть что-то устрашающее и сбивающее с толку в обществе, которое может одновременно изменить положение человека во вселенной, отправив людей на Луну; вести и финансировать войну за рубежом, стоящую тридцать миллиардов в год, — войну, которую презирает значительная часть народа; сохранять самые могучие в истории и наиболее широко раскинувшиеся вооруженные силы и драться на улицах и подстрекать в судах к революции в своих внутренних расовых отношениях, — делая все это в контексте бурного развития высшего образования в своих быстро расширяющихся и бунтующих университетах, бурного развития тухлых городских центров, неумелых полицейских институтов и динамически развивающихся передовых отраслей промышленности, трансформирующих образ жизни граждан и связывающих их друг с другом. Любого из этих аспектов было бы достаточно, чтобы коренным образом изменить ценность общества и его автопортрет, и всего лишь нескольких хватило бы, чтобы опрокинуть систему. Все, вместе взятые, они создали ситуацию, бросающую вызов другим обществам и освещающую необычайный характер опыта современной Америки» (стр. 195).

Что и говорить, «уникальная комбинация порядка и хаоса», как характеризует сию «ситуацию» сам автор (стр. 196), действительно несет в себе что-то «устрашающее и сбивающее с толку», — по словам Бжезинско-

го, сейчас там «социальные, экономические и политические силы открыто сталкиваются, меняются и взаимодействуют на широком фронте» (стр. 196), причем «широкая трансформация» в переходный период «от индустриального к технотронному веку» вызвала «кризис установившихся в Америке ценностей и институтов» (стр. 197).

Тут наш профессор, возможно, сам того не сознавая, очень близко подходит к марксистскому анализу роста производительных сил и сопутствующих ему противоречий в развитии производственных отношений. Но он, как специалист по «коммунистическим делам», посвятивший себя всецело борьбе с марксизмом, как в средние века монахи посвящали себя борьбе с дьяволом, никак не может согласиться с таким анализом. Поэтому он спешит построить свою собственную, полностью исключаящую понятия классов и классовой борьбы теорию «трех американских революций», которые «сделали Америку Америкой».

Первой из них была, говорит Бжезинский, та революция, которая превратила английскую колонию в Америке в американскую нацию. Второй революцией он считает период от гражданской войны в середине XIX века до... провозглашенного в тридцатых годах двадцатого века нового курса Франклина Рузвельта. Это была, как он говорит, эпоха индустриализации. И, наконец, третья революция, по его мнению, происходит сейчас — это и есть пресловутый переход от «постиндустриальной» Америки к «технотронной».

Таким образом, социальный анализ движущих факторов развития американского общества, если не считать краткого упоминания о национально-освободительной борьбе против английского господства в позапрошлом веке, начисто снимается и подменяется анализом технологических изменений и научного прогресса. Но не будем слишком требовательны к американскому ученому, который считает, что ему органически противопоказано изучение классовой природы общества и вытекающих из этой природы социальных изменений, являющихся основой всего общественного развития. Посмотрим лучше, как он расценивает нынешнее состояние американского общества, которое, по его собственным словам, «устрашает и сбивает с толку», и какие перспективы он предусматривает на дальнейшее.

Бжезинский признает, что «некоторые граждане видят, что нынешняя американская система не способна не только осуществить необходимые социальные перемены, но даже реагировать на давление тех, кто требует таких перемен» (стр. 214). Более того, он сам заявляет, что «третья американская революция освещает резкий контраст между нашими (то есть американскими. — Ю. Ж.) техническими успехами и нашими социальными провалами» (стр. 220).

Кто же эти прозорливые «некоторые граждане», как они действуют, чтобы добиться «социальных перемен» и устранить «социальные провалы», и каковы у них шансы на успех? Ну, американских коммунистов Бжезинский, как обычно, не замечает, вернее сказать, он делает вид, что их не замечает. В центре его внимания так называемые «новые левые» троцкистско-анархистско-маоистского толка (о них мы еще поговорим подробнее) и традиционные «либеральные демократы».

Надо сказать, что наш профессор весьма пессимистически оценивает шансы тех и других. Что касается шумливых, но малоэффективных «новых левых», лидеры которых к тому же значительную часть своих усилий отдают пропаганде антикоммунизма и антисоветизма, то Бжезинский не думает, что этот «феномен бунта среднего класса против общества среднего класса» (стр. 228), как он именуется движение «новых левых», имеет большое будущее. Идут, по его мнению, к закату и «либеральные демократы».

«Представляется мрачная перспектива, — пишет он. — Либерализм, который в историческом плане был самым жизненным источником обновления в современной американской демократии, может стать критическим выражением доктринерского меньшинства... и прибежищем философического протеста против негуманного влияния науки в то время, как активное формирование будущего перейдет в руки консервативной в социальном отношении, но технологически новаторской элиты» (стр. 248).

Элита! Это слово произнесено вновь, и оно опять возвращает нас к эре «Железной пяты», когда, как пророчески писал Джек Лондон, общество делится на «духовную аристократию» всемогущей элиты (нынче ее модно именовать технократией!) и нерассуждающих, безответных исполнителей-рабов.

Бжезинский не ставит, конечно, всех точек над «и». Но он со спокойной уверенностью продолжает: «Технологически новаторская и политически консервативная фаза [в развитии американского общества], ведущая к какой-то форме технологического менеджизма (власти управляющих. — Ю. Ж.), — единственная возможность. Другая альтернатива — более экстремистская» (либо крайне левая, либо крайне правая) (стр. 248).

Как я уже сказал, в успех крайней «новой левой» он не верит, хотя считает, что лихорадочная деятельность ее будет продолжаться. «Есть существенное различие, — пишет он, — между революционной деятельностью и революционным успехом. Революционная деятельность — путем терроризма, актов саботажа, убийств, городской партизанской борьбы — возможна и даже вероятна в начале семидесятых годов. Ее будет вести не «новая левая», а возникающий сейчас ее преемник — «насильственная левая». Это не идеалистически настроенные молодые люди, включающиеся в движение с яростной напористостью и путаницей в умах, а те из них, которые закалились, разочаровались и озлобились, пройдя через тюрьмы и исправительные учреждения. Такие люди будут психологически подготовлены к реальному насилию, и они отбросят, как детскую игру, сидячие забастовки и захваты кабинетов ректоров. Американскому обществу придется иметь дело с большой внутренней угрозой» (стр. 249).

Более чем сомнительные «революционные действия» без «революционного успеха», от которых за версту несет полицейской провокацией, всегда были самым удобным предлогом для самых суровых репрессий против всех прогрессивных сил. И Збигнев Бжезинский, предсказывая, что некие «закаленные, разочарованные и озлобившиеся» люди начнут заниматься «подлинным насилием», не делает секрета из того, что такие действия, как он выражается, «почти наверняка отбросят страну вправо» (стр. 249). «Организованное насилие, — пишет он, — потребует введения разнообразных форм контроля над личностью».

Попутно профессор предсказывает, что в этих условиях разовьется «бдительное (!) правое крыло, базой которого явятся полувоенные формирования» (стр. 250). Таким образом, начнется «постепенное возникновение

более контролируемого и руководимого общества» (стр. 252).

И снова перед нами возникает мрачная картина режима, напоминающего эру «Железной пяты», картина, которую и раньше рисовал перед нами Бжезинский. В своей новой работе он повторяет: **«В таком обществе доминировала бы элита, претензия которой на политическую власть основывалась бы на утверждениях о более высоком научном знании и умении... Эта элита без колебаний добилась бы своих политических целей путем использования новейшей техники, позволяющей влиять на сознание людей и держать общество под строгим наблюдением и контролем»** (стр. 252—253). В итоге профессор предвидит **«превращение Соединенных Штатов в высококонтролируемое общество»** (стр. 253).

Любопытно отметить, что этот прогноз Бжезинского перекликается с предсказаниями хорошо известного советскому читателю футуролога Германа Кана, директора Гудзоновского института. В своей книге «Грядущее. Размышления о 70-х и 80-х годах», написанной совместно с Б. Брюс-Бриггсом и вышедшей в свет в 1972 году, Герман Кан, так же как и Бжезинский, исключает возможность успеха «радикальных элементов» и предсказывает возможность резкого поправения и даже фашизации США.

Если бы «радикальным элементам» даже удалось пробраться к власти «за спиной радикалов», пишут Г. Кан и Б. Брюс-Бриггс, то их назавтра же смяли бы армия, полиция, национальная гвардия и десятки миллионов частных владельцев огнестрельного оружия. А выиграли бы от этого самые крайние консервативные элементы и в том числе фашисты. **«В самом деле, — заявляют эти футурологи, — американский фашизм, соответствующим образом подготовленный левацкими провокациями, мог бы стать весьма популярным и даже демократичным (!), если он будет взывать к ультрапатриотизму и традиционной общественной морали, безжалостно выкорчует торговлю наркотиками, покончит с принудительной интеграцией и дискриминацией наизнанку»** (стр. 98).

Все эти устрашающие рассуждения понадобились авторам «Грядущего» для того, чтобы подвести читателя к выводу, что в таких условиях лучше не рисковать,

не «будить зверя» и согласиться на установление «умеренно-консервативного» режима под властью все той же республиканской партии...

На сей раз Бжезинский не уточняет, какая именно «новейшая техника» была бы использована элитой для того, чтобы «держатъ общество под строгим наблюдением и контролем». Но читатель помнит, что в своем труде «Америка в технотронный век» он весьма обстоятельно и красочно изобразил широкую панораму «высококонтролируемого общества» — вплоть до составления на каждого гражданина «досье, содержащего не только обычные сведения, но и информацию весьма личного характера», установления «биохимического контроля за умственной деятельностью человека» и искусственных изменений генетической структуры человека, «включая создание со временем существ, которые будут поступать, как человек, и мыслить подобно ему». Это была бы раса послушных людей-роботов, беспрекословно подчиняющихся элите...

Так наш профессор представляет себе вероятное будущее Соединенных Штатов. Что и говорить, картина невеселая. Мы все же, как и раньше, позволим себе усомниться в точности такого футурологического прогноза. Трудно, почти невозможно представить себе, чтобы американский народ покорно смирился с той участью, которую хотела бы отвести на его долю пресловутая элита. И все же было бы ошибкой попросту отбросить как пустую фантазию эти рассуждения. Они, видимо, отражают чаяния и замыслы определенных и притом довольно влиятельных кругов, которые опасаются развития прогрессивных сил и потому хотели бы создать «более контролируемое и руководимое общество», где командовало бы «бдительное правое крыло». Не учитывать этих поползновений при анализе нынешнего, в общем позитивного, политического развития нельзя.

Но еще больший интерес для нас, советских людей, представляют собой футурологические экскурсии директора института по делам коммунизма в области международной политики США и его прогнозы, относящиеся к развитию американо-советских отношений. Объективность требует отметить, что автор труда «Между двумя веками» в какой-то мере учел те коренные изменения, которые произошли в этой области

за годы, прошедшие после опубликования его «Америки в технотронный век». Теперь вопрос об «американизации» нашей планеты не ставится с такой прямолинейностью, как это делалось шесть лет тому назад. Но суть тех замыслов, которые формулировались ранее столь откровенно, осталась неизменной: автор по-прежнему убежден в том, что Соединенные Штаты призваны играть в современном мире ведущую, если не руководящую роль, а другие государства волей или неволей должны следовать за ними. Ничего не поделаешь, уверяет он, превосходство остается за Соединенными Штатами!

Снова и снова повторяет он, что, видите ли, в силу обстоятельств современной истории на долю Америки выпала «глобальная роль». «Соединенные Штаты, — пишет он, — единственная держава, которая мыслит в глобальных выражениях и активно добивается конструктивных соглашений в мировом масштабе... Обязательства этой страны в международных делах в мировом масштабе предрешены историей» (стр. 306).

Вот как! Сама история отвела Америке командную роль! Значит, те американцы, которые сейчас открыто заявляют, что эта командная роль оказалась не по силам Соединенным Штатам, а попытки ее осуществлять потерпели неудачу и поставили эту державу на грань финансового разорения, должны умолкнуть. И Бжезинский требует «покончить с дебатами об американском глобализме» (стр. 301). Он пугает скептиков, требующих более реалистично оценить возможности США в проведении их «глобальной политики», перспективой хаоса, который якобы может возникнуть на нашей планете, если США откажутся от претензий на командную роль. «Отсутствие конструктивной американской инициативы, — пишет он, — могло бы по меньшей мере увековечить нынешний дрейф в мировых делах. Этот дрейф не удастся остановить, если Соединенные Штаты будут следовать тем путем, выступать за который сейчас столь модно, — отказываться от ответственности» (стр. 305).

В свою очередь, Г. Кан и Б. Брюс-Бриггс в уже упомянутой книге «Грядущее. Размышления о 70-х и 80-х годах» без всяких колебаний заявляют, будто «американизация всего мира» является закономерным процессом «модернизации». Больше того, они утвер-

ждают, что те, кто сопротивляется «американизации», уподобляются пресловутым «луддитам», которые в давние времена пытались разрушать машины, борясь с механизацией ручного труда. «Современные луддиты, — издевательски пишут они, — могут повлиять разве лишь на темпы прогресса, но они не одержат победы» (стр. 15).

Бжезинский кое-что недоговаривает. Он не уточняет, что подразумевается под «дрейфом в мировых делах», который вызывает у него такую озабоченность. Можно не сомневаться, однако, что его глубоко тревожит развитие национально-освободительной борьбы и рост популярности идей научного коммунизма, хотя он и не жалеет слов, чтобы убедить своих читателей, будто эти идеи устарели и уже не могут увлечь за собой народы. Эта глубокая тревога и побуждает его поставить вопрос о «необходимости заново уточнить всемирную роль Америки в свете новых исторических обстоятельств» (стр. 306).

«Пробив себе дорогу в мир собственным ростом и благодаря катаклизмам двух мировых войн, — поясняет он, — Америка первой активно помогла экономическому восстановлению Запада и гарантировала его военную безопасность» (стр. 306). «Сейчас, — продолжает Бжезинский, — пришло время заняться решением основных проблем, лицом к лицу с которыми человечество встает в остающуюся треть века» (стр. 306).

И тут Бжезинский спешит укрыться за широкой спиной покойного президента Кеннеди, который, как он уверяет, был «первым американским президентом, для которого весь мир в известном смысле был областью домашней (!) политики» (стр. 307). «С Кеннеди, — уверяет он, — пришло ощущение, что **каждый континент и каждый народ вправе ожидать руководства (!) и вдохновения от Америки и что Америка обязана в равной мере вникать в дела каждого континента и каждого народа»** (стр. 307). (Подчеркнуто мною. — Ю. Ж.)

Вот мы и пришли к той самой идее, которая лежала в основе работы Бжезинского «Америка в технотронный век», написанной в те годы, когда в Вашингтоне еще жила иллюзия, будто США по плечу роль всемирного полицейского и когда полумиллионная американская армия пыталась осуществить эту роль в Индокитае. Теперь всем известно, чем это кончилось, и наш

профессор не в состоянии опровергнуть неумолимых фактов. Как же быть? Бжезинский не может и не хочет поставить под сомнение «всемирную роль Америки». Но если цель остается неизменной, значит, плохи средства, которые до сих пор применялись для того, чтобы ее достигнуть! И он подвергает беспощадной критике эти методы, заявляя, что сейчас нужна коренная перестройка всей системы внешней политики США.

«Политика, строившаяся на идеологических соображениях, устарела, — заявляет он. — Создание американо-советской оси (?!), как основы для новой международной системы, вероятно; традиционные сферы влияния все больше становятся нежизненными; экономический детерминизм в отношении слаборазвитых стран или коммунистических государств не создает прочной базы для политики; региональные союзы против отдельных наций стали устаревать; широкое американское военное присутствие за рубежом начинает вступать в противоречие с американскими интересами и ростом международного сообщества; американская дипломатическая машина, развивавшаяся в предглобальный и предтехнотронный век, стала старомодной и требует широкой модернизации» (стр. 285).

Что верно, то верно! Однако давайте взглянем, что же предлагает директор института по делам коммунизма для того, чтобы исправить положение? Кое в чем он проявляет реалистический подход — вьетнамская катастрофа Пентагона не прошла бесследно для деятелей американского идеологического фронта. И вот Бжезинский предлагает, например, перестать «сводить международные проблемы к идеологической конфронтации и рассматривать радикальные перемены как противные американским интересам. Впредь местные перемены в различных частях мира вряд ли будут рассматриваться как часть всемирной угрозы» (стр. 285).

Бжезинский призывает подходить к ведению дел с социалистическими и развивающимися странами «с большим терпением» (стр. 288). Он предлагает даже похоронить доктрину Монро и поставить отношения с латиноамериканскими странами на ту же основу, на какой строятся отношения с другими государствами. Что касается «военного присутствия США», то Бжезинский рекомендует ограничить его «несколькими ключевыми странами», поясняя при этом, что «за ис-

ключением стран, которые сами ощущают непосредственную угрозу, продолжительное военное присутствие Соединенных Штатов гальванизирует политическую враждебность к США» (стр. 290).

Беспощадному осуждению профессор подвергает неповоротливую и безынициативную американскую дипломатию. Ссылаясь на свой собственный опыт работы в госдепартаменте, он заявляет, что это дипломатическое ведомство завалено бессодержательными шифровками, в которых пересказываются беседы разных лиц на приемах, но в этих шифровках нет ничего существенного. Он цитирует одного канадского деятеля, который сказал, критикуя деятельность английского министерства иностранных дел: «Слишком много людей водит слишком многими перьями по слишком многим листам бумаги, заполняя их посланиями, лишёнными цены» (стр. 292), и уверяет, что, работая в госдепартаменте, больше узнавал о внешнеполитических событиях из газет, нежели из сотен шифрованных телеграмм послов.

Все это так. Но когда дело доходит до формулирования конструктивной программы, то оказывается, что Бжезинский не в состоянии оторваться от старых идей, которые, как сам он признает, потерпели банкротство, и пытается лишь найти какие-то новые средства для достижения старых целей.

Коренным вопросом современности, как он признает, является вопрос о параллельном существовании на нашей планете капиталистических и социалистических стран, причем рядом с ними находится множество молодых государств, освободившихся от колониального господства и ищущих свой путь. (Эти молодые государства Бжезинский в соответствии с принятой на Западе терминологией относит к так называемому «третьему миру», хотя это определение и не является научно точным: ведь одни из молодых государств выбирают некапиталистический путь развития, другие ищут решения своей судьбы на пути ассоциации со своими вчерашними эксплуататорами и т. д.)

Но как же подходит директор института по делам коммунизма к этому коренному вопросу? Тут опять впору вспомнить выражение: «Должность обязывает!» Оставаясь в плену пропагандистских схем антикоммунизма, Бжезинский не может и не хочет допустить мысли о росте силы и престижа социалистических госу-

дарств и их влияния на мировые дела. Он посвящает десятки страниц попыткам убедить своих читателей, будто в «технотронный век» идеи научного коммунизма «устарели» и будто СССР и другие социалистические государства силою обстоятельств будут вынуждены изменить свою социальную систему.

О, конечно же, в наш век уже невозможно отрицать мировое значение марксизма, и Бжезинский воздаст ему должное, заявляя, что «марксизм был (1) механизмом человеческого прогресса» (стр. 73). «Марксизм, — сказано в его книге, — это... победа разума над верой; он подчеркивает способность человека определять свою материальную судьбу... марксизм придает первостепенное значение систематическому и строгому изучению материальной реальности и действиям, вытекающим из этого изучения» (стр. 72).

Но все это не мешает Бжезинскому тут же отнести марксизм к области... религии и заявить, что в «технотронный век» отмирают все религии, а стало быть, должен отмереть и марксизм. Впрочем, он не имеет ничего против так называемого «западного марксизма», под которым подразумевает, очевидно, современную западноевропейскую социал-демократию, готовую сотрудничать с капитализмом. Он хотел бы надеяться на некое перерождение социалистических государств, означающее «возвращение к западной традиции марксизма» (стр. 179). В этом случае, утверждает он, их можно было бы принять в «содружество развитых стран».

Но вот что совершенно не устраивает Бжезинского, так это ленинизм и прежде всего ленинское учение о партии как об авангарде рабочего класса и руководящей силе социалистического общества. Правда, он вынужден признать, что «первое государство, где теория Маркса была применена на практике, — это Советский Союз, поднявшийся как знаменосец самой влиятельной в этом веке системы мышления и как социальная модель для решения классовых дилемм перед лицом современного человека» (стр. 123). Но тут же он обрушивается на Ленина и его учеников со всеми мыслимыми и немыслимыми обвинениями, заимствованными из арсенала их политических противников, начиная от Троцкого и Бухарина.

И Бжезинский со всей определенностью выдвигает в качестве условия сотрудничества капиталистических

и социалистических стран «изменение политической системы» и «возвращение Советского Союза к западной марксистской традиции, от которой его отвратил более восточный ленинизм...» (стр. 154). Он очень хотел бы надеяться, что желанная ему и его единомышленникам «политическая перемена в Советском Союзе» произойдет «под влиянием возникающей новой социальной элиты, более технологической по своей ориентации» (стр. 155).

Знакомый мотивчик! Люди старшего поколения помнят, что такие же надежды выдвигали когда-то претендовавшие на роль элиты деятели так называемой «промпартии» из числа интеллигенции, воспитанной в дореволюционной капиталистической России. Они потерпели полный крах. И надо полностью утратить ощущение политической реальности, чтобы думать, будто подобные замыслы могли найти почву среди нашей современной интеллигенции, выросшей и воспитавшейся в советское время и являющейся плотью от плоти и костью от кости советского народа.

Но вот — поди же ты! — находятся и сегодня в капиталистическом мире теоретики, позволяющие себе строить далеко идущие политические расчеты на основе столь широких, поистине фантастических умозаключений...

Не пренебрег Збигнев Бжезинский и весьма модной сейчас среди американских специалистов по антикоммунизму темой о тех возможностях, какие открываются перед ним в связи с тем, что пекинские лидеры открыто противопоставили себя социалистическому содружеству и международному коммунистическому движению. Как водится в этом кругу, он изображает дело так, будто речь идет не о принципиальных идейных разногласиях, вызванных изменой Мао Цзэ-дуна и его единомышленников марксизму-ленинизму, а о советско-китайских «международных» противоречиях.

Бжезинский не скрывает, что позиция, занятая ныне Пекином, отвечает интересам США, намеренных играть «глобальную роль», поскольку «этот конфликт расстраивает всемирную революционную перспективу и — быть может, это еще более важно — отделяет модернизацию Китая от советской модели» (стр. 280). По его мнению, «китаизация китайского коммунизма» ускорится, и в этой связи он надеется, что пекинские

лидеры в большей мере будут использовать опыт «других наций, находящихся в процессе модернизации», а «это может одновременно обескровить идеологическую стойкость режима и погнать к более эклектическим опытам в формировании китайского пути к современности» (стр. 280).

Иными словами, ставка делается на перерождение социального строя Китайской Народной Республики и на реставрацию капитализма. Ни больше и ни меньше!

Что же касается американо-советских отношений, то и они ставятся Бжезинским в прямую зависимость от того, осуществляются ли его надежды на «идеологическую перемену в Советском Союзе», которая была бы «неизбежно связана с социально-экономической переменой» (стр. 154), или же они рассеются как дым. Однако, как бы ни хотелось ему верить в созданную им самим легенду о возможности «идеологической эрозии», как он выражается, в Советском Союзе, ему все же приходится признать очевидные факты: никакой такой эрозии нет и в помине, и СССР остается монолитным государством развитого социализма, и советский народ, как никогда, сплочен вокруг ленинской партии.

«Все осталось по-прежнему, — грустно констатирует он, — Советы продолжают прежний курс. Утверждают, что только научный коммунизм обеспечивает действительную, имеющую силу перспективу. Советские научные журналы, средства массовой информации атакуют западные теории насчет «идеологической эрозии», возникновения «общего типа индустриального общества». Особенно решительно советские ученые отбрасывают теорию «конвергенции» советской и западной, особенно американской, систем» (стр. 143).

Но коль скоро действительность такова, Бжезинский решительно не советует развивать деловое сотрудничество США с СССР. Он страшит своих читателей перспективой «соперничества» между Советским Союзом и Соединенными Штатами, в котором он видит угрозу американским национальным интересам, поскольку это соперничество «может стать более обширным географически и более опасным» (стр. 282).

Чтобы сделать это утверждение более убедительным в глазах американцев, которые перестали верить в миф о мнимой советской угрозе, он спешит опереться на пущенный в ход Пентагоном тезис об «опасности»

американским интересам со стороны Советских Военно-Воздушных Сил и Военно-Морского Флота. «Все больше и больше районов земного шара, — пишет Бжезинский, — может (!) превратиться в объекты действий и противодействий, если рост Советских Вооруженных Сил дальнего действия, в особенности авиации и флота, распространит советско-американское соперничество на районы, ранее находившиеся вне пределов досягаемости для Советов» (стр. 282). Могут произойти инциденты типа Фашоды, который чуть не вызвал в конце XIX века войну между Францией и Британией, пускает он.

Автора этого ученого труда отнюдь не беспокоит то, что в подобных рассуждениях нет ни грама логики: если американские военные корабли и самолеты могут передвигаться по всем морям и океанам и в воздушном пространстве над ними, то это, по-видимому, ему кажется в порядке вещей. Но если советские корабли и самолеты появляются в нейтральном морском или воздушном пространстве, то это уже угроза, способная «чуть ли не вызвать войну»!

Зачем же понадобились все эти фальшивые аргументы? Только для того, чтобы придать видимость убедительности вот этому ключевому тезису всего сочинения: **«В общем, тесное сотрудничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом кажется весьма невероятной перспективой в предстоящем десятилетии»** (стр. 283).

Что же делать, как быть, в каком направлении следует вести перестройку внешней политики Соединенных Штатов, которую Бжезинский сам раскритиковал, назвав ее старомодной? Ведь, как пишет он в своей книге, «мировые условия не допускают «Пакс американа», и это не век всемогущества Америки» (стр. 307). С другой стороны, Бжезинский считает, что «соперничество» с СССР может усилиться и приобрести опасные формы. Все эти рассуждения понадобились ему для того, чтобы обосновать необходимость создания нового сверхблока капиталистических держав, который он скромно называет **«Сообществом развитых государств»**.

Система Атлантического блока НАТО устарела и, что называется, дышит на ладан. Другие детища стратегии покойного Даллеса — СЕАТО, СЕНТО и им по-

добные — либо фактически прекратили свое существование, либо находятся в летаргическом сне. И вот Бжезинский рекомендует «выковать» новое сообщество «развитых наций», которое охватило бы атлантические государства плюс Японию. Любопытно, что он, отдавая себе отчет в том, что сразу же раздадутся голоса людей, которые увидят в этом замысле новое издание даллесовских идей, тут же заявляет, что в это сообщество могли бы войти также «наиболее развитые европейские коммунистические государства» (стр. 295). Но вся схема построения и деятельности этого сообщества практически исключает участие социалистических стран, если только они не изменят свою политическую систему, на что хотел бы надеяться Бжезинский.

В самом деле, давайте поглядим, как он хотел бы построить это сообщество и какие функции он хотел бы ему придать.

В целях глобального сотрудничества должен быть создан консультативный совет, в котором проходили бы регулярные встречи глав государств «развитых стран» «для обсуждения общей политики в области безопасности, образовательных-научных проблем и обязательств в отношении «третьего мира» (стр. 287).

Должен быть создан также «постоянный механизм сообщества» (там же).

Бжезинский с полной откровенностью указывает, что подобное «рассмотрение» отнюдь не имело бы чисто академического характера. Нет, он человек действия и тут же, забыв о том, что только что предлагал включить в «сообщество развитых наций» социалистические государства, перечисляет ряд мер, которые должны быть предметом рассмотрения в органах «сообщества» и которые, как это должно быть ясно даже простаку, направляются против этих государств.

Правда, тут же Бжезинский для успокоения читателей добавляет, что «усилия в области политики и безопасности» должны были бы занять в деятельности «сообщества развитых наций» лишь второе место по сравнению с сотрудничеством в области образования, науки, экономики, технологии, но этот наивный камуфляж никого не убедит. Люди помнят, что и в НАТО, нынешнем главном военном блоке США и их союзников, сейчас весьма охотно и очень громко говорят о разного рода мирных начинаниях вроде оздоровления при-

родной среды, окружающей человека, но это отнюдь не мешает военному блоку оставаться военным блоком.

Ну а как же все-таки насчет предложенного Бжезинским участия коммунистических государств в этом сообществе? На случай, если бы кто-либо в ответственных кругах США принял это предложение всерьез, он спешит дать успокоительное разъяснение! Он имеет в виду «две фазы»: сначала-де объединятся Соединенные Штаты, Западная Европа, Япония, а вместе с ними, быть может, Австралия, Израиль и Мексика (Бжезинский не поясняет, почему именно Мексику он выбрал из всех стран Латинской Америки), а уж потом, во второй фазе, можно будет подумать об участии «коммунистических государств» — тех, чьи взгляды в области международной политики будут сочтены «умеренными» (стр. 296 и 301).

Итак, начав с острой и во многом справедливой критики потерпевшей серьезные неудачи американской внешней политики, Бжезинский, в сущности, кончает выдвижением задач, весьма близких, если не сказать тождественных, с теми, какие ставились американскими «ястребами» двадцать и тридцать лет тому назад. Американцы в таких случаях говорят: «Побольше того же самого». Раньше главная ставка ставилась на НАТО, а теперь Бжезинский говорит, что надо расширить этот союз за счет Японии и, быть может, Австралии, Израиля и Мексики.

Нововведение? Да. Но не столь уж оригинальное и не столь революционное, как это давал понять Бжезинский, когда он призывал к пересмотру внешней политики США. И вывод, который напрашивается после прочтения его новой работы, вышедшей четвертым изданием уже после подписания в Москве «Основ взаимоотношений между СССР и США», из которых вытекает, что в ядерный век эти отношения могут строиться лишь на базе принципов мирного сосуществования и равной безопасности и что признание этих принципов открывает широкие возможности для делового и взаимовыгодного советско-американского сотрудничества, — вывод этот ясен и прост: директор института по проблемам коммунизма Збигнев Бжезинский и его единомышленники остались теми же, кем они были, — антикоммунистами и антисоветчиками, и их не может устроить

ничто иное, кроме «изменения политической системы» в СССР и других социалистических странах.

Эта «сверхзадача» и предопределяет всю их теоретическую и практическую деятельность. Все же остальные содержащиеся в книге утверждения, что «постепенное создание сообщества развитых стран явилось бы реалистическим выражением нашего возникающего глобального сознания», что «концентрация рассеянных научных и технологических знаний отразила бы более функциональный подход к человеческим проблемам», что «экология имеет большее значение, чем идеология», что пришло время, когда «рациональный гуманизм» должен заменить «религии, идеологические и националистические перспективы» (стр. 309), представляют собой лишь словесный туман, используемый антикоммунистами в качестве дымовой завесы.

Теория и практика

Я счел необходимым столь подробно изложить новейшие суждения Збигнева Бжезинского о будущем США и об их возможной международной роли в предстоящие десятилетия не только потому, что они отражают строй мышления определенной категории американских научных кругов и ту мораль, которая господствует в весьма влиятельных кругах США. Нет, они имеют и свое прикладное значение — служат теоретическим подкреплением той агрессивной политики, которую США осуществляют на мировой арене. И не случайно Пентагон расходует примерно 25 миллионов долларов в год на то, что он именует исследованиями в области «социологии».

По опубликованным в США данным, примерно 14 миллионов долларов ассигнуется федеральному центру по заключению контрактов на проведение исследований, объединяющему такие «мозговые тресты», как пресловутая «РЭНД корпорейшн», о которой немало писалось в нашей печати, «Институт оборонных исследований», «Рисерч анализиз корпорейшн». Еще около 10 миллионов долларов приходится на долю университетов и связанных с ними исследовательских организаций, — быть может, какая-то доля из этой суммы приходится и на долю того института, которым руководит

Бжезинский? Наконец, приблизительно полмиллиона долларов получают промышленные концерны, которые, очевидно по соображениям престижа, также содержат «отделы социологических исследований».

Практичные янки долларов на ветер не бросают, а если Пентагон идет на такие затраты, то делается это, по-видимому, для того, чтобы получить научное обоснование той практики, которая им осуществляется.

Об этом напомнил в своей нашумевшей в США книге «Пакс американа» мужественный американский публицист Рональд Стил. «Фактически Соединенные Штаты, — пишет он, — превратились в крупнейшую в мире интервенционистскую державу, причем большая часть американцев не отдает себе отчета ни в том, в какой мере осуществляется вмешательство в чужие дела, ни в последствиях этого вмешательства».

Стил доказывает, что эта политика не по средствам и не по возможностям США. Он напоминает о плачевном опыте интервенции во Вьетнаме. Если Соединенные Штаты в течение нескольких лет, бросив в бой огромную армию и расходуя огромные средства, оказались не в состоянии заставить народ этой небольшой азиатской страны склониться перед завоевателем, то как же можно претендовать на то, чтобы весь мир, что называется, ходил по струнке, выполняя волю американской «Железной пяты»?

Но «агонизирующая диалектика антикоммунизма», как выражается Стил, такова, что весьма влиятельные круги США, несмотря ни на что, упорствуют на своем. Они вновь и вновь стимулируют разработку исследований, цель которых — теоретически обосновать курс на завоевание мирового господства. В этой связи мне хочется напоследок напомнить о шумном скандале, разразившемся в конце 1967 года в Вашингтоне вокруг секретного доклада, подготовленного по заказу Пентагона отделом социологических исследований известной авиастроительной фирмы «Дуглас корпорейшн».

Еще 29 апреля 1965 года скромная газета американского министерства торговли «Коммерс бизнес дейли» опубликовала в перечне объявлений о предлагаемых контрактах следующее поразительное предложение:

«Услуги и материалы, требующиеся для проведения исследовательской работы под названием «Пакс американа» (решительно, это выражение, означающее «Аме-

риканский мир», а практически истолковываемое как «Мир, принадлежащий американцам», в моде в США! — Ю. Ж.), которая состоит из постепенной разработки следующих тем: а) элементы национального могущества, б) способность отдельных стран воспользоваться элементами национального могущества, в) конфигурация в мировом соотношении сил, могущая быть использованной Соединенными Штатами в качестве основы для сохранения мировой гегемонии (!) в будущем».

Политические обозреватели редко читают объявления в газете министерства торговли США, и этот удивительно откровенный документ, говорящий многое об умонастроениях руководителей американской военной, остался незамеченным. Дело пошло своим чередом. Прельстившаяся заманчивым предложением фирма «Дуглас корпорейшн» представила свою заявку в исследовательский отдел военного министерства США по адресу: 3045, Колумбия Пайк, Арлингтон, в установленный срок — до 21 мая, наняла разбитных профессоров, и они к февралю 1966 года составили свой доклад, на который тут же был поставлен штамп «секретно».

Прошло полтора года, и член комиссии сената по иностранным делам сенатор Хартке, выступавший за прекращение войны во Вьетнаме, какими-то судьбами узнал о существовании этого доклада. Он сообщил об этом председателю комиссии Фулбрайту. Тот немедленно попросил министра обороны прислать ему копию «исследования», озаглавленного «Пакс американа».

В Пентагоне возникло замешательство. Там совещались тринадцать дней, и наконец 26 октября помощник министра Джек Стемплер прислал копию документа с пространном препроводительным письмом, в котором подчеркивалось, что доклад засекречен, «чтобы избежать ненужных и нежелательных политических последствий, затрагивающих Соединенные Штаты». Он добавил, что название доклада было изменено, теперь он назывался более скромно и туманно: «Стратегические союзы и военные цели».

Фулбрайт снова обратился в Пентагон с просьбой изложить взгляды министерства насчет «желательности засекречивания этого исследования». На сей раз ему ответил тогдашний помощник министра по делам международной безопасности Поль Уорнке. Он заявил, что, поскольку общие выводы имеют отношение к военным

целям и союзам в последующие 20 лет, «было бы нецелесообразно делать официальные оценки относительно их обоснованности сейчас».

Тем временем члены комиссии познакомились с этим сакраментальным документом. Поскольку они были связаны обязательством соблюдать секретность, содержание исследования осталось неизвестным, но все же один сенатор заявил 16 февраля 1968 года: «Некоторые из его выводов пугают, по крайней мере, они испугали меня». Он отказался сообщить, какие это выводы. Но поскольку сам заказчик — Пентагон — еще три года назад в коммерческом объявлении, напечатанном в газете министерства торговли, ясно заявил, что его интересуют «основы сохранения мировой гегемонии» США, догадаться о характере этого документа нетрудно.

Тщетно председатель комиссии сената по иностранным делам Фулбрайт вновь и вновь заявлял, что «должно быть желательно рассекретить этот доклад, чтобы он был доступным для более широкой аудитории», и доказывал, что рассекречивание соответствовало бы закону о «свободе информации», принятому конгрессом, — этот закон запрещал «утаивать правительственную информацию от общественности». Неумолимый Уорнке отвечал, что закон о «свободе информации» «исключает вопросы, которые по особому требованию исполнительной власти должны быть засекречены».

Так еще раз было показано наглядно, кто является подлинным хозяином в Америке!

Около семидесяти лет тому назад Джек Лондон в своем романе писал, пытаясь представить себе последствия быстрого разрастания власти монополистического капитала: «Все в мире перевернулось. Американские олигархии почти единовластно хозяйничали на мировом рынке, вытесняя оттуда десятки стран, которые теперь не знали, как распорядиться с товарными излишками. Капиталистический способ производства, по крайней мере на их опыте, обнаружил свою полную несостоятельность. Перестройка в этих странах вылилась в революцию».

Талантливому американскому писателю казалось, что для свержения мертвящей власти «Железной пяты» потребуются сотни лет. Но уже на исходе первого десятилетия после выхода в свет его романа в Петрогра-

де грянули залпы русской революции, и всеилие империализма было подорвано. А в апреле 1917 года петроградское издательство «Жизнь и знание» выпустило в свет написанную за год до этого в Цюрихе В. И. Лениным книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма», в которой с присущей вождю революции смелостью и ясностью было написано, что «империализм есть канун социалистической революции» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 301).

Ленин уже тогда подчеркивал, что американские олигархии все более напористо рвутся к мировому господству «В Соединенных Штатах, — писал он, — экономическое развитие за последние десятилетия шло еще быстрее, чем в Германии, и как раз благодаря этому паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко» (там же, стр. 423)

Возникновение и развитие империализма в начале XX века, по Ленину, — это «поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала» (там же, стр. 343), причем «монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни» (там же, стр. 355), а «финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира» (там же, стр. 363). И все же, как подчеркивал Ленин, анализируя экономическую сущность империализма, его приходится характеризовать лишь как «переходный или, вернее, умирающий капитализм» (стр. 424).

И как бы сейчас ни пытались ученые защитники режима «Железной пяты» подгримировать, подкрасить, припудрить физиономию этого отмирающего строя, отравляющего своим дыханием мир, как бы ни старались они, играя в термины, замаскировать самую сущность защищаемого ими строя, ни теория «стадийного развития общества», ни новейший ее вариант, разработанный мистером Бжезинским в своих работах о «технотронном веке», не смогут скрыть его обреченности.

Оборотни



аркузе, Маркузе, Маркузе — во второй половине шестидесятых годов имя этого престарелого «германо - американского философа», вынырнув-

шее из тьмы безвестности, без конца повторяла западная печать. В Бонне его звали Маркус, в Нью-Йорке — Маркюз, в Париже — Маркюзё. Этого семидесятипятилетнего жителя Калифорнии, принявшегося ревизовать марксизм, и сейчас рекламируют, как кинозвезду, а его книги — словно новейшую марку зубной пасты или бритвенных лезвий. Придумана даже ловкая формула паблисити: «три М» — «Маркс — бог, Маркузе — его пророк, Мао — его меч».

Ну и ну, скажет иной читатель, уже и Мао Цзэдун удостоился рекламного прославления в буржуазной печати? Представьте себе, передо мной лежит груда газет, перепевающих на разные лады формулу «трех М», и это не случайно. Еще в феврале 1967 года в директиве, разосланной руководством информационной службы США (ЮСИА) всем ее центрам, было сказано, что работники этой службы «должны использовать любые возможности для укрепления позиций сторонников Мао», ибо Соединенным Штатам желательно, чтобы «Мао и его группа оставались пока у власти», поскольку их деятельность направлена против Коммунистической партии Советского Союза и других компартий. (Этот секретный документ был опубликован 19 мая 1968 года цейлонским еженедельником «Трибюн».)

Но вернемся к Маркузе. Чем занят этот пророк и почему именно его столь усиленно рекламируют?

Мечта о «декоммунизации» марксизма

Весной 1968 года этот господин побывал в Париже. Там он выступил на коллоквиуме ЮНЕСКО, посвященном 150-летию со дня рождения К. Маркса. Его доклад назывался вполне откровенно: «Ревизия марксистских концепций революции». Как писали газеты, Маркузе заявил, что в наше время «рабочий класс, включившийся (?!) в капиталистическую систему, не может больше играть революционной роли, которую ему предназначил Карл Маркс. Свергнуть власть капитала могут, следовательно, лишь силы, находящиеся вне этой системы: народы колоний, негры или молодежь, еще не включенная в систему».

Как и следовало ожидать, философы-марксисты, участвовавшие в коллоквиуме, дали достойный отпор этому лжепророку. Некоторые удивились: почему Маркузе заговорил, будто «рабочий класс не может больше играть революционной роли», в такой момент, когда в капиталистическом мире, и, в частности, во Франции, где он выступал, так высоко вздымалась волна острой классовой борьбы? Но более дальновидные люди поняли: Маркузе был катапультирован из далекого Сан-Диего в Париж именно поэтому. Требовалось пустить в ход все средства, чтобы попытаться внести замешательство, путаницу в ряды борцов против старого мира и — главное! — попытаться противопоставить молодежь, прежде всего студенчество, основным силам рабочего класса.

Недаром именно в те дни газета «Нью-Йорк таймс» изобрела новый термин «декоммунизация (!) марксизма», недаром она же с восторгом писала 15 мая 1968 года, что стены некоторых парижских зданий обклеены плакатами «совершенно новых организаций», таких, как «Молодые коммунисты-анархисты», «Молодые коммунисты-революционеры», «Комитет связи революционных студентов», причем «ни одна из этих организаций, по-видимому, не связана с обычным коммунизмом, и все они питают к нему отвращение (!)». С явным сочувствием к ученикам Маркузе «Нью-Йорк таймс» писала, что их флаг — «это черный флаг

анархии, а не красный флаг коммунизма». А сам Маркузе, выдавая комплименты «ультралевым», которые путались в ногах у французского студенческого движения шестидесятых годов, писал, что эта «оппозиция» впервые бросила вызов всему режиму и на короткое время возродила освободительную силу красных и черных флагов».

Парижские газеты «Фигаро», «Монд», еженедельники «Экспресс» и «Нувель обсерватэр» в те дни опубликовали пространные интервью с Маркузе, его биографию и подробный пересказ его книг, подчеркивая при этом, что он в свое время отрекся от «коммунизма и социал-демократии» и создал свое учение, рассчитанное на «лишенную компаса» молодежь.

Давайте же поглядим, какой путь прошел этот философ, с чего он начинал и к чему пришел. Тогда нам станет яснее, почему его нынешнюю деятельность с таким рвением пропагандирует буржуазная печать, хотя, казалось бы, ему в свои семьдесят пять лет пора бы уже отправиться на покой.

Герберт Маркузе родился еще в XIX веке, в 1898 году, в Берлине в состоятельной семье. Как это нередко бывает с молодыми отпрысками буржуазии, в молодости он отошел от привычных устоев своей семьи и примкнул к нараставшему в Германии под влиянием Великого Октября революционному движению. Маркузе тогда был связан с кружками революционеров и даже состоял в «Союзе Спартака». Дальше — больше. В бурном 1919 году он стал членом Совета рабочих и солдатских депутатов одного из районов Берлина.

Однако революционные увлечения этого попутчика спартаковцев длились недолго. Когда Германию охватила реакция, Маркузе, как и многие другие выходцы из буржуазии, примкнувшие к сторонникам Карла Либкнехта и Розы Люксембург, отошел от движения.

Участие в трудной и кропотливой работе революционеров по собиранию сил для нового этапа борьбы он предпочел учебу в университете. Маркузе учился на философских факультетах Берлинского, а затем Фрейбургского университетов. Учился он, надо отдать ему должное, прилежно и в Фрейбурге заработал степень доктора философии.

Какая же философия привлекала его в эти годы? Как догадывается читатель, отойдя от спартаковцев,

Маркузе охладел к революционной науке. Теперь его влек к себе входивший в моду экзистенциализм — бескрылая философия жалких и безвольных людей. Он стал поклонником основоположника этой философской школы М. Хейдеггера, который, кстати сказать, впоследствии превратился в поклонника Гитлера и вступил в его национал-социалистскую партию. Любопытная деталь: уже в то время молодой доктор Маркузе берется за кривотолкование марксизма с позиций экзистенциализма.

В отличие от своего учителя Хейдеггера Маркузе все же не принял фашизм за путеводную звезду, и, когда в 1933 году Гитлер захватил власть, он уехал в Швейцарию, оттуда перебрался во Францию и, наконец, добрался до Соединенных Штатов, где и обосновался на всю жизнь.

Когда грянула мировая война, Маркузе поступил на работу в американскую разведку. Известно, что он был сотрудником, а затем даже заведующим отделом по сбору политической и военной информации о гитлеровской Германии в так называемом Управлении стратегических служб США, которое впоследствии получило более точное наименование — Центральное разведывательное управление. В те годы Маркузе участвовал в разработке стратегии и тактики «психологической войны». В то же время он публиковал в издававшемся немецкими эмигрантами «Журнале социальных исследований» статьи против фашизма.

Характерно, однако, что назавтра после войны Маркузе, как сообщил западногерманский журнал «Шпигель» в своем 22-м номере за 1969 год, не погнушался сотрудничеством с созданной тогда организацией бывшего деятеля гитлеровской разведки пресловутого генерала Гелена, который предоставил в распоряжение Соединенных Штатов остатки недобитого шпионского аппарата Гитлера и тем самым спас свою шкуру.

В 1950 году, в разгар «холодной войны», Маркузе оставил государственную службу и занялся научной и преподавательской деятельностью. В этот период он полностью раскрыл свою политическую физиономию как антикоммунист и антисоветчик. Опыт ведения «психологической войны», накопленный им во время работы в американской разведке, он использовал те-

перь против социалистических стран. Именно в пятидесятые годы Маркузе, получив поддержку от фонда Рокфеллера, написал и издал книгу «Советский марксизм», вызвавшую справедливый отпор со стороны наших философов. (В этот период он работал в неизвестном центре антисоветской деятельности в Гарварде, именуемом «Русский институт».)

Правда, Маркузе, изворачиваясь, стремился потом доказать, будто эта его работа не являлась антисоветской, поскольку американские «ястребы» сочли ее слишком «либеральной», но фактом остается то обстоятельство, что именно данная книга этого философа явилась тем кладезем, из которого потом долгие годы черпали мутное вдохновение ловкие изобретатели антикоммунистической и антисоветской теории «конвергенции», «улучшенных моделей социализма» и т. п.

Прошло немного времени, и плодовитый Маркузе в 1955 году выпустил в свет новую книгу под сенсационным названием «Эрос и цивилизация». В ней он предпринял попытку как-то соединить марксизм с реакционным идеалистическим учением — фрейдизмом. В этот период Маркузе приобретает заметную известность в определенных американских кругах. В шестидесятые годы мы видим его уже профессором известного Калифорнийского университета. Теперь Маркузе ищет популярность у молодежи.

Напомню: то были годы бурного нарастания борьбы против непопулярной войны во Вьетнаме, обострения расовых противоречий, общего идейно-политического кризиса американского буржуазного общества. Студенческие городки — «кампусы», как их там называют, — все чаще становились ареной острой борьбы, принимавшей подчас крайние формы. Американская молодежь, слабо знакомая, а подчас и вовсе незнакомя с идейным наследием Маркса и Ленина, оказалась без руля и без ветрил. Она страстно желала действий, немедленных и бурных, но не видела революционной перспективы. В муках рождалось так называемое движение «новых левых».

Это движение не было пролетарским; в основном его участниками были студенты и интеллигенция. Они были готовы действовать самоотверженно, но, повторяю, у них не было ни теоретических знаний, ни опыта, и, самое главное, многие из них были заражены антикомму-

нистическими и антисоветскими предрассудками, которые им с детства прививали школа, семья и церковь. Не забудем, что в США антикоммунизм преподается в школах как обязательная дисциплина.

Американская компартия тем не менее считала необходимым внимательно и терпеливо работать с «новыми левыми», идти на сотрудничество с ними, разъясняя молодежи ошибочность ее заблуждений, тем более что среди лучших представителей этого нового революционного движения начинали распространяться отвергавшиеся ранее марксистские идеи.

В тезисах XVIII съезда Коммунистической партии Соединенных Штатов мы читаем такие строки: «Несмотря на то, что многие «новые левые» выступают против любой идеологии любого государства, их общее направление приближается к марксизму... Мы, коммунисты, не считаем вновь образовавшуюся левую силу, антагонистичной нашей партии, а... скорее течением, движущимся в том же направлении, что и наша партия». В то же время американские коммунисты предостерегали, что «среди «новых левых», однако, существуют течения, различные небольшие организации, которые наиболее точно следует охарактеризовать как «ультралевые». Отдельные секции нового левого толка еще не осознали, что в основном роль этих организаций раскольническая».

То был период наибольшего подъема антивоенной борьбы в США, которая сочеталась с борьбой против вопиющих проявлений социальной несправедливости в самих Соединенных Штатах, и подавляющее большинство «новых левых» активно участвовало в этой борьбе, проявляя большое мужество и энергию, как это было, например, в Чикаго в дни работы национальной конференции демократической партии в августе 1968 года, когда реакционный мэр города Дэйли учинил кровавую полицейскую расправу над демонстрантами, или во время многочисленных массовых манифестаций в Вашингтоне.

Вот в этот-то острый период представителям правящего класса и пришлось как нельзя более кстати антикоммунистические выступления «ультралевых», в рядах которых причудливо перемешались троцкисты, анархисты и поклонники Мао Цзэ-дуна, которых покрывал своим авторитетом и вооружал подобием революцион-

ной теории Герберт Маркузе. Он все чаще выступал с весьма умело и ловко построенными лекциями, в которых, надо отдать ему должное, остро критиковал пресловутый «американский образ жизни», но в то же время старательно отмежевывался от марксистско-ленинского учения о классовой борьбе и о руководящей роли партии рабочего класса.

Эти лекции Маркузе объединил и в 1964 году издал в виде книги под названием «Одномерный человек», которая тут же была поднята на щит буржуазной печатью, широко разрекламирована и приобрела популярность среди «новых левых». Теперь уже Маркузе претендовал на роль идеолога революционного движения, поднимая в качестве знамени свою антимарксистскую «теорию революции». В конце шестидесятых годов деланная слава этого теоретика, подлинный смысл деятельности которого состоял в том, чтобы вносить раскол в революционное движение и восстанавливать стихийно бунтующую молодежь против коммунизма, достигает зенита. Маркузе, которому тогда уже исполнилось 70 лет, не знал ни отдыха, ни срока. Он летал из страны в страну, всюду выступал с лекциями, публикуя статьи, раздавая интервью...

В чем же суть этого «революционного учения», которое с таким рвением пропагандировал сам Маркузе?

Четыре фокуса американского философа

Во-первых, Маркузе подменяет классовую борьбу в современном обществе **«конфликтом поколений»**. Лястя студенчеству, он уверяет, что оно является главной революционной силой, поскольку, как писал французский еженедельник «Нувель обсерватэр», излагая его «учение», «они молоды, и они отвергают общество старших». Стало быть, «молодежь вообще» должна бороться против «взрослых вообще». Везде и повсюду!

Во-вторых, Маркузе уверяет, что надо бороться не против капитализма, а... против **«индустриального общества»**, причем, как подчеркивает другой французский еженедельник — «Экспресс», подлинная оппозиция может заключаться лишь в радикальном, глобальном от-

рицании всех элементов, из которых состоит такое общество, **«включая коммунистические партии»**. В этой связи он клеветнически утверждает, будто социалистические страны ничем не отличаются от капиталистических, поскольку они осуществляют индустриализацию, а **«потоки бетона»** душат **«освободительные чаяния»**. Стало быть, **долой индустриализацию, долой «больную цивилизацию»**, как выражается Маркузе, и да здравствует дикость?

В-третьих, Маркузе, утверждая, будто в «индустриальном обществе» рабочий класс утратил революционность, заявляет, что **«изменить порядок вещей»** способны лишь **«те, кто стоит вне производственного процесса»**, то есть **«расовые меньшинства, в большинстве своем исключенные из этого процесса, постоянные безработные, правонарушители (!) и т. д., а на другом конце этой цепи — привилегированные деятели культуры, у которых есть возможность избежать подчинения»**. И он сулит, что **«философы»**, опираясь на **«бунтующих рабов»**, установят просвещенную **«педагогическую диктатуру»**, которая якобы добьется освобождения человека от **«угнетающих тенденций»**. Стало быть, возврат к милой сердцу группы Мао Цзэ-дуна комбинации **«герой и толпа»?**

В-четвертых, Маркузе отрицает необходимость какой бы то ни было организованности в борьбе за свержение старого мира, зовя молодежь к **«стихийному бунту»**. **«Бесполезно ждать, пока массы присоединятся к движению, — заявил он в интервью газете «Монд». — Все всегда начиналось с бунта горсточки интеллигентов»**. И Маркузе как величайшую добродетель превозносил тот факт, что среди **«бунтарей»** в США **«не существует никакой координации, никакой организации»**. Стало быть, **долой всякое организованное начало в революции, и прежде всего долой коммунистические партии, и да здравствует бунт!** Тут два шага до небезызвестного лозунга Мао Цзэ-дуна **«огонь по штабам»**. Недаром в том же интервью газете «Монд» Маркузе заявил, что **«сегодня всякий марксист, который не является послушным (?) коммунистом, — это маоист»**.

В-пятых, Маркузе в ряде своих произведений: показал себя как злобный антисоветчик, не гнушаясь повторением самых низкопробных выдумок буржуазной печати. В своей книге **«Одномерный человек»** он клевет-

нически именовал Советский Союз «репрессивным обществом», авторитарным режимом. Индустриализацию, которая была поистине героическим подвигом нашего народа, Маркузе назвал «террористическим» процессом, а о стахановском движении он написал в своей книге «Эрос и цивилизация», что это движение было основано на... подавлении «принципа удовольствия» во имя «повышения производительности труда».

Выходит, что Герберт Маркузе при всей внешней революционности его фразеологии, в сущности, недалеко ушел от Збигнева Бжезинского и его единомышленников: он исходит из того же постулата о «развитом индустриальном обществе», в котором капитализм и социализм ставятся на одну доску. Разница лишь в том, что Бжезинский, Ростои и другие, формулируя эту фальшивую идею, сочиняют несбыточные проекты «конвергенции», слияния этих двух систем, а Маркузе демагогически восклицает: «Чума на оба ваши дома!» — и призывает своих сторонников бороться как против капитализма, так и против коммунизма.

Классовую борьбу при этом он исключает. Так же как и Бжезинский, Маркузе уверяет, что **любое** развитое индустриальное общество, будь то капиталистическое или социалистическое, неизбежно становится «обществом потребления», где вещи ценятся выше идей, классовая борьба затухает и главную роль в обществе начинает играть не политическая борьба, а научно-техническая деятельность, причем возрастает роль государства.

Такова «ревизия марксизма», с которой выступает этот лжепророк, рассчитывающий, по выражению еженедельника «Экспресс», на несведущих «молодых людей, которые, не прочитав ни Маркса, ни евангелия, принимают Че Гевару за Христа, переписавшего на новый лад «Капитал», а Мао за нового Маркса, который на свой лад переписал евангелие».

Характерно, что его «истолкование пророческого озарения для непосвященных» то и дело возвращается к практике группы Мао Цзэ-дуна. И вот что в высшей степени знаменательно: хотя эта группа не скупится на ругательства в адрес империалистов, правительства капиталистических государств весьма терпимо относятся к распространению ее «идей», а заодно и к деятельности Маркузе и его шумливых учеников. В 1968 го-

ду обозреватель «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер беседовал на эту тему с тогдашним канцлером ФРГ Кизингером, возглавлявшим реакционную христианско-демократическую партию, и тот, успокаивая Сульцбергера, пояснил, что деятельность последователей Маркузе «не имеет ничего общего с советским коммунизмом» и что «у них особые боги».

Кизингер подчеркнул, что эту публику «привлекает маоистская идея о том, что войны в нашу эпоху будут вестись в слаборазвитом «третьем мире»... Это, сказал он, «импонирует эмоциональным чувствам» учеников Маркузе, «не создавая для них непосредственной угрозы». Пусть-де война идет там, а мы здесь всласть покричим, — рассуждают эти «р-р-революционеры».

В довершение ко всему Маркузе не брезгает развязыванием низменных инстинктов у молодежи. В своей книге «Эрос и цивилизация» он, как отмечала газета «Монд», «ставит в связь с революционным марксизмом сексуальное освобождение (?!)». В этой книге Маркузе утверждает, что «новый человек должен вернуть преобразованный эротизм в повседневные отношения». И вот уже в памятные дни майских событий 1968 года некоторые горячие головы вывешивали в Сорбонне этикие плакатики: «Чем больше я занимаюсь революцией, тем больше мне хочется заниматься любовью!», «Уничтожим все ограничения!»

Атаки на рабочий класс

Все это звучит диковато и абсурдно. Но замысел у тех, кто громогласно рекламирует нынче внезапно выдвинутого на авансцену политической деятельности лжепророка и сопутствующую ему формулу «трех М», отнюдь не абсурден. Это ловкий и коварный политический маневр. Буржуазные идеологи поняли, что в момент серьезного обострения классовой борьбы их старые теории «народного капитализма», «конвергенции (то есть постепенного сближения) противостоящих систем» бессильны повлиять на борющийся пролетариат. И вот, паразитируя на ересьях, время от времени возникающих в международном революционном движении, и прежде всего на «идеях» Мао Цзэ-дуна, они пытаются внести смуту, сбить с толку горячую, но неискушен-

ную в политике молодежь, расколоть ее и превратить тех, на кого удастся повлиять, в слепое орудие провокаций.

У Маркузе есть подручные. В ФРГ, к примеру, некий «католический писатель» Карл Амери вслед за ним твердит, что западногерманский рабочий класс не может быть революционным, поскольку он вместе с буржуазией «участвует в эксплуатации третьего мира». В Италии депутат-социалист Кадиньола поддержал тезис Маркузе о необходимости «бунта» против «индустриального общества вообще», поскольку, как заявил он корреспонденту «Экспресс», «современное общество, будь то капиталистическое или социалистическое, все больше и больше напоминает промышленное предприятие».

Но подобно тому как пекинские лидеры в 1968 году, проводя демонстрации якобы в поддержку борьбы трудящихся Франции за свои права, направляли главный удар против Французской компартии и СССР, так и шумливые последователи Маркузе в Западной Европе грозились своими кулачками не капитализму, а рабочему классу и коммунистам.

Этой же цели служат туманные рассуждения Маркузе и его учеников о борьбе против «индустриальной цивилизации» вообще, без разбора — идет ли речь о капиталистическом или социалистическом строе. «Повсюду в мире индустриальной цивилизации, — писал Маркузе в своей книге «Эрос и цивилизация», — подчинение человека человеку возрастает по объему и по воздействию. И эта тенденция предстает отнюдь не как случайный, преходящий шаг по пути к прогрессу. Концентрационные лагеря, массовое уничтожение людей, мировые войны и атомная бомба не являются «рецидивом варварства», а представляют собой безудержное воздействие достижений современной науки (I), технологии и форм господства».

И, следуя этой фальшивой теории, автор которой беззастенчиво подменяет анализ социальных отношений и классовой борьбы в современном мире рассуждениями о вреде... научно-технического прогресса, последователи Маркузе в той же Сорбонне в 1968 году вывесили такое «программное заявление»:

«Начавшаяся революция ставит под вопрос не только капиталистическое общество, но и индустриальную

цивилизацию в целом. Общество потребления должно погибнуть насильственной смертью. Общество отчуждения (?!) также должно погибнуть насильственной смертью. Мы хотим нового и оригинального мира. Мы отречаемся от мира, в котором уверенность в том, что ты не умрешь от голода, приобретается в обмен на риск умереть от скуки».

Прочел я эту браваду учеников Маркузе и невольно вспомнил опубликованное в дни пресловутой «культурной революции» в пекинском журнале «Хунци» такое же развязное заявление группы хунвэйбинов, которые тоже претендовали на роль обновителей революционного учения Маркса:

«Тысячи и тысячи положений марксизма, — писали с важным видом эти недоучки, — в конце концов сводятся к одному: «Бунт — дело правое». В этом сама душа идей Мао Цзэ-дуна... Уклоняться от бунта — значит попросту погрязнуть в ревизионизме... Мы хотим перевернуть старый мир вверх тормашками, разнести его в щепы, создать хаос, сплошную неразбериху. И чем больше эта неразбериха, тем лучше».

И пекинские юнцы, «открывая огонь по штабам» с благословения самого Мао, самоуверенно громили партию, комсомол, профсоюзы, избивали профессоров и учителей, действительно «переворачивая все вверх тормашками», создавая «хаос», «сплошную неразбериху». Теперь в том же духе пытались действовать ученики Маркузе в Западной Европе!

Между прочим, такого рода безответственные, анархистские декларации и действия вызывали лишь негодование у тех немногих в буржуазных странах студентов, которые пробилась в университеты из рабочей среды (во Франции, по данным, опубликованным в «Юманите», лишь восемь процентов студентов — дети рабочих). «Им, конечно, не грозит опасность умереть с голоду, — говорили они по адресу «бунтарей», которых любвеобильные родители щедро снабжают карманными деньгами. — Вот они и рассуждают о скуке. Нам же требуется иное: немедленная демократическая реформа университета, которая открыла бы трудящимся путь к высшему образованию!»

Кому служат

эти «мятежники»?

В конце шестидесятых годов буржуазная пресса с особой энергией живописала художества некоего двадцатитрехлетнего немца из ФРГ Даниэля Кон-Бендита, который до весны 1968 года числился в Парижском университете, занимаясь там раскольнической деятельностью среди студенчества. Когда журналисты его спросили, на какие средства он живет, Кон-Бендит ответил: «Получаю стипендию от немецкого [западногерманского] государства, как сирота». В бурные майские дни 1968 года он внезапно активизировался, претендуя на роль лидера взбунтовавшегося парижского студенчества. При этом свои главные усилия он направлял на то, чтобы помешать единым действиям студентов и рабочих и возбудить среди бунтовщиков антикоммунистические настроения.

8 мая 1968 года еженедельник «Нуфель обсерватэр» опубликовал интервью с этим «мятежником» — он хвастался, что его приятели пытались помешать выступлению депутата-коммуниста Пьера Жюкэна перед студентами, и призывал «колотить парней из коммунистической партии». «В настоящий момент, — хвастливо заявил он, — студенты одни (!) ведут революционную борьбу рабочего класса. Рабочий, являющийся главой семьи, не хочет (?) бороться».

Когда же рабочий класс Франции 13 мая организовал миллионную демонстрацию в поддержку законных требований студенчества, добивающегося демократической реформы университета, тот же Кон-Бендит с горсткой своих сторонников, анархистов и «маоистов» тщетно пытался внести сумятицу и раскол в ряды демонстрантов, выбросив провокационный лозунг: «Пойдем штурмовать Елисейский дворец!» (резиденцию президента).

Вскоре Кон-Бендит предпринял шумное турне по Европе, широко рекламировавшееся буржуазной прессой. Повсюду он призывал к «кровавой (!) революции» и проповедовал отказ от сотрудничества студентов с рабочим классом и его авангардом — коммунистической партией.

Щеголя своим презрением к рабочим, этот тип, выступая 21 мая 1968 года в Берлине, назвал их требования «смехотворными»; студентов он столь же презрительно обозвал «аморфной массой», клеветнически утверждая при этом, будто «студенты рабочего происхождения» меньше, чем другие, готовы бороться за какие-либо перемены. Наконец, выступая вслед за этим в Амстердаме, он позволил себе заявить, что «французское знамя заслуживает только того, чтобы его разорвали».

На подмогу Кон-Бендиту в Париж приезжали два его соотечественника, они выступали на студенческих собраниях. Газета «Комба» услужливо опубликовала в те дни интервью с ними, скрыв их имена за инициалами И. С. и П. Б. И это интервью было достаточно откровенно. П. Б. заявил, что «во всей истории ФРГ рабочий класс отождествлял себя с буржуазной системой» и что «у вас» во Франции рабочие «тоже ничего не делают», а И. С. добавил, что «рабочий класс до такой степени удовлетворен (?!), что он не может критиковать существующую систему».

Корреспондент спросил: «А у самих студентов есть сознание?» П. Б. ответил: «Да, потому что они входят в состав привилегированной (I) группы. Революционные темы обсуждаются в привилегированных группах, в так называемых группах Маркузе».

Но тут следует обратиться к существу майских событий 1968 года в Париже, чтобы понять, сколь опасной для судеб революционного движения может оказаться провокационная деятельность учеников Маркузе. Во Франции вышли буквально сотни книг об этом «бурном мае», причем подавляющее большинство этих книг, изданных буржуазными издательствами, дает тенденциозные версии в духе ультралевых идеологов, затемняя подлинную суть событий.

Промелькнула в этом потоке и книга Даниэля Кон-Бендита, сочиненная им в сообществе с собственным братом Габриэлем, который не фигурировал на авансцене событий «бурного мая», но, видимо, внимательно наблюдал за ними. Книга названа вызывающе: «Левизна. Сильнодействующее средство против старческой болезни коммунизма». В ней содержатся ожесточенные нападки на рабочий класс Франции, о котором сказано, будто он в мае 1968 года, вместо того чтобы стать

«революционным авангардом общества», был его «тупым арьергардом», и на Коммунистическую партию Франции, которую авторы обвинили ни больше ни меньше как в нежелании «делать революцию».

Братья Кон-Бендиты не скрывали своего раздражения по поводу того, что ультралевым не удалось побудить участников памятной стотысячной демонстрации рабочих, служащих и студентов Парижа 25 мая 1968 года броситься на штурм правительственных учреждений и захватить, таким образом, власть в свои руки. Провокационный характер этого замысла очевиден: если бы манифестанты поддались на этот призыв, движение было бы утоплено в крови.

Трезвый марксистский анализ майских событий 1968 года и той опасной роли, которую пытались сыграть в них леваки, был дан в ряде документов Французской коммунистической партии и, в частности, в отчетном докладе ЦК ФКП, с которым товарищ Жорж Марше выступал в феврале 1970 года на XIX съезде ФКП. Вспомним же, что он сказал, — выдержка из его доклада будет довольно длинной, но ознакомьтесь с ней совершенно необходимо всякому, кто хочет понять подлинное существо этих событий и разобраться в сложных и, я бы сказал, коварных маневрах людей, которые, прикрываясь ультралевой фразой, в действительности своими действиями вели дело к разгрому организованного рабочего и студенческого движения во Франции. Итак, слово товарищу Марше:

«Мощное рабочее и демократическое движение в мае — июне 1968 года, — сказал он, — открыло новую страницу классовой борьбы в нашей стране... Оно было подготовлено непрекращающейся борьбой рабочего класса, массовой забастовкой шахтеров в 1966 году, знаменательными днями 1 февраля, 17 мая, 13 декабря 1967 года, а также массовой демонстрацией 1 мая 1968 года, организованной Всеобщей конфедерацией труда. Наша партия внесла важный вклад в развитие этой борьбы...

Студенческая борьба была хронологически отправным пунктом майско-июньского движения*. Однако

* Напомним, что майские события 1968 года начались с выступлений студентов (в частности, в Нантерском университете, находящемся в пригороде Парижа) против подчинения высшей школы интересам крупного капитала, против буржуазной системы образо-

именно с того момента, когда рабочий класс в массовом масштабе и организованно вступил в борьбу, это движение приобрело всю свою силу и значение.

Главная цель забастовки трудящихся, а также действий студентов и преподавателей заключалась в том, чтобы удовлетворить самые неотложные, жизненно важные нужды. Своим единством, дисциплинированностью и мощью рабочее движение вынудило правительство и крупных предпринимателей удовлетворить важные требования. Были достигнуты также положительные результаты в области образования.

Но, как напомнил нынешний почетный Председатель ФКП Вальдек Роше в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 года, «для майско-июньского движения 1968 года во Франции характерно именно то, что, помимо ближайших экономических требований, которые оно выдвигало, оно ставило также под вопрос господство монополий и их государственной власти над национальной жизнью. Оно было направлено на глубокое демократическое преобразование в экономической и социальной областях, равно как и в политической области. Оно свидетельствовало о том, что идеи социализма проникли в широкие слои трудящихся».

Новые возможности классовой борьбы, ее расширение выразились во вступлении в борьбу бок о бок с рабочим классом новых социальных слоев, в частности работников умственного труда. Между тем тогда было невозможно покончить с властью монополий для того, чтобы заменить ее передовым демократическим режимом, способным открыть путь к социализму. Чтобы достигнуть этого, нужно было добиться согласия всех рабочих и демократических сил по поводу этой общей цели.

Наша коммунистическая партия не щадила сил, чтобы достигнуть этого. Однако она наталкивалась на упорный отказ руководителей социалистической партии

вания, превращающей университеты в поставщиков послушных капиталистам кадров угнетателей трудящихся. Одними из первых взбунтовались студенты факультета социологии — науки, которую сейчас буржуазия пытается использовать как свое оружие в борьбе против рабочих, отстаивающих свои права. Студенты требовали академической свободы, а затем и политической свободы. Рабочий класс их поддержал, и Париж был охвачен длительной всеобщей забастовкой.

и других левых партий*, а также профсоюзных организаций, за исключением ВКТ. В то же время эти руководители за кулисами строили авантюристические комбинации, вдохновляемые антикоммунизмом. Реакция воспользовалась этим для того, чтобы найти выход из критического положения, в котором она оказалась».

Жорж Марше в своем докладе убедительно показал, как своевременно и точно Французская компартия разгадала и парализовала замысел своих политических противников, заключавшийся в том, чтобы втянуть организованное рабочее движение в неравное испытание силы, с тем чтобы надолго сломить их. В частности, он раскрыл подлинное существо провокационных действий левацких сил.

«Совершенно очевидно, — сказал он, — что присоединиться к левацким группам для того, чтобы привлечь, так сказать, на нашу сторону тех студентов, которые находились под их влиянием, означало внести раскол в рабочее движение, пойти на кровавую авантюру и подорвать наш авторитет в стране. Наша партия отказалась сделать это. И она правильно поступила!»

В самом деле, что было бы, если бы в памятный день 25 мая 1968 года руководители стотысячной организованной демонстрации поддались уговорам леваков «пойти на штурм правительственных учреждений», о чем пишут братья Кон-Бендиты? На первый взгляд мысль добиться успеха в таком предприятии казалась заманчивой: сто тысяч человек — сила немалая. Но эти люди были безоружны, а на охрану существующего строя были подведены к Парижу 260 тысяч вооруженных до зубов солдат, 13 500 жандармов и полицейских, танковые части. К этому надо добавить многочисленные кадры реакционных фашиствующих организаций, которые ждали своего часа, чтобы броситься громить рабочие организации.

Французские коммунисты, проявляя в этих условиях выдержку и хладнокровие, сохраняли верность завету

* Этот урок впоследствии был учтен социалистической и другими левыми партиями, и в семидесятых годах они, как известно, создали единый фронт с компартией, выработав единую политическую платформу. Это дало левым силам Франции возможность добиться большого успеха на президентских выборах 1974 года, когда кандидат левых сил Миттеран собрал без малого половину всех голосов.

Ленина, который предупреждал, что с восстанием играть нельзя. «Восстание — очень большое слово, — писал он в 1905 году в статье «Последнее слово «искровской» тактики, или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания»: — Призыв к восстанию — крайне серьезный призыв. Чем сложнее становится общественный строй, чем выше организация государственной власти, чем совершеннее военная техника, тем непозволительнее легкомысленное выставление такого лозунга... С большими словами надо обращаться осмотрительно» *.

Леваки вчера и сегодня

Между прочим, Кон-Бендит и его единомышленники, выдвигая свой провокационный лозунг «Брать власть немедленно!», были отнюдь не оригинальны. «Детская болезнь «левизны», которую разоблачал В. И. Ленин еще в начале двадцатых годов, уже тогда была распространена на Западе. И, выступая с трибуны III конгресса Коминтерна, он так полемизировал с леваками, носившимися с авантюристической идеей «немедленного захвата власти» в своих странах:

«Мы были в России маленькой партией, но с нами было, помимо того, и большинство Советов рабочих и крестьянских депутатов всей страны. Где это у вас? С нами была почти что половина армии, в которой тогда числилось, по меньшей мере, 10 миллионов человек. Разве за вами большинство армии? Укажите мне такую страну!» **.

Коммунисты подходят к вопросам борьбы за социализм с чувством величайшей ответственности. Как это подчеркивалось в ходе работы организованной редакцией журнала «Проблемы мира и социализма» исследовательской группы о современном значении работы В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» ***, они всегда помнят, что на пути к завоеванию власти стоят долговременные задачи

* В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 366.

** В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 26.

*** Итоговые материалы работы этой группы были опубликованы в первом номере журнала «Проблемы мира и социализма» за 1973 год.

политической консолидации большинства рабочего класса и привлечение на его сторону основной массы трудящихся. Выступая в ходе работы этой исследовательской группы, член ЦК Французской компартии товарищ П. Куртье говорил:

«Во Франции, как и во всем капиталистическом мире, созрели материальные условия для перехода к социализму. Однако для осуществления социалистической революции необходимо, чтобы широкие массы трудящихся, и прежде всего рабочий класс, на собственном опыте убедились в правильности такого пути. Это условие пока отсутствует в нашей стране. В массе нет еще сознания прямой необходимости социализма. Другое дело, когда речь идет о борьбе против экономического и политического господства монополий. Подавляющее большинство работников физического и умственного труда может на этом поприще объединить усилия для ограничения сферы монополистического ограбления, а затем и ее ликвидации. А это позволит мобилизовать революционные потенции всех слоев трудящихся, развернуть антимонополистическое движение, более мощное и массовое, чем в 1936 и 1945 годах».

И товарищ Куртье напомнил, что вопреки реформистам, смешивающим демократию и социализм, и левакам, не учитывающим конкретных условий и пытающимся проскочить через промежуточные этапы движения, французские коммунисты считают эти промежуточные этапы необходимыми. Они основывают свою политику на анализе объективных проявлений экономического развития общества, на строго объективной и научной оценке взаимоотношений и умонстроений всех классов и слоев. Они — не сторонники левацкого принципа «все или ничего».

О, как злобствовала в конце мая 1968 года парижская реакционная печать, видя, что компартия и идущая за нею сознательная часть рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Франции не поддается на провокации и умело, с большим размахом и упорством ведет борьбу за выполнение точно определенных руководством ФКП и ВКТ политических и экономических задач, в то же время отмечая авантюристические лозунги троцкистов, анархистов и маоистов! Вспомните, как в те дни эта пресса с невероятным усердием рекламировала лихие «подвиги» леваков, вроде захвата ими

театра «Одеон», над которым были водружены черные флаги и вывешены портреты Мао Цзэ-дуна, или превращения центрального здания Сорбонны в клоаку, где люди, сами именовавшие себя «катангцами» (от слова «Катанга» — в напоминание о том, что в начале шестидесятых годов там орудовали бельгийские и французские наемники, помогавшие ставленнику бельгийских монополий Чомбе), вели разгульную жизнь, показывая, что означает на практике провозглашенная ими «сексуальная свобода».

В щедро раздаваемых направо и налево интервью, которые охотно публиковали буржуазные газеты, скороспелые лидеры леваков обвиняли компартию и профсоюзы в «нерешительности», в «отсутствии воли к борьбе за власть», которая якобы «валяется на мостовой» и ее нужно лишь подобрать. А власти всё медлили с принятием мер против экстремистов, и явственно чувствовалось, что кое-кто выжидает, а не клюнут ли все же коммунисты на эти призывы и не откроется ли наконец долгожданная возможность обрушить репрессии на массовые организации трудящихся.

Нет, коммунисты выдержали характер до конца. В результате были завоеваны важные победы над монополиями, победы политического и экономического характера, о которых товарищ Марше говорил на XIX съезде партии. А сама партия и профсоюзы, входящие в ВКТ, еще больше закалились в этой борьбе, обогатились новым опытом, укрепили свои связи с массами. Между прочим, в итоге этих поучительных событий в партию вступили многие из тех молодых людей, которые поначалу увлеклись демагогией леваков и пошли за ними, но потом разочаровались в ней, увидев, сколь стерильна их практическая деятельность.

Помню, в феврале 1973 года я говорил с некоторыми из этих людей, ныне активно действующих в рядах компартии. С какой иронией и горечью вспоминали они о «художествах» маоистов в «Одеоне», где был разграблен весь реквизит театра и ультрареволюционеры щеголяли в фантастических доспехах из костюмерной, о распутстве «катангцев» в Сорбонне, о разгроме магазинов под фальшивым лозунгом парижских последователей батъки Махно «Грабь награбленное», о злобных антикоммунистических речах Кон-Бендита и его единомышленников!

Ну а сам Даниэль Кон-Бендит? Где он сегодня? Исчез с политической арены. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Он присмирел и занимается преподаванием немецкого языка в небольшом провинциальном городе Сен-Назере. Так кончился этот параболический взлет более чем сомнительной фигуры, которую в свое время столь усердно популяризировали буржуазные газеты. Дутая слава Даниэля Кон-Бендита в ту пору пересекла даже Атлантику, и журнал «Тайм» в январе 1969 года, откликаясь на книгу Кон-Бендита и его брата «Устаревший коммунизм», обронил поощрительную реплику, назвав эту книгу «удивляюще грамотной»...

«Йиппи» и компания

Еще более явственно провокационный характер деятельности ультралевых, пытающихся убедить молодежь, будто коммунизм и капитализм являются в равной степени вредными элементами «единой системы индустриального общества», виден в Соединенных Штатах. Так же как это было в майские дни 1968 года в Париже, американские воспитанники Маркузе и иные «деятели», считающие даже Маркузе слишком правоверным марксистом, орудовали в рядах «новых левых», сбивая с толку молодежь, толкая ее на грубые насильственные действия, где в этом не было необходимости, учиняя поджоги, погромы и тем самым провоцируя столкновение с полицией. Особенно много вреда деятельность этих ультралевых принесла антивоенному движению — они раскалывали его и тем самым ослабляли, хотя и кричали громче всех о своих действиях.

Я много раз видел их во время своих поездок в Соединенные Штаты в 1967, 1968, 1972 и 1973 годах. На разного рода политических демонстрациях они резко выделялись среди протестующей молодежи своей лихорадочной активностью и провокационными действиями. Постоянные призывы к насилию, к сооружению баррикад и даже «партизанской борьбе в городах» — их наиболее характерная черта. Самим своим внешним видом они пытались эпатировать пресловутое «молчаливое большинство» Америки — обывателей, как огня

боящихся революции: лохматые, нечесанные, немые, в отрепьях с бесчисленными латками и дырами наподобие свихнувшихся «хиппи», они, как правило, вызывали раздражение у публики, наблюдавшей с тротуаров за демонстрациями, и я не раз слышал реплики «благонамеренных» граждан:

— Вот они какие, коммунисты!

— Уоллес прав, пора навести порядок в нашей стране!

— Да, пора обуздать коммунистов!..

Обыватели и впрямь думали, что эта шумная публика с «ультрареволюционными» призывами к вооруженной борьбе, с красными флагами в руках и есть коммунисты.

Я далек от того, чтобы всех ультралевых зачислять в категорию провокаторов. Уверен, что среди них есть немало честных молодых людей, увлеченных р-р-революционной фразеологией, и не исключено, что часть из них впоследствии найдет правильный путь борьбы, как нашли его многие из тех, что в мае 1968 года штурмовали театр «Одеон» в Париже, а сейчас стали активными членами Французской компартии. Но, объективно или субъективно, деятельность ультралевых США помогла буржуазной пропаганде устроить среднего американца призраком «насильственной коммунистической революции», расколоть и ослабить прогрессивные силы Америки.

Поначалу я удивлялся, видя, как щедро отпускает американское телевидение время своих передач для выступлений лидеров ультралевых, — ведь это время там ценится буквально на вес золота: оно используется во многом для рекламы, которая вторгается даже в программы новостей, и корпорации за каждую предоставленную им минуту платят бешеные деньги. А тут на экране вдруг появляется зверская физиономия какого-нибудь «ультра» вроде Джерри Рубина или Эбби Гофмана, и телезритель в течение доброго получаса выслушивает их бредовые проповеди насилия ради насилия.

Но вскоре я сообразил: ведь это находка для реакционной пропаганды, которая добивается, чтобы американец представлял себе революционеров именно такими бесшабашными и социально опасными субъектами! Когда-то на Западе расклеивали плакаты, изображаю-

щие большевиков с ножом в зубах, — теперь выпускают на экраны телевидения и на страницы газет этих молодых.

В содержательной книге правдиста В. Большакова «Бунт в тупике», обстоятельно рисуя сложный путь «новых левых» и их трудности и злоключения, вызванные действиями ультралевых, приведены большие выдержки из «трудов» их лидеров. В них раскрывается подлинная физиономия этих более чем сомнительных людей.

Я использую здесь лишь некоторые цитаты из высказываний, пожалуй, наиболее крикливого из них, Джерри Рубина, основателя микроскопической «международной (!) молодежной партии», сокращенно именуемой «Йиппи». Именно это словечко, рифмующееся с «хиппи», последователи Рубина изобрели в качестве своего устрашающего клича, с которым они выходят на демонстрации.

Рубин сочинил книгу, которая называется «Сделай это»; она представляет собой нечто вроде практического пособия для действий его последователей. Он не скупится на парадоксальные, бьющие на эффект формулировки. Вот некоторые из них:

— «Идеология — это болезнь мозга».

— «Йиппи» хотят бегать голышом в стенах конгресса!»

— «Йиппи» — марксистский наркоман, психоделический большевик».

— «Йиппи» — это дерущийся на улице шпаненок, человек за бортом, который носит наган у бедра».

— «Йиппи» — это длинноволосый, бородатый, сумасшедший ублюдок (!), для которого жизнь — театр, каждый момент создающий новое общество, в то же время разрушающий старое».

— «Йиппи» настолько уродлив, что «средний класс» боится того, как он выглядит».

Вы скажете — это же бред сумасшедшего, стоит ли принимать его всерьез? Стоит, товарищи, и не только стоит, но и совершенно необходимо, если учесть тот значительный вред, который нанесли «йиппи» и им подобные «новым левым», мешая им найти свое место в общей борьбе прогрессивных сил против реакции, за лучшее будущее американского народа.

Представьте себе, разнузданная терминология, а зачастую и грубая похабщина, которой изобилуют выступления Джерри Рубина, Эбби Гофмана и прочих закоперщиков «ультралевых», привлекают к себе известную часть молодежи, изверившуюся в традиционных лицемерных моральных ценностях буржуазного общества и возненавидевшую «американский образ жизни».

Вот почему многие сынки богатых семей, которым осточертело поведение их родителей, единственной целью жизни которых является накопить побольше денег, уходят из дому, одеваются в лохмотья, а то и вовсе щеголяют нагишом, пока их не заберут в полицейский участок, предаются полной «сексуальной свободе», курению наркотиков и с воплем «йиппи!» начинают драться на улицах. А Рубин их учит все в той же книге «Сделай это»:

«Сначала действуйте. Думайте потом. Импульс, а не теория, обеспечивает великие скачки. Теория приходит тогда, когда люди рассуждают о том, что они сделали, после того, как они сделали это. Мао говорит: «Мы узнаем больше всего из своих ошибок». Несколько лет я ходил на митинги левых с тем, чтобы понять, какого черта творится в нашей стране. Наконец я стал принимать наркотики и понял, что происходит: не происходит ничего. Я поклялся никогда не ходить на эти митинги. В гробу я их видел!»

Своим сторонникам этот деятель предлагает «действие ради действия», без ясно выраженной конкретной цели. Впрочем, цель его даже не интересует. Его интересует лишь стихия насилия. Вот что он пишет:

«Я никогда не знаю, против чего идут протестовать демонстранты. Это всегда решается людьми, которые ходят на собрания, чтобы часами дискутировать. Все, что нужно от этих собраний, — требования, которые «кистэблишмент» (то есть власти предержавшие. — Ю. Ж.) никогда не удовлетворит. Если бы удовлетворили наши требования, какое это было бы для нас поражение (!). Демонстрации никогда не разумны. Мы всегда предъявляем свои требования таким образом и в такой манере, что структура власти не может удовлетворить их, оставаясь структурой власти. И тогда мы визжим со справедливым гневом, что наши требования

не удовлетворены. Удовлетворите наши требования — и мы проиграли (!)».

Любопытно, что активное движение, к которому примазывались «йиппи» и им подобные группочки и которому они наносили моральный ущерб, их, по существу, вовсе не интересовало: Рубин объявил его «пустой тратой времени». Участвуя все же в демонстрациях, организованных этим движением, леваки резвились как могли. Они создали, например, собственную группировку под широковывесочной вывеской «Революционный контингент за вьетнамский народ» из отрядов, присвоивших себе весьма экзотические названия: «Психи», «Бешеные псы», «Метеорологи» и, конечно же, снова «Йиппи». И когда массовые организации устроили знаменитый антивоенный поход в Вашингтон, «Революционный контингент за вьетнамский народ», меньше всего думая о судьбе вьетнамского народа, бросился устраивать погромы с лихой песенкой «Раз, два, три, четыре, пять, государство надо смять».

Разумеется, полиции только это и было нужно, и она ринулась подавлять антивоенный поход. В конце концов организаторы этого похода были вынуждены создать собственные отряды поддержания порядка, чтобы отсекал от своих колонн последователей Джерри Рубина и ему подобных.

Мне остается добавить к этому, что, хотя ультрареволюционеры охотно демонстрируют свое пренебрежение к теории и возводят невежество в принцип, они весьма ревностно прилагают свои усилия для борьбы с марксистско-ленинской теорией, используя при этом самые худшие и истрепанные стандарты буржуазной пропаганды, которые теперь сама она стыдится употреблять. И не случайно «труды» Рубина, Гофмана и других столь охотно и притом массовыми тиражами издаются буржуазные издательства, хозяев которых никоим образом не беспокоят ругательства этих авторов в адрес «истэблишмента». Для них важно то, что авторы этих книг поносят и предают анафеме коммунизм, Коммунистическую партию, Советский Союз.

Таково подлинное лицо этих оборотней, именующих себя ультралевыми и громче всех кричащих о необходимости сейчас, немедленно, сию минуту взяться за оружие и свершать революцию.

Новейшие откровения Герберта Маркузе

Ну а Маркузе? — спросите вы. Где он, что он? С каких позиций выступает сейчас? Быть может, жизнь его кое-чему научила, и он понял, кому служат «ультра-революционеры», сделавшие его в конце шестидесятых годов своим кумиром? Как-никак он все же профессор, человек преклонных лет, пора бы уж и остепениться...

Увы, я должен разочаровать тех, кто питает такие надежды. Маркузе остался тем же, кем он и был, и с прежним упорством отстаивает свои теории, лишь несколько подновляя и подчищая терминологию в тех местах, где она явно выглядит несовместимой с изменившимся духом времени.

Правда, объективности ради следует отметить, что в нынешнее время, когда обстановка в мире радикально изменилась и весь мир воздает должное борьбе нашей партии и народа за укрепление международной безопасности и сотрудничество, когда наступила заметная разрядка в международных отношениях и, в частности, в отношениях между СССР и США, Маркузе уже не рискует выступать с такими грубыми оскорблениями в наш адрес, какие мы читали в его книгах «Одномерный человек» и «Эрос и цивилизация».

Больше того, в 1969 году он счел нужным заявить в своем «Эссе об освобождении», что «эффективное сопротивление во Вьетнаме и защита Кубы были бы невозможны без советской помощи», а год спустя в лекции «Проблемы насилия и радикальная оппозиция» даже счел нужным опровергнуть один из основных тезисов своей теории, признав, что «неправомерно ставить знак равенства между советским и развитым капиталистическим обществом и объединять их под общим наименованием «Развитые индустриальные общества».

Надо, однако, хорошо знать Маркузе, который весьма тонко ощущает, куда дует ветер, и всякий раз соответственно перестраивает свою тактику, чтобы правильно оценить подлинную ценность этих поправок, как бы существенны они ни были. В том, что Маркузе, несмотря на эти тактические изменения, целиком и полностью сохраняет свою основную стратегию, опасную для дела

сплочения всех свободолюбивых сил, нас убеждает вышедшая в свет совсем недавно его новая книга «Контрреволюция и восстание».

Оставив преподавательскую работу и полностью посвятив себя политической деятельности, Маркузе после оглушительного провала ультралевых в конце шестидесятых годов ищет чего-то нового. И вот из книги «Контрреволюция и восстание» мы узнаем, что он совершает очередной крутой поворот, бросая на произвол судьбы тех бунтарей, которые вчера его боготворили, и поворачиваясь лицом к тому классу, ниспровержения и разгрома которого он вчера требовал.

Теперь Герберт Маркузе в своих поисках путей прогресса обращается уже не к студенчеству и люмпен-пролетариату, кои, как он ранее утверждал, должны были выполнить историческую миссию свержения капитализма, игнорируя рабочий класс, который якобы «обуржуазился» и утратил революционный потенциал. Теперь он делает ставку... на молодое поколение буржуазии — оно, по его теперешнему мнению, может и должно проникнуться «новым сознанием» и изменить социальный строй к лучшему, действуя «изнутри».

По утверждению Маркузе, отныне «силами отрицания» в капиталистическом «обществе потребления» будут не «отверженные и бесприютные, эксплуатируемые и преследуемые, безработные, люди других рас и другого цвета кожи» (которых, кстати сказать, еще вчера он расценивал как главную революционную и притом непобедимую силу!), а дети «общества изобилия», которые создадут «контркультуру», противопоставленную ценностям буржуазной цивилизации.

Мы знаем, что действительно немало сынков и дочек богатых буржуа, порывая со своими семьями, уходят к бездомным «хиппи», в кочующих сообществах которых действительно варится малопривлекательное варево «контркультуры», замешенное на наркотиках, «сексуальной революции», легком отношении к чужой собственности и т. д. Вряд ли, однако, это социальное явление, свидетельствующее об углублении кризиса «американского образа жизни», можно принимать всерьез, как действенный фактор трансформации социальной системы капиталистических стран.

Знаем мы и то, что некоторые представители буржуазной молодежи, порывая со своим окружением,

ищут спасения в рядах подлинных революционеров и, перевариваясь в пролетарском котле, становятся подлинными борцами за народное дело. Но, во-первых, таких весьма немного, а во-вторых, судя по всему, Маркузе, остающийся на антикоммунистических позициях, имел в виду, конечно, не этих молодых людей.

Что же он хотел сказать своим заявлением о том, что отныне действенными «силами отрицания» станут сыновья и дочери «общества изобилия», которые создадут «контркультуру» и противопоставят ее ценностям буржуазной цивилизации? А вот что, послушайте. Маркузе с серьезным видом заявляет теперь, что революция, «которая будет самой радикальной из всех, какие были в истории (!)», будет совершена не в результате классовой борьбы, а потому, что «новое революционное сознание» распространится внутри самого капитализма.

Поэтому он скликает своих поредевших единомышленников и предлагает им «вгрызаться (!) изнутри в существующие институты капиталистического общества». В качестве рабочей программы, с которой должны отправиться в этот новый крестовый поход маркузианцы, он предлагает уже не революционные акты, а некие весьма расплывчатые действия в целях «улучшения качества жизни», борьбу за оздоровление природной среды, окружающей человека, за создание «естественной» морали, «поиски неотчужденных отношений между поколениями» и, конечно же, по-прежнему достижение полной «сексуальной свободы».

Одновременно Маркузе повторяет свои, ставшие для него традиционными, филиппики в адрес революционных партий и рабочего класса, повторяя с маниакальным упорством обвинения рабочих в «обуржуазивании». Любопытная деталь: теперь свое осуждение Маркузе распространяет даже... на «новых левых», духовным пастором которых он был вчера. Теперь он с пренебрежением говорит об их действиях, как о «мятеже юнцов, направленном не на те цели».

И нынешний Маркузе — Маркузе семидесятых годов, окончательно открещиваясь от революционных идей, заявляет, что изложенная им нынче программа «вгрызания изнутри в существующие институты капиталистического общества» отнюдь не дает быстрых результатов и что, следовательно, революция (которая

должна быть порождена «новым сознанием», когда оно якобы появится внутри капитализма в результате этого «вгрызания») «будет делом не одного поколения и конечный кризис капитализма может затянуться почти на столетие (!)».

Ну что ж, можно не сомневаться, что такая перспектива вполне устроила бы сильных мира сего в капиталистических странах, и им остается лишь возблагодарить вчерашнего кумира ультраревolucionеров за его изобретательность...

В апреле 1974 года 76-летний Герберт Маркузе появился в Париже, чтобы прочесть в университете серию лекций «Об американском обществе». Газета «Франсуар» посвятила его визиту такой комментарий: «Имя этого философа и социолога, родившегося в Берлине в 1898 году, стало известно во Франции главным образом после событий 1968 года: взбунтовавшиеся студенты обрели тогда в его книгах немало тем. Цитаты из его книг пестрели на стенах Парижа («Воображение — к власти», «Цивилизация — это репрессии» и т. д.)... Вслед за Маркузе эти бунтующие студенты заявляли в противовес марксистам, что рабочие не способны осуществить революционные преобразования общества, и возлагали свои надежды на интеллигентов и на «угнетенные меньшинства». Это было вчера... Сегодня же Маркузе говорит в университете об американском обществе. Он утверждает, что это общество приобрело форму наиболее развитого капитализма... Когда один студент из Ганы поставил перед ним вопрос: «Существует ли классовая борьба в Африке?», — Маркузе ответил со всей скромностью: «Я не знаю достаточно положения в Африке, чтобы говорить об этом».

Таким образом, «бунтарь» изрядно полинял.

Обо всем этом, быть может, и не следовало бы говорить столь подробно, если бы силы, действующие за кулисами, не связывали с деятельностью ультралевых совершенно определенные политические расчеты. Если называть вещи своими именами, то, как правильно писала еще 20 мая 1968 года «Юманите», «речь идет о действиях провокаторов, которые пытаются дать правительству предлог для репрессий». И не случайно, видимо, как только шумливые ученики Маркузе вызвали кровавые столкновения в Париже и Лионе, власти сразу же заявили, что «перед лицом явных попыток на-

чать гражданскую войну (?)» они приводят в действие «силы порядка» и «запрещают в стране все собрания и манифестации». Эти меры, естественно, угрожали не горсточке последователей Маркузе, которая отнюдь не являлась сколько-нибудь внушительной политической силой, а рабочему классу Франции, который вел тогда острую, напряженную борьбу за свои права.

Кошунственно используя имя Маркса, оборотни, пытающиеся предпринять «декоммунизацию марксизма», расколоть и посорить прогрессивные силы, тем самым выполняют совершенно определенный социальный заказ врагов рабочего движения, которые всерьез обеспокоены усилением классовой борьбы в своих странах. Эту борьбу возглавляет рабочий класс, который, как подчеркивает «Юманите», «могуч, организован и знает, куда он идет. Он является решающей силой, единственным до конца революционным классом, потому что ему нечего терять, кроме своих цепей!»

Именно рабочий класс отстаивает коренные интересы всех трудящихся, в том числе и интеллигенции, и студенчества. И как бы ни шумели идеологические диверсанты вроде «германо-американского философа» Маркузе и его учеников, им не удастся ослабить все усиливающееся в борьбе единение народов, которые постепенно сплачиваются вокруг рабочего класса и идущих в его авангарде коммунистов.

Жизнь берет свое!

Фальшивомонетки



Вы помните, с какой навязчивостью и усердием на протяжении десятилетий идеологи капитализма славили свой «свободный мир»? Помните,

как упорно они тщились доказать, будто буржуазная демократия обеспечивает людям безграничные возможности и является верхом совершенства?

Кое-кто на Западе и сейчас продолжает дудеть в эту сиплую дуду. Но вот любопытная вещь: видимо, отдавая себе отчет в том, что такие рассуждения все меньше действуют на людей, которые явственно видят, как заживо разлагается буржуазное общество, более ловкие и продувные деятели совершают весьма любопытный маневр. Они сами становятся в позу обличителей буржуазной демократии и подбрасывают молодежи свою фальшивую теоретическую монету.

Характерная и многозначительная деталь: эти фальшивомонетки от идеологии в последнее время даже не считают нужным скрывать, что их целью является **манипулирование человеком**, то есть превращение этого человека в нерассуждающее существо, и использование его в качестве рабочего скота, послушного любым приказам его хозяев. Еще лет тридцать-сорок тому назад, когда были в моде рассуждения о ценностях демократии и западной культуры, в мире идеологов считалось совершенно неприличным даже намекать на то, что их целью является именно манипулирование массами трудящихся. Только Гитлер и Геббельс позволяли себе циничные откровения этого рода.

Но вот сегодня о манипуляции людьми на Западе говорят и пишут открыто, с полной откровенностью.

Доказательствам целесообразности такой манипуляции и описанию наиболее удобных методов ее посвящены многие труды буржуазных ученых. Профессор Нюрнбергского университета Курт Ленк, например, ставя все точки над «и», еще в 1970 году писал, что в эпоху «позднеорганизованного» капитализма неизбежно «доминирует манипуляция общественным мнением», причем «пропаганда как рациональное манипулирование иррациональными элементами заменила собой прежние ведущие формы политической идеологии».

Другой западногерманский ученый, психолог Г. Домицлеф, выражается еще более откровенно. «Народ, — презрительно заявляет он, — понимает только простые идеи, которые не нуждаются в том, чтобы быть понятыми с помощью разума...» И тут же Домицлеф делает вывод, что народные массы «невозможно воспитывать, их можно лишь дрессировать (!), ими можно управлять, нужно либо им покровительствовать, либо их уничтожать».

Эти, с позволения сказать, теории подхвачены и развиты в Соединенных Штатах — теоретическим обоснованием необходимости манипулирования человеком и отработкой техники этого манипулирования заняты сейчас многие американские ученые — политологи, социологи, психологи и даже психиатры.

Эти откровенные попытки убить в человеке сознание, лишить его возможности и желания трезво анализировать окружающую действительность и бороться за то, чтобы добиться большей социальной справедливости, предпринимаются, конечно, не от хорошей жизни. Буржуазия видит, как меняется современный мир, как быстро растет моральное и материальное могущество лагеря социализма и как слабеют силы дряхлеющего все больше империалистического лагеря. И они хватаются, словно за якорь спасения, за теории служащих ей ученых вроде Райнера Фабиана, который заявляет, что манипулирование является, «несомненно, более эффективным средством контроля над обществом, чем открытое насилие, ибо такой контроль скрытен», и что с помощью манипулирования «можно изменить мир».

Когда присматриваешься к рецептам этого манипулирования, которые в изобилии предлагаются фальшивомонетчиками от идеологии, невольно поражаешься, сколь убоги и эклектичны их теории, какая ужасающая

мешанина, от ультралевацких и анархистских идей до неофашистских рецептов, предлагается авторами этих теорий правящей верхушке буржуазных государств.

Отчасти мы уже показали это, разбирая теории, разработанные Збигневом Бжезинским, Германом Каном, Уолтом Ростоу и их единомышленниками, пытающимися абстрагироваться от классовой борьбы и убедить потребителей их идейного товара, будто в «технотронный век» удастся остановить развитие влияния коммунистических идей и побудить социалистические государства отказаться от строительства коммунизма и вернуться на капиталистический путь развития. В этой главе мы расскажем о некоторых других, порой экстравагантных и чуть ли не фантастических прожектах буржуазных ученых, мечтающих о манипулировании народными массами.

Но прежде всего хочется рассказать в чем-то комичную, но в чем-то и трагичную историю одного французского юноши, который явно стал объектом манипуляции в своем лице, а затем, быть может, сам того не сознавая, попытался построить из подsunуных ему ловким преподавателем философии ловко подтасованных обрывков разных теорий якобы свою собственную концепцию, причудливо соединяющую анархистские идеи с тоталитарными идеалами Ницше. И все это было обращено... против марксизма!

Назад, к Бакунину и... Ницше?

Парижская буржуазная газета «Монд», обычно весьма строго отбирающая материалы для публикации, вдруг отвела целую страницу материи, казалось бы, далекой от круга привычных ей тем: это было написанное на школьном экзамене сочинение выпускника провинциального лицея из Жиронды, некоего девятнадцатилетнего юноши Ива Туренна.

С чего бы это вдруг? Видите ли, это сочинение получило первую премию на конкурсе. А тема для конкурсного сочинения была непростая — тема о свободе. Лицеистам предложили на экзамене по философии ответить на такой мудреный вопрос: «Является ли сво-

бода ближнего препятствием для твоей собственной свободы?»

Иной читатель недоуменно поднимет брови: стоит ли вести разговор о каком-то школьном сочинении неведомого юнца? Но ведь это не заурядное школьное сочинение, а такое, которое было отмечено первой премией, а затем распространено в 463 817 экземплярах одной из крупнейших западноевропейских газет! И коль скоро это так, то акцию сию следует воспринять всерьез...

В своем введении к этому философическому произведению газета «Монд» деловито поясняла: «Критикуя одновременно либеральные и гуманистические, сартровские и марксистские концепции свободы, Ив Туренн восхваляет такую свободу, которая была бы исключительно «индивидуальной»... свободой, сочетающей в себе, как он считает, «два коренных принципа анархизма»: «Ни бога, ни хозяина!» и «Разрушать — значит созидать!»

Поскольку ведущая газета французской буржуазии сочла нужным опубликовать полный текст такого сочинения, можно не сомневаться, что кто-то в этих кругах заинтересован в том, чтобы полузабытые анархистские концепции XIX века были вытащены из нафталина и снова введены в обиход. Тем более что, как убеждаешься из ознакомления со столь широко рекламируемым сочинением лицеиста, его в школе изрядно напичкали такими теориями, он буквально сыплет цитатами!

В чем же суть этой пропагандистской акции?

Прежде всего бросается в глаза, что постулаты много величия и благородства буржуазной демократии, которые еще недавно в лицеях и колледжах капиталистического Запада рассматривались как святая святых, теперь предаются поруганию как пережиток. В предложенном вниманию читателей «Монд» сочинении подчеркивается, что концепция «либеральной демократии» годилась лишь в первой половине XIX века — в «золотой век капитализма», когда прославлялись герои вроде Жюльена Сореля или Растиньяка, для которых все средства были хороши, чтобы сделать карьеру. «Это была такая социальная свобода, когда каждый мог подняться, обладая сильным характером», — подчеркивает автор сочинения.

Критикуя «либеральную демократию», он даже счел

нужным помянуть тезис Карла Маркса о базисе и надстройке. «Правящий класс, — наставительно сказано в сочинении, — навязывал свои ценности, в том числе и свое понятие о свободе — той свободе, которую он навязывал и от которой он выгадывал». Что же противопоставляется этой столь справедливо критикуемой буржуазной свободе? Идеи Бакунина и... Ницше.

Да, да, в этом сочинении цитируется и прославляется не только отец анархизма Бакунин, в нем поднят на щит и Ницше, ибо он, как подчеркивается, был «предтечей всех мыслителей, которые в XX веке возмущались обезличиванием индивидуумов, — вплоть до Морраса (реакционнейший французский деятель монархистского толка. — Ю. Ж.) и Маркузе.

«Ницше прекрасно понял, — говорится в этом опусе, — что при любой (!) демократии человек утрачивает свою индивидуальность; он отступает от нее в пользу государства, превращаясь в его слугу, — и это открытие было столь же справедливым, сколь пророческим».

И еще: «Ницшеанская критика демократии, столь же радикальная, как и критика, которой подвергал демократию Маркс (!), подчеркивает психологический аспект ложной республиканской свободы. Демократия, как и породившее ее христианство (?), представляет собой торжество слабых над сильными».

Вот как! А коль скоро осуждается демократия вообще, то проповедники анархизма, соединенного с ницшеанской проповедью диктатуры силы, тут же предают анафеме социалистическую демократию, которая вначале демагогически ставится на одну доску с буржуазной, а затем превращается в главный объект критики.

Обратите внимание: государственная машина капитализма настолько дискредитировала себя в глазах народов, что его апологеты уже не осмеливаются открыто защищать эту ржавую систему. Нет, теперь и они весьма бойко и без всякого стеснения предают ее поруганию, прикидываясь «радикалами». Эти господа готовы даже повторить формулу Бакунина: «разрушать — значит созидать». Но при одном условии: чтобы молодежь согласилась одновременно разрушать и социалистическую систему! И не только одновременно, но и главным образом...

Не случайно весь пафос сочинения, опубликованного

буржуазной газетой «Монд», направлен против коммунизма. Его юного автора, натасканного в лицее, видите ли, никак не устраивает то обстоятельство, что марксизм предусматривает после разрушения государственной машины капитализма создание диктатуры пролетариата; он предпочел бы обрести «тотальную свободу» немедленно.

Сопоставляя позиции анархистов и марксистов, автор заявляет, что и те и другие «желают тотальной свободы — первые немедленно, отказываясь от диктатуры пролетариата, на установлении которой настаивают вторые... Высшая стадия [социализма], которая должна наступить после фазы диктатуры пролетариата, — коммунизм представляет собой не что иное, как то, что хотят получить немедленно анархисты: человек, живущий «по потребностям» в сообществе без государства, без классов, без руководителей».

Эта по меньшей мере странная интерполяция понадобилась автору лишь для того, чтобы поставить под сомнение достижимость и реальность коммунистических идеалов. «До каких пор будет длиться диктатура пролетариата? — демагогически спрашивает он. — Желать полной свободы мало; если она недостижима, если она представляет собой лишь заманчивое, но нереальное видение, понятие свободы, в свою очередь, превращается в «опиум». Свобода требуется немедленно. Иначе это обман простаков».

Но не подумайте, что преподаватели философии, воспитывавшие этого бойкого лицеиста, подсказали ему нечто еще более революционное, чем пролетарская революция. Нет, за громкими радикальными фразами оказывается самый простенький, серенький оппортунизм. Автор сочинения кивает на Маркузе.

«Маркузе, — пишет он, — констатирует, что если рабочий класс высокоразвитых индустриальных стран утратил (?) почти всю свою волю к революционной борьбе, всю свою способность к отрицанию, то это произошло потому, что рабочий, достигнув достаточно высокого материального уровня, уже не нуждается (?) в борьбе для обретения свободы... В Англии, например, политическая оппозиция не только признана, но в какой-то мере стала обязательной именно для того, чтобы гарантировать права гражданам».

Каков пируэт? Послушали бы эти рассуждения анг-

лийские рабочие, которые в эти годы с такой силой вели свою забастовочную борьбу! Что сказали бы шахтеры и докеры Великобритании об этом заявлении, будто они уже «достигли достаточно высокого материального уровня» и уже «не нуждаются» в борьбе?

И еще: обратите внимание, как ловко подбрасывается идея, будто система буржуазного парламентаризма, столь дискредитировавшая себя в глазах народов, «гарантирует права гражданам», а следовательно, нет никакой нужды в революции и, не приведи господь, в диктатуре пролетариата...

Вот какой извилистый путь рассуждений проделывают защитники капитализма, начиная с громогласного предания анафеме буржуазной демократии, потом «демократии вообще» и, наконец, социалистической демократии и социалистической системы.

Видимо сознавая, что все это отнюдь не покажется убедительным молодежи Запада, бурно протестующей против удушающей капиталистической системы, духовные наставники сочинителя, чье произведение опубликовала «Монд», подсказали ему еще одну идейку, на которую кое-кто может клюнуть.

«Свобода как нечто пережитое, — сказано в этом сочинении, — это уникальный опыт борьбы собственного «я» против всего, что тебя окружает... В конечном счете свобода — это отрицание свободы... Некоторые русские нигилисты жили лишь своей отрешенностью, борьба была для них и отдыхом, и свободой. Цель растворялась (!) в мгновенье решимости, и когда они бросались со своей бомбой или падали под ударами властей, тем самым они обретали самую большую свободу, какая только возможна, — свободу избрать смерть... Смерть — это поистине пикантная приправа к жизни».

Отсюда всего лишь один шаг до самоубийственной проповеди бунта ради бунта, с которой в памятные дни мая 1968 года выступали в Париже анархистствующие антикоммунисты, пытавшиеся скомпрометировать и подорвать своей провокационной деятельностью разгоревшуюся в те незабываемые дни справедливую борьбу студенческой молодежи и рабочих за свои законные права...

От всего этого, быть может, можно было бы отмахнуться, как от дешевой модернизированной и плохо закамуфлированной антикоммунистической пропаганды,

если бы за поднятым газетой «Монд» на щит философским сочинением лицеиста из Жиронды не стояла большая проблема идеологической обработки молодежи на Западе. Ведь каждому понятно, что автор этого сочинения не сам по себе дошел до этой опасной и вредной теоретической путаницы. Его рассуждения — плод весьма специфической, целенаправленной деятельности тех, кто воспитывает молодежь в средней школе, да и в высших учебных заведениях капиталистических стран.

Этим воспитателям нельзя отказать в хитроумии и ловкости, с которой они используют понятное и закономерное недовольство молодежи окружающими ее социальными порядками, ее разочарование в терпящей банкротство буржуазной демократии, спекулирующей на понятии человеческих свобод.

Обходя коренной вопрос о классовой природе современного общества и используя фальшивый тезис о мнимом единообразии «развитого индустриального общества», эти ловцы человеческих душ подбрасывают молодежи мысль о том, что, в сущности, социализм не только не лучше, но, напротив, еще хуже капитализма. Что же касается свободы как таковой, говорят они молодежи, то она вообще недостижима, а следовательно, надо довольствоваться буржуазным парламентаризмом, допускающим, видите ли, существование «оппозиции». Ну а уж ежели невтерпех, тогда бунтуй себе на здоровье, разбивая свой лоб о железную полицейскую стену!

Но дело не только в этом. Дело еще и в том, что кое-где на Западе сейчас пытаются перейти от разговоров на тему о «бессмысленности» и «абсурдности» понятия свободы, которую, видите ли, человек по-настоящему может обрести, лишь избрав смерть, к вполне реальным экспериментам, цель которых — оболванивание трудового люда, лишение его способности рассуждать и превращение в придаток к машине.

Я имею в виду, в частности, широко рекламируемые в США опыты с разработкой «технологии (!) человеческого поведения», которое, как доказывает, в частности, американский психолог Берхаз Фредерик Скиннер, должно определяться не свободным выбором индивидуума, а его условными рефлексам. (Тут вновь вспоминается мрачный фантастический роман Джека Лон-

дона «Железная пята» о попытках американской элиты превратить рабочих в нерассуждающих, рабски послушных существ!»)

Люди или животные?

Итак, знакомьтесь: перед вами признанный лидер активизировавшегося нынче в Соединенных Штатах весьма специфического идеологического направления, известный психолог Берхаз Фредерик Скиннер. Это он предлагает решать острые социальные проблемы современности путем разработки «технологии человеческого поведения», в основу которой был бы положен метод... условных рефлексов, применявшийся им в опытах на животных.

Скиннер и его единомышленники из современной психологической школы «бихевиористов» (от слова «behavior», что означает «поведение человека») доказывают, что человечество-де гибнет от «избытка свободы», что «демократия» и «права человека» — устаревшие и вредные понятия. Эти теории Скиннер изложил в своих книгах, в частности, в вышедшем в свет не так давно труде под весьма характерным названием «По ту сторону свободы и достоинства».

Берхаз Фредерик Скиннер славится в кругу ученых как весьма активный теоретик и практик. В свое время ему принесли славу исследования в области социальной психологии. Он внес свой вклад в создание так называемой «обучающей машины», призванной сыграть большую роль в системе образования. Вокруг него создан ореол новатора, которому свойственны неожиданные, подчас фантастические, но всегда глубокомысленные открытия. Хорошо известен он и нашим специалистам — бывал в Москве, встречался с советскими психологами, вежливо и как бы даже с симпатией интересовался жизнью нашей страны и достижениями нашей науки.

Биографы Скиннера, всячески стремясь поднять его престиж, подчеркивают, что он вышел из благонамеренной и респектабельной семьи, правда, с несколько эксцентричными нравами. В детстве его не подвергали «телесным наказаниям», но, когда он начал употреблять непристойные слова, мать вымыла ему рот мылом, ба-

бушка рассказала о том, как мучаются грешники в аду, где черти поджаривают их на горячих угольях, а папа, адвокат из Южной Пенсильвании, сводил его в местную тюрьму, чтобы он увидел своими глазами, какая участь ждет преступников, а потом показал ему диапозитивы, снятые в самом страшном американском тюремном замке «Синг-Синг».

Подготовленный таким образом к достойной самостоятельной жизни, мистер Скиннер закончил университет и написал докторскую диссертацию по психологии, основанную на его опытах... с крысами. Видите ли, используя условные рефлексы своих подопечных, он приучал их танцевать и даже, как он уверял, играть в пинг-понг.

Во время второй мировой войны этот изобретательный ученый предложил применить возможности, предоставляемые условными рефлексами, в военных целях. Он рекомендовал военному министерству изобретенный им «метод точной наводки бомб на цель с помощью голубей». Для этого, учил Скиннер, следует поместить трех выдрессированных голубей в головку бомбы, где должен находиться экран, отражающий цель. Увидев заданное изображение цели, которое ранее они клевали на бумажной картинке (их пыл при этом поощрялся зерном!), голодные птицы должны были тут же начать яростно долбить его клювами, корректируя таким образом полет бомбы — удары клювов соответственно изменяли бы положение элеронов бомбы.

Лабораторные опыты Скиннеру удалось, однако комитет из двенадцати ученых, рассматривавший проект, отверг его. Но все это было лишь увертюрой к главному делу его научной карьеры: экспериментируя с крысами и голубями, он думал о человеке. Скиннер решил, что в наше беспокойное время лучший способ преодолеть социальные волнения и конфликты состоит в том, чтобы отучить человека рассуждать и добиться того, чтобы он в своем поведении руководствовался лишь условными рефлексами, точь-в-точь как его голуби и крысы.

В 1948 году Скиннер опубликовал свою первую книгу, в которой развил эту идею, — «Уолден-два». Уолден — так называется большой пруд в американском штате Массачусетс. Сто лет тому назад американский писатель-утопист Генри Дэвид Торо написал фантастический роман, в котором обрисовал жизнь на некоем

«счастливом острове» посреди этого пруда, проповедуя уход от цивилизации XIX века к дикой природе.

Скиннер изобразил воображаемое сообщество тысячи человек, которые живут тихо и счастливо, без классовой борьбы, без социальных конфликтов, без политической деятельности, без всяких амбиций, руководствуясь исключительно условными рефлексами: когда человек испытывает ощущение голода, он работает, подобно тому как танцевали крысы и орудовали своими клювами голуби в его лаборатории, получая за свою работу еду. Такая жизнь, поучает Скиннер, доступна интеллигентным людям, которые решатся применить к планированию своего существования принципы, вытекающие из научного изучения человеческого поведения.

В то время даже в Соединенных Штатах решили, что Скиннер все же хватил через край. Журнал «Лайф» написал, что он опозорил имя Торо. Публицист Джо-зеф В. Круч гневно заявил, что Скиннер написал «гнусную утопию». Исследователи Дж. Нигли и Дж. Патрик предупредили, что утопия Скиннера может оказаться «практическим политическим пособием» для «сильного диктатора». И все же «гнусная утопия» Скиннера делала свое дело. Ее популярность в определенных кругах Соединенных Штатов все возрастала, и не случайно, видимо, ее общий тираж сегодня уже достигает миллиона экземпляров.

Как подчеркнул, описывая опыты этого американского ученого, парижский еженедельник «Нувель обсерватэр», «для Скиннера речь не идет об утопии. Все его исследования имеют целью найти переход от использования условных рефлексов голубей к использованию условных рефлексов человека». Он, видите ли, считает, что классическое объяснение человеческого поведения воздействием убеждений и чувств касается лишь «промежуточного состояния духа», а основа основ — это **элементарный условный рефлекс**.

Истолковывая на свой лад исследования великого физиолога Павлова, а также ученых Уотсона и Халла об условных рефлексах и о прямой связи «стимула» и «ответной реакции», Скиннер развивает теорию «оперативной обусловленности» поведения, которая основывается на предложенной им версии создания «контингентов усиления» рефлексов с помощью цепочки: стимул — ответная реакция — последствия ответной реак-

ции. Поведение живого существа, как он считает, «улучшается», если каждая «хорошая ответная реакция» щедро компенсируется.

И не случайно в своей книге «Уолден-два», которой он придал характер пророчества, Скиннер рисует идиллическую картину общества, в котором «последствия хороших ответных реакций» просто сказочны, и у людей не возникает никаких побуждений к политической борьбе.

В своих рассуждениях Скиннер снова и снова обращается к опытам с крысами. Чтобы доказать справедливость своего тезиса о возможности «усилить ответную реакцию», повышая стимулирование, он создал прибор, именуемый «ящиком Скиннера» («Skinner box»). В ящике крыса. Перед нею рычаг. Крыса нажимает на рычаг, и перед нею вываливается еда. Аппетит у крысы все больше увеличивается, и она все чаще и чаще нажимает на рычаг.

Теоретический вывод Скиннера: значит, можно усилить поведение, которого желает исследователь! И тут же следующая ступень размышлений: если такое возможно в отношении крысы, значит, эта теория оправдывается и в отношении человека!..

Прочел я об этом и невольно вспомнил свой разговор с небызывестным американским футурологом, то есть исследователем будущего, директором Гудзоновского института Германом Каном, о котором я уже упоминал. Он рассказывал мне об опытах, которые в США пока проводятся опять-таки над крысами, но которые, по его мнению, можно будет распространить и на человека: при помощи электродов воздействуют на «центры плотского удовольствия» в мозгу крысы, и она приучается нажимать на кнопку, стимулирующую эти центры.

«Вы представляете себе, что будет, если человеку вживить такую кнопку в грудь? — с явным удовольствием воскликнул Герман Кан. — Он станет нажимать ее каждый час, и в этом будет весь его интерес!»

И вот теперь мистер Скиннер со своими крысами... Вернемся же к его трудам и опытам. Как отмечает тот же журнал «Нувель обсерватэр», Скиннер считает, что было бы нетрудно перейти от крысы в его ящике к человеку. Он убежден, что вся культура — это гигантское предприятие воспитания условных рефлексов, на-

ходящихся в руках «воспитателей, священников, демагогов (!)». Но такое воспитание условных рефлексов, по его мнению, несовершенно: оно грешит злоупотреблением «негативными усилителями». «Общество в большей мере карает, нежели поощряет, — утверждает Скиннер. — В то же время оно наталкивается на миф (!) индивидуальной свободы, этот фетиш западной демократии». Ну что ж, без этого мифа и фетиша можно обойтись.

Скиннер предлагает: пусть крыса — то бишь человек! — получает больше еды, и тогда «позитивное поведение» будет усилено, не будет никаких конфликтов, никакой политической борьбы, и «люди автоматически станут хорошими», как иронически замечает, комментируя идеи Скиннера, французская журналистка Нонна Майер.

Американские «бихевиористы», принявшие на вооружение теорию Скиннера, не ограничиваются опытами над крысами и сочинением книг. Они проводят эксперименты и над людьми. Такие опыты осуществляются, например, в колонии правонарушителей «Нэйшнл тренинг скул» в Вашингтоне, в университете штата Вирджиния, в некоторых школах и тюрьмах.

Широкую огласку вызвал эксперимент двух последователей Скиннера — Эйллона и Хотона — в одном сумасшедшем доме. Тридцать шизофреников крайне неохотно ходили в столовую и часто опаздывали на полчаса — уж больно плохая была еда. Тогда по подсказке этих изобретательных «бихевиористов» администрация объявила: кто не придет вовремя к столу, тот будет лишен еды. И что же? Шизофреники, поголодав, стали собираться за пять минут! Это было объявлено победой теории Скиннера, и он торжествующе написал: «Больничное питание не всегда подкрепляет силы, но оно становится эффективным, когда больные голодны».

Предприняты попытки доказать эффективность теорий Скиннера и среди тех, кто добровольно решил подвергнуться опытам. В штате Вирджиния, например, создано подопытное сообщество «Два дуба», где в качестве одного из стимулов введена «свободная любовь». Однако, как отмечает пресса, «усиления ответной реакции» по тройственной формуле «стимул — ответная реакция — последствия» пока не наблюдается. «Сообщество остается бедным, — пишет Нонна Майер, — чего

Скиннер не предвидел, и ему не удается удержать своих членов надолго».

В начале семидесятых годов Берхаз Фредерик Скиннер обнародовал новую книгу под сенсационным названием «По ту сторону свободы и достоинства», в которой изложил философское кредо, лежащее в основе всей его деятельности. Опираясь на проделанные им опыты, он теперь открыто заявил, что пора-де покончить с устарелыми мифами о свободе и достоинстве человеческой личности и начать обращаться с ними точно так же, как он обращается со своими подопытными животными, используя их инстинкты и попросту дрессируя их.

На достославном Западе, пока еще именуя себя «свободным», публикуется множество самых лихих книг, вплоть до «трудов», воспевающих фашизм. И все же появление на книжном рынке нового произведения Скиннера вызвало впечатление разорвавшейся бомбы. Как-никак буржуазия всегда лицемерно твердила о том, что свобода личности — это святая святых ее социального строя, хотя всем известно, что она ежедневно и ежечасно подвергается в капиталистическом мире поруганию и подавлению. И вдруг на трибуну поднимается американский профессор, которого никак не назовешь «красным», и говорит как о чем-то само собой разумеющемся, что со свободой и достоинством личности пора покончить!

В газетах замелькали заголовки: «Устарела ли свобода?», «Скиннер говорит: мы не можем позволить себе быть свободными», «Наука, вводящая в заблуждение». О книге Скиннера заговорили комментаторы телевидения. Какой-то сверхбдительный конгрессмен, не разобравшись, в чем тут дело, даже внес в конгресс Соединенных Штатов запрос: почему увидела свет книга, порочащая «свободный мир», и кто позволил этому профессору вести за казенный счет свои «подрывные антиамериканские исследования»?

Этот конгрессмен обрушился на своего соотечественника и единоверца только потому, что в своей книге Скиннер подверг критике буржуазный индивидуализм, причем порой его критика действительно носила острый характер. В частности, он показал, что «западная» цивилизация не способна выйти из глубокого социального

кризиса и что те меры, какие она предлагает для этого, неэффективны.

«Стараясь разрешить ужасающие проблемы, с которыми мы сталкиваемся в современном мире, — писал Скиннер в своей новой книге, — мы, естественно, прибегаем к наиболее испытанным средствам. Мы действуем с позиции силы, а наша сила — это наука и технология. Чтобы сдерживать рост населения, мы обращаемся к лучшим методам контроля над рождаемостью. Перед угрозой ядерного побоища создаем более совершенные сдерживающие силы и систему противоракетной обороны. Стараемся устранить мировой голод с помощью новых видов продовольствия и лучших способов их получения. Мы надеемся, что развитие санитарии и медицины поставит под контроль болезни; улучшение жилищ и транспорта разрешит проблемы гетто, а новые средства сокращения отходов или избавления от них остановят загрязнение среды. Можно отметить замечательные достижения во всех этих областях. И все-таки положение становится все хуже, и мы с разочарованием обнаруживаем, что сама технология оказывается все более несостоятельной».

Эти строки наверняка не могли понравиться ни сверхбдительному конгрессмену, который чуть было не потащил Скиннера за шиворот в полицейский участок, ни Збигневу Бжезинскому, который уверял, что «техно-электронный век», в который якобы вступает Америка, — это рай на земле, где роль бога выполняет ее святейшее творение — технология. Но какие выводы делает из своей горестной констатации банкротства буржуазной цивилизации наш маститый ученый? Уж не вознамерился ли он призвать своих соотечественников к свержению строя, который создал эту самоубийственную цивилизацию?

Упаси боже! Скиннер душой и телом предан этому строю. И он предложил всего-навсего собственный рецепт его спасения. Все дело, решил он, в том, что люди слишком свободны. Надо обуздать их и превратить в подобие тех голубей, которые должны были беззаботно клевать зернышки, находясь в изобретенной им бомбе, направляя ее своими клювиками к цели и не подозревая при этом, что через минуту они взорвутся вместе с бомбой. И никаких размышлений и раздумий, их должен заменить условный рефлекс!

И вот Скиннер со всей категоричностью заявляет, что если американская цивилизация «и далее будет считать своей высшей ценностью свободу и достоинство, а не собственное выживание (!), то очень может быть, что больший вклад в будущее внесет какая-либо иная цивилизация». Поборники свободы и достоинства могут тогда, подобно сатане Мильтона, уверять себя в том, что они обладают «сознанием, независимым от места и времени...». В результате, однако, они обнаружат себя в аду, где единственным их утешением будет иллюзия, что «здесь, по крайней мере, они свободны».

Скиннер упрекает своих соотечественников в том, что, сохраняя иллюзорную, по его убеждению, веру в свободу личности, они проявляют опасный индивидуализм, чреватый гибелью цивилизации. Критика неизлечимых пороков буржуазной цивилизации, которую в столь резкой форме проводит в своей новой книге профессор Скиннер, имела бы позитивное значение, если бы она приоткрывала дверь, ведущую к коренным социальным переменам, которые действительно явились бы началом рождения новой, более совершенной цивилизации, нежели гниющая нынче заживо буржуазная цивилизация.

Но Скиннеру новаторские идеи совершенно чужды. Он вовсе не хочет сломать существующий в США социальный строй. Напротив, он хочет спасти его. И именно поэтому он открыто провозглашает необходимость отказа от личной свободы и даже личного достоинства во имя спасения шатающейся социальной системы. Все остальное, как говорится, от лукавого.

Между прочим, идеи, выдвигаемые сейчас Скиннером, отнюдь не новы. Советский социолог Э. Араб-Оглы, анализируя его книгу «По ту сторону свободы и достоинства», совершенно справедливо напомнил, что она перекликается с известной работой Ницше «По ту сторону добра и зла». Скиннера роднит с Ницше, который, кстати сказать, был в большой моде в гитлеровской Германии, а теперь снова входит в моду на буржуазном Западе (и не случайно его с таким подобострастием цитировал юный философ из Жиронды Ив Туренн, поднятый на щит газетой «Монд»!), механистическая концепция личности.

Да, уже Ницше, указывает Э. Араб-Оглы, в своей другой книге, «Человеческое, слишком человеческое»,

писал: «...Сам действующий охотно предается иллюзии, будто его действие произвольно; если бы можно было хотя на одну минуту остановить колесо мира и нашелся бы такой всезнающий и могущий все вычислить разум, который воспользовался бы этой остановкой, то он мог бы предсказать судьбу каждого индивидуума в самом отдаленном будущем и сказать с точностью, по какой колее покатится это колесо. При вычислениях были бы приняты во внимание заблуждения действующего лица относительно самого себя и его якобы (!) свободная воля».

И вот теперь Скиннер развивает дальше этот тезис, из коего вытекает, будто люди, как и животные, являются не субъектами исторического процесса, а всего лишь объектами, по которым, словно по булыжникам, катится «колесо мира». Он уверяет, что человечество страдает не столько от недостатка существующей социальной системы, сколько от вопиющей недостаточности знаний о поведении людей. «Если мы в чем-то нуждаемся, — заявляет Скиннер, — так это в технологии (!) поведения». А для того чтобы выработать эту «технологию поведения», учит он, надо сокрушить миф об «автономной личности», будто бы обладающей свободой выбора в мыслях и поступках. Он считает эту свободу мифической.

«Пресловутая «автономная личность», — заявляет Скиннер, — не более как благопристойная тень, которую наше невежество отбрасывает на поведение людей. Поверьте, мне удалось заглянуть в «черный ящик» человеческого сознания, и я готов поклясться, что не обнаружил там ни свободы, ни достоинства: таинственный «черный ящик» пуст! Нет никакой тайны в человеческой природе, ибо нет никакой человеческой природы вообще».

А что же есть? Есть «биологический организм», который, по мнению Скиннера, ничем не отличается от его мышей и голубей, которых он учил играть в пинг-понг, танцевать и направлять ударами клювов движение бомбы, падающей с самолета. Стало быть, и человека, как мышь, голубя или обезьяну, можно, используя его рефлексy, выдрессировать так, как это необходимо тем, кто стоит у власти. Между прочим, американский ученый Д. Уотсон, основоположник бихевиоризма, который исповедует и пропагандирует с таким

пылом Скиннер, так и писал: «Дайте мне дюжину здоровых детей, и я ручаюсь, что, выбрав наугад любого из них, сделаю из него путем тренировки какого угодно специалиста по своему произволу — врача, юриста, даже нищего и вора, независимо от его талантов, склонностей, стремлений и способностей».

Главное, чтобы человек отрекся от личной свободы и достоинства, чтобы он стал покорным слугой своего хозяина и выбросил из головы всякое стремление уклониться от навязанной ему «технологии поведения» и действовать самостоятельно. Начальству нужны нерассуждающие роботы, которые будут делать все, что им прикажут. Кстати, попутно Скиннер подбрасывает еще одну идейку, которая должна облегчить обуздание людей, у которых в их «черных ящиках» все же, что бы ни говорили бихевиористы, все же теплится совесть: он отвергает какую бы то ни было моральную ответственность человека за свои поступки. Что бы тебе ни приказали сделать, — пусть самое чудовищное! — выполняй приказ без размышлений, ты свободен от моральной ответственности.

Такая философия поведения, как помнит читатель, была в ходу опять-таки в гитлеровской Германии. Затем она была реставрирована «мыслящими фабриками» Пентагона и опробована во Вьетнаме. И вот теперь под нее подводится научный бихевиористский фундамент. Коль скоро человек не волен ни в помыслах, ни в поступках, учит Скиннер, на него нельзя возлагать никакой вины за совершенные им действия, как, впрочем, и приписывать ему какие-либо заслуги. И к черту свободу личности и человеческое достоинство!

«Моя книга, — пишет он, — это стремление доказать, насколько плохо идут дела, когда делают фетиш (?) из свободы и достоинства человека».

О, как порадовался бы небезызвестный палач вьетнамской деревни Сонгми лейтенант Колли, если бы ему попала на глаза эта ученая книга! Ведь в ней он увидел бы полное отпущение грехов ему и всем участникам этой кровавой бойни...

К этому остается добавить, что Скиннер считает самым собою разумеющимся, что предложенная им модель общества, в котором люди рассматривались бы лишь как «биологические организмы», воздействуя на условные рефлексy которых можно было бы пре-

вращать их в послушных роботов, подразумевает всеобъемлющий контроль над поведением личности и безграничную манипуляцию ее сознанием. Тут снова приходят на ум футурологические изыски Бжезинского и Кана, заставившие нас вспомнить мрачную эру «Железной пяты»...

Нет, не от хорошей жизни эти господа обращаются к столь фантастическим замыслам. Как признает сам Скиннер, его идеи порождены сознанием необходимости любой ценой и любыми средствами спасти буржуазную цивилизацию. **«Выживание, — мрачно заявляет он, — это единственная ценность, в соответствии с которой в конечном счете будут судить о цивилизации, и любая практика, обосновывающая выживание, обладает этой ценностью уже по своему определению».** Сохранение же свободы и достоинства, добавляет Скиннер, теперь уже несовместимо (!) с «выживанием западной цивилизации», и, следовательно, ими надо пожертвовать...

Надо отметить, что опыты Скиннера и его последователей вызывают протесты и справедливую критику даже в Соединенных Штатах. Известный американский социолог Ноэм Чомски, например, довольно откровенно заявил, что их теории понравятся в равной мере как анархистам, так и фашистам. Опасность тоталитаризма, заключенная в системе Скиннера, ему кажется очевидной. **«Мир Скиннера, — заявляет Чомски, — может стать образцовым концентрационным лагерем, населенным автоматами».**

Ну что ж, эта эволюция теоретической мысли в идейном стане, к которому принадлежит Скиннер, по видимому, закономерна. Свобода личности, свобода творчества, свобода политической деятельности были приняты на вооружение и использовались буржуазией, когда она шла к завоеванию власти и когда она укрепляла свои позиции, находясь в расцвете могущества.

Нынче иначе. Чем дальше, тем больше слабеют позиции капитализма и тем охотнее он хватается за любые, пусть самые экстравагантные теории, позволяющие подавить не только свободу, но и само желание человека воспользоваться ею. Отсюда и мечта о «мире Скиннера» — этом поистине «образцовом концентрационном лагере», населенном бездумными и бездуш-

ными людьми, помыслы и дела коих направлялись бы лишь условными рефлексам.

Но ведь это действительно гнусная утопия! Люди не животные, и тщетно пытаются Скиннер и его единомышленники доказать, будто их можно уравнивать, выработывая условные рефлексы. И чем больше они будут упорствовать на своем, тем более бесславный конец их ждет.

Игра с безумием и смертью

«Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир...» Читатель, вероятно, хорошо помнит фильм известного американского кинорежиссера Стэнли Крамера под этим названием. Стэнли Крамер необычайно ярко показал страшный облик этого мира, целиком оправдывающий четырехкратное употребление слова «безумный». Отрицать его безумие уже невозможно — оно слишком очевидно всем. И вот находятся некие теоретики или шарлатаны от теории, которые хотят привить людям мысль, что, в сущности говоря, ничего в этом страшного нет, что можно и нужно жить и в безумном мире и что безумие это — одна из разновидностей нормального состояния психики в этот век.

Подобно тому как Скиннер, возвращаясь к наставлениям Ницше, доказывает, что ради спасения цивилизации люди должны отказаться от личной свободы и достоинства и примириться с судьбой двуногих животных, поведение которых должно быть обусловлено лишь условными рефлексам, другие психологи буржуазного мира пытаются утверждать, что безумие вовсе не является душевной болезнью, а представляет собой лишь симптом некоторых колебаний сознания.

Вам не верится, что такое может быть? Ну что ж, я представлю вам сорокапятилетнего шотландского психиатра Рональда Дэвида Лэинга, работающего в Соединенных Штатах, автора восьми книг, в том числе нашумевшей на Западе работы «Политика опыта». В США его именуют лидером «левого фрейдизма» в психиатрии, и, как писал 18 декабря 1972 года еженедельник «Ньюсуик», он рассматривается как «пророк», и в студенческих городках ему поклоняются,

словно богу. Он, по выражению редакции журнала, «шокировал коллег и любителей своей теорией, что сумасшествие может рассматриваться как абсолютно рациональная корректировка поведения человека в безумном мире». Вот что рассказывает о Р. Д. Лэинге специальный корреспондент этого журнала Филлис Маламуд, следовавший за ним во время его большого турне по американским колледжам — за каждую лекцию Лэинг получал от двух до двух с половиной тысяч долларов:

— Он прогуливался по эстраде большого зала ва­шингтонского колледжа Нотр Дам, одетый в коричневые вельветовые брюки и коричневый свитер с высоким закрытым воротником. Когда он уселся в красное кресло-качалку, резкий свет электрических ламп озарил его угловатые черты лица, придавая ему демонический вид. Но его манеры были мягкие, и его хриплый и картавый шотландский акцент заставлял рас­строенные американские уши внимательно вслушиваться, когда Лэинг начал «выстукивать» свою любимую тему: лабиринт человеческого разума.

«Нам всем внушили глубокое подозрение и недоверие к нашему собственному разуму, — говорил он на­распев, обращаясь к восхищенной аудитории. — Мы боимся, что затмение сознания, когда человек не со­знает окружающего, не видит, не замечает его, — это опасная змеиная яма, своего рода котел эмоций и желаний, которые мы обязаны подавлять, ибо мы не хо­тели бы быть уничтоженными ими. Я в это не верю...»

Лэинг утверждает, что, когда человеческий разум оказывается поколебленным, ему надо предоставить возможность самому отыграть назад, к равновесию. Человеку, которого общество именуется сумасшедшим, должно быть предоставлено убежище, какое-то место­пребывание, где он может жить активно или пассивно, шумно или молчаливо в компании симпатичных людей. Лэинг хочет, чтобы психиатры меньше действовали и больше слушали, особенно когда речь идет о шизофре­нии. В противовес приобретающей все большую попу­лярность теории, что происхождение шизофрении био­логическое, Лэинг считает, что шизофреники — это лю­ди преследуемые, чаще всего своими семьями.

Лэинг считает, что умственно больные люди могут преодолеть свои болезни, находясь в сообществе, где

врачи и пациенты жили бы на равных правах. Он намерен создать в Англии сеть из пяти терапевтических сообществ, где будут уничтожены различия между врачами и пациентами, и надеется, что найдутся добрые души, которые организуют сеть таких сообществ и в США.

Популярность этого психиатра-философа возрастала с каждым его публичным выступлением. На афишах, объявлявших о его лекции в колледже Нотр Дам, было написано: «Противоречивый философ сумасшествия». В Талэне приезд Лэинга приветствовался наклеенными на бамперы автомобилей его болельщиков надписями: «Я схожу с ума от Р. Д. Лэинга». Многих подкупает его вызывающий тон, особенно тогда, когда его высказывания затрагивают существующие в США социальные порядки.

— Одна из вещей, о которых я думаю в течение некоторого времени, — заявил он своим слушателям в Талэне, — это тот факт, что ярлык паранойи мы приклеиваем к кому-то, кто чувствует, что его преследуют, в то время как на самом деле он преследованию не подвергается. Но еще не изобрели ярлыка для того, кто не чувствует, что его преследуют, в то время как в действительности он подвергается преследованию. А ведь таких гораздо больше в нормальном состоянии дел в наши дни.

Рассуждения этого «противоречивого философа сумасшествия» вызвали скептическую реакцию у многих его слушателей вопреки широкой рекламе. «Люди ждали пророка, который дает ответы на все вопросы. Когда же он не смог дать их, они были разочарованы», — сказал корреспонденту «Ньюсуик» двадцатидвухлетний Чак Уилер в университете штата Вирджиния, где выступал Лэинг.

Некоторые обвиняют Лэинга в том, что он «романтизирует сумасшествие», а его собственная идиосинкразия порождает подозрения. С тех пор как большую часть 1971 года он провел в «размышлениях» в Азии, Лэинг, например, избегает носить обувь и носки. Когда он направляется из одного студенческого городка в другой для прочтения очередной лекции, его чуть было не высадили из самолета из-за того, что он поднялся на его борт босиком.

И все же его теории о том, что безумие — это,

в сущности, не безумие, а просто колебание разума и что сумасшедших лечить не надо, тем более что вообще весь мир сошел с ума, привлекают определенную часть аудитории. «Быть может, — писал журнал «Ньюсуик», — многие люди не готовы вверить ему свои головы и сердца, но им приятно знать, что где-то поблизости есть Лэинг, предостерегающий, что «в конце концов сознание невозможно разглядеть даже под микроскопом».

Так что же это — лженаука, бизнес, шарлатанство, погоня за оригинальностью любой ценой? Вероятно, и то, и другое, и третье, и четвертое, вместе взятые. Но нас интересует в конце концов не сам Лэинг с его восемью томами сочинений и бесчисленными лекциями. Нас интересует общество, в котором его идеи встречают понимание и даже поддержку, — тот самый безумный, безумный, безумный, безумный мир, картину которого приоткрыл нам Стэнли Крамер. Поистине только в безумном мире безумные идеи безумного босоногого профессора могут приобрести славу и почитание до такой степени, что люди пишут на бамперах своих автомобилей: «Я схожу с ума от Р. Д. Лэинга».

Идею Лэинга разделяет и пропагандирует другой апостол «антипсихиатрии», которую на Западе уже пытаются возвести в ранг новой науки, — Купер. Ее сторонники действуют весьма активно не только в Соединенных Штатах, но и в Западной Европе. Они претендуют на роль своего рода революционеров, поскольку, как писала 19 апреля 1974 года «Монд», их исходным тезисом является утверждение, что сумасшедшие — это здоровые люди, понявшие, что в действительности сошли с ума не они, а окружающие их люди, сошло с ума все общество. Стало быть, безумие — это продукт жизни человека в обществе ему подобных, социальный феномен.

Конфликт человека с окружающей его средой, доказывают антипсихиатры, начинается уже с детства, когда родители начинают ограничивать волю ребенка, запрещая ему делать то, что им кажется вредным и опасным. Этот конфликт усиливается, когда человек вступает в период сознательной жизни и опять-таки сталкивается с ограничениями. Где же спасение от безумия? Только в тотальной свободе делать все, что

заблагорассудится, не считаясь с ограничениями, которые возникают, когда человек живет в обществе. Тут уж рукой подать до анархических проповедей Кон-Бендита и «катангцев», окружавших Сорбонну в мае 1968 года, — «Да здравствует голый человек на голой земле!».

Кое-кто из буржуазных идеологов подальновиднее сознает, что такие теории поборников «антипсихиатрии» могут завести слишком далеко. Поэтому в последнее время появилась новая ветвь этой теоретической школы: безумное общество и безумных людей можно и нужно излечить путем восстановления религиозности, сильно расшатавшейся за последние десятилетия.

Весной 1974 года со своеобразным программным манифестом, выдержанным в этом духе, выступил французский теоретик Кристиан Делакампань. Издательство Грассе выпустило в свет написанный им объемистый труд на 320 страницах «Антипсихиатрия, или Пути святости». В этой книге Делакампань провозглашает, что главная причина безумия в наше время — это безбожие, утрата веры в религию, пренебрежение к обрядности. И он призывает к обновлению обрядности, убеждая читателей, что если будет возрождено ощущение божественного начала, то психика людей оздоровится. Делакампань согласен с психиатрами Лэингом и Купером, что «душевнобольные — это нормальные люди» и лечить их в психиатрических больницах не следует. Но если те двое попросту считают, что сумасшедшим надо позволить жить так, как им хочется, предоставив им тотальную свободу, то этот ученый хочет влиять на них с помощью... религии.

Но в этом безумном западном мире приобретают популярность учения и погрешнее теорий антипсихиатров. Слыхали ли вы о такой науке — фанатологии? Вряд ли! Слово «фанатология», заимствованное в древнегреческом языке, обозначает — наука о смерти. Чему же она учит? Об этом рассказал американский журнал «Тайм» 8 января 1973 года, предпослав статье фотографию группы студентов со своим преподавателем в аудитории, глядящих на своего однокурсника, недвижно лежащего в гробу с закрытыми глазами. Так вот что рассказывает этот журнал.

В университете Цинциннати студенты обошли все погребальные часовни и кладбища и даже посетили

морг графства Гамильтон. В Миннеаполисе они часто ходят к гробовщикам, чтобы подбирать себе гробы по росту, и составляют детальные планы собственных похорон. Такого рода деятельность может показаться чем-то напоминающим «фильмы ужасов», которые ставит поднаторевший в этом деле Винцент Прайс, но в действительности она, как уверяет «Тайм», свидетельствует о «растущем интересе студентов к теме смерти».

— Для них, — заявил преподаватель университета Миннеаполиса Роберт Уолк, — смерть не является чем-то ужасным, отвратительным, она возбуждает и вызывает динамизм.

Если верить журналу, молодежь штата Цинциннати охотно посещает курсы фанатологии, недавно организованные примерно в 70 колледжах и школах. Но мода на эту странную науку распространяется далеко за пределы кладбищ Цинциннати и Миннеаполиса. В университете Мэриленда, например, студенты также начали изучать идеи о смерти, имевшие хождение в Древнем Израиле, Древней Греции и Древнем Риме, затем перешли к изучению догматов о смерти, возникших в христианскую эру. В число учебных пособий входят также книги Элизабет Кюблер-Росс «О смерти и умирании» и Германа Фейфеля «Понятие смерти». С лекциями на эти темы выступают врачи и священники. Повсюду студенты прослушивают записанные на магнитной ленте записи интервью, которые брали у умирающих.

Социолог Роберт Фултон, читающий в университете Миннесоты курс лекций на тему «Социология смерти», сказал корреспонденту журнала: «Задача состоит в том, чтобы открыть новую перспективу смерти; показать, что смерть — это естественное дело, и опровергнуть эвфемистические выдумки, бытующие в нашем обществе, которое пытается спрятаться от смерти и умирания». Этот социолог считает, что, поскольку сейчас многие американцы умирают в госпиталях или частных лечебницах, молодые люди не имеют возможности наблюдать, как это происходит. «Единственная смерть, которую им показывают по телевидению, — говорит Фултон, — это смерть где-нибудь во Вьетнаме или в Бангладеш; они никогда не видят, как умирает средний американец».

Психолог Роберт Кастенбаум из университета штата Массачусетс дает такое объяснение: «Человек использует гипотетический факт своей собственной смерти, чтобы более полно оценить свою жизнь. Смерть — рубеж, нечто такое, что заставляет проанализировать и подытожить все, что было сделано до этого. Я нашел, что ясное понимание смерти сделало мою жизнь более ценной для меня».

Другое, более утилитарное объяснение необходимости изучать фанатологию выдвинул профессор университета в Мэриленде Даниэл Ливитон, оно состоит в том, что молодежь-де «получает таким образом возможность рассеять свой страх смерти». Не для того ли, чтобы будущие солдаты приучились лить кровь людей, да и свою собственную, как воду?

Профессора фанатологии уверяют, что преподаваемая ими наука позволяет людям освободиться от страха смерти и излишнего сентиментализма. Тот же Даниэл Ливитон привел в пример самого себя. «Когда я был маленьким, — рассказал он, — мой отец так часто и много говорил о ценности жизни, что, когда издохла белая крыса, которая была у меня, я проливал по ней слезы». Теперь же Ливитон, видите ли, стал безразличен к смерти.

Таковы новейшие ухищрения фальшивомонетчиков теоретического фронта, денно и ночью напрягающих свое воображение в поисках новых и новых сильнодействующих средств, которые помогли бы оболванить подрастающее поколение и превратить его в механически действующую армию послушных и нерассуждающих роботов.

Научный подход или спекуляция?

В иностранной печати то и дело мелькают сообщения о так называемых зондажах, или опросах, общественного мнения по любому вопросу, начиная от оценки политической линии какой-либо партии либо популярности того или иного государственного деятеля и кончая мнением о том, какая футбольная или хоккейная команда выигрывает чемпионат.

Иногда прогнозы, основанные на таком зондаже, подтверждаются жизнью, иногда терпят скандальный провал. В Западной Европе вызвала много шума, например, история о том, как в феврале 1974 года «специалисты по изучению общественного мнения» подвели британскую партию консерваторов: они посулили ей успех на парламентских выборах, и правительство Хита, доверившись им, провело эти выборы за полтора года до окончания своих полномочий. Провело и... потерпело провал.

Вслед за этим «зондажи общественного мнения» дали такую же скандальную осечку в Канаде и Японии. В Канаде проводящие такие «зондажи» институты подыгрывали консерваторам и сулили неудачу либеральной партии Трюдо, а либералы одержали блистательную победу. В Японии они сулили победу правящей либерально-демократической партии, а успех пришелся фактически на долю находящихся в оппозиции левых партий. По этому поводу французская газета «Фигаро» с полным основанием заявила 10 июля 1974 года, что «зондажи общественного мнения потерпели потрясающий провал».

Поднялась шумиха. Буржуазные социологи начали спорить о том, в какой мере можно доверять данным таких зондажей.

Что же представляют собой эти опросы и какую роль они играют в жизни буржуазного Запада?

Теория «мешка с фасолью»

Французский социолог Фредерик Бон в своей работе, опубликованной в начале 1974 года в альманахе «Нэф», писал: «Со статистической точки зрения, человеческое общество можно сравнить с мешком фасоли, в котором содержится равное количество черных и белых бобов. Чтобы проверить, так ли это, отсыпем из мешка сто бобов. Теория вероятности подсказывает, а практика подтверждает, что эти сто черных и белых бобов распределятся так: 45 и 55. Стало быть, подлинное соотношение их количеств в мешке будет определе-

но с допустимой ошибкой в 10 процентов. Если мы отсыплем 10 000 бобов, то пределы ошибки сократятся до 1 процента, а если отсыплем 100 000 бобов, — процент ошибки составит всего 0,1 процента».

Люди, конечно, непохожи на бобы, — у каждого свой характер, свой норов. Но специалисты по изучению общественного мнения считают все же возможным использовать теорию «мешка с фасолью» для своих расчетов. Изучая данные переписей, они вырабатывают количественные показатели, с помощью которых создают своеобразную уменьшенную модель общества: в нем столько-то рабочих, крестьян, интеллигентов, торговцев, капиталистов; на эту сетку накладываются другие показатели — возраст, пол, образование и т. д.

Обычно такая «модель» охватывает 1500—1800 человек. После того, как она создана теоретически, нанимают людей, которым поручается опрос, «анкетчиков», и посылают их в разные концы страны с точно сформулированным заданием. Например: найдите и опросите, согласно врученному вам вопроснику, холостого рабочего в возрасте от 20 до 30 лет с таким-то образованием, который живет в поселке с населением от 5 до 10 тысяч человек.

Узнав, что думает, что делает и что собирается делать **каждый** из 1500—1800 человек, которые входят в эту модель, и обобщив эти данные, организаторы опроса приходят к **выводу**, что они знают, что делает, думает и что собирается делать и думать население **всей** страны.

Как это начиналось

Социологические исследования с помощью заполнения анкет — дело не новое. Еще в 1787 году Дэвид Дэвис проводил в Англии таким путем изучение семейных бюджетов рабочих. Но в 1936 году молодой и предприимчивый американец Гэллап применил такой метод для прогнозирования результатов президентских выборов и преуспел в этом деле, правильно предсказав победу демократа Рузвельта над его противником республиканцем Лэндоном.

Созданный Гэллапом институт по изучению общественного мнения начал получать множество заказов и

постепенно превратился в крупное учреждение международного характера. В 1938 году Жан Стетцель основал Французский институт общественного мнения, который сразу же приобрел популярность, проведя скандально знаменитую анкету «Надо ли умирать за Данциг?» (Гитлер в то время покушался на Данциг — ныне Гданьск; вставал вопрос об отпоре надвигавшейся агрессии, а французская буржуазия отнюдь не горела желанием принять в этом деле участие.)

Сейчас зондирование общественного мнения стало большим бизнесом — заказчиков хоть отбавляй. Опросы используются для самых разных целей: от выяснения вопроса о том, какой стиральный порошок предпочитают домохозяйки, до определения популярности глав государств. Годовой оборот только французских институтов и разного рода бюро, изучающих общественное мнение (а их сейчас 299), составляет 70 миллионов франков, а в США эта цифра в тридцать раз (!) больше (эти цифры я заимствую у французского социолога Жана-Луи Берже).

Сформированы международные объединения этих фирм — уже в 1969 году так называемая «Европейская комиссия по изучению общественного мнения и рынков» насчитывала 1232 члена из 23 стран. Существует также «Всемирная ассоциация по изучению общественного мнения», проводящая ежегодно свои конгрессы. Крупнейшие американские институты Гэллапа и Харриса имеют филиалы за границей, в частности, в Англии. Между прочим, именно эти филиалы так жестоко подвели британских консерваторов...

Одним словом, создана огромная машина. Кому же она служит и какие цели преследуются ее хозяевами?

«Покупатель всегда прав»

Было бы ошибкой недооценивать значение зондажей, проводимых этими институтами. Как пишет тот же Фредерик Бон, «создание крупных предприятий, организация поточного производства, машина массовой пропаганды создали [на Западе] стандартизованное, а сле-

довательно, поддающееся измерению общественное мнение».

Многие зондажи, особенно те, результаты которых не публикуются (между прочим, такое негласное изучение общественного мнения проводится многими министерствами внутренних дел), являются серьезным подспорьем для правящих классов капиталистических стран. Но в последнее время на Западе все острее чувствуется стремление использовать механику опросов общественного мнения в пропагандистских целях.

«Самое опасное, — писал в том же альманахе «Нэф» сотрудник французского радио и телевидения Ролан Кайроль, занятый изучением предвыборных кампаний и опросов общественного мнения, — это чистейшее использование зондажей в интересах определенной политики. Как реклама не может рассматриваться в качестве подлинного инструмента экономической информации, поскольку цель ее — добиться продажи определенных товаров, так и зондажи не могут рассматриваться как подлинное средство политической информации, поскольку их цель — в чем-то убедить людей.

В капиталистическом обществе все институты общественного мнения являются частными органами. Проведение анкетных вопросов могут оплачивать только клиенты этих фирм — они-то и определяют цели опросов. Таким образом, анкетчики, работающие на заказчика, ставят те вопросы, какие интересуют правителей, руководителей индустриальных корпораций, вдохновителей крупных политических сил и наиболее богатые газеты. Так же, как средства массовой информации, индустрия зондажей находится на службе господствующей идеологии. Публикация данных зондажей часто становится идеологическим и политическим оружием в руках тех, кто располагает крупными финансовыми средствами.

Руководители институтов по изучению общественно-го мнения иногда заявляют, что хотя клиенты определяют цель обследования, формулированием вопросов занимаются специалисты этих институтов. Красивый принцип! Но в действительности может ли он осуществляться на деле, поскольку положение на рынке зондажей довольно трудное? Может ли институт рисковать потерять клиента, который мало заинтересован в том,

чтобы были поставлены технически правильные вопросы, попросту желает получить «хорошие ответы», на которых он сможет построить свою рекламу (политическую или торговую)? Ответ на этот вопрос, увы, ясен: специалисты зондажей не располагают средствами, позволяющими им противиться тем, за чей счет они живут».

Объективным подходом тут и не пахнет. И действительно, поскольку конкурентов на рынке «индустрии зондажей» много, руководители институтов по опросу общественного мнения не хотят пойти на риск потери богатого клиента, желающего получить «хорошие ответы», и идут на любые его условия, «подгоняя» вопросы так, чтобы они создали картину, выгодную для заказчика.

И здесь, как в любой области коммерции, действует правило «покупатель всегда прав»!

Фабрикация мнений

Фабрикация «хороших ответов», необходимых заказчику, начинается с формулирования вопросов, на которые предстоит ответить опрашиваемому. Вспомним хотя бы знаменитую фразу, придуманную Стетцелем в 1938 году, за год до начала мировой войны: «Нужно ли умирать за Данциг?»

В Соединенных Штатах был проделан интересный опыт. Людям раздали анкеты на одну и ту же тему, но сформулированную различно: «Думаете ли вы, что США должны разрешить публичные выступления против демократии?» и «Думаете ли вы, что США не должны запрещать публичные выступления против демократии?» В первом случае ответ «да» составлял 21 процент, во втором 39. Вот какое значение имеет формулировка вопроса!

Еще пример. Летом 1972 года Французский институт по изучению общественного мнения принял весьма характерный заказ от одного клиента, стоящего на антикоммунистических позициях. Заказчик потребовал провести опрос согласно анкете, авторы которой предлагали опрашиваемым «согласиться или не согласиться» с 35 тезисами такого рода:

— бесполезно разговаривать о совместной программе коммунистов и социалистов, поскольку они проигрывают выборы;

— если бы программа социалистов и коммунистов была бы осуществлена, то страна была бы разорена в экономическом отношении;

— заключая соглашение с социалистами, коммунисты взяли их под свой контроль;

— как уже показало прошлое, ни в коем случае не следует доверять Миттерану.

И так далее и тому подобное...

Далее, свою лепту в искажение общественного мнения вносят анкетчики, то есть люди, непосредственно проводящие опрос. Как писал журналист из «Нувель обсерватэр» Кениз Мурад, они, как правило, видят в своей работе лишь средство подзаработать немного денег; ведь это работа непостоянная — «среди анкетчиков можно встретить самых разных людей: от безработного психолога с высшим образованием до молодого «хиппи» и домохозяйки, скучающей наедине со своими кастрюлями».

Проведение опроса — дело нелегкое: надо искать людей требуемого профиля, подниматься без лифта на 50—60 лестниц в день, ругаться с консьержками, которые принимают анкетчиков за воришек, рисковать тем, что тебя выставит за дверь хозяин квартиры, к которому уже несколько раз за день стучались коммивояжеры и люди с анкетами (их много).

Поэтому «анкетчики» нередко хитрят — опрашивают собственных друзей и знакомых или даже просто друга друга, не считаясь с продиктованными институтом критериями «модели общества», или просто выдумывают что попало. Проверить их трудно. Хитряг и сотрудники, обобщающие данные анкет, — они подгоняют, округляют цифры, чтобы «расчет был не очень труден».

«Наконец, — заключает Кениз Мурад, — данные проведенного опроса попадают в руки руководителя. Иногда результаты ему не нравятся, — он видит, что, если покажет их заказчику, то во второй раз заказа от него не получит. Тогда он несколько видоизменяет вывод. Часто клиент с самого начала прекрасно знает, что он хочет получить, и руководитель опроса тоже это знает. И задача этого руководителя состоит не столько в том, чтобы изучить вопрос, сколько в том,

чтобы помочь заказчику утвердиться в правоте его взглядов».

Что из этого получается, хорошо показал в своей работе о зондажах общественного мнения один из деятелей французской социалистической партии, Пьер Гидони:

«— Человек с улицы нередко не очень хорошо разбирается в политике. Но вот ему говорят: «56,4 процента твоих соотечественников считают, что...» — «А? Так? Хорошо...» — и вот наш человек уже обрел свое мнение.

— Домохозяйку спрашивают: «Вы действительно довольны, или не очень довольны, или вовсе недовольны вашим премьер-министром?» А она понятия не имеет о его деятельности и всего-то один раз видела его по телевидению, но физиономия этого человека показалась ей привлекательной. Что же ей сказать? Признаться, что она не в состоянии дать ответ? Вроде бы это неудобно. Поэтому она, набравшись храбрости, что-то говорит наугад. И вот уже ее высказывание, помноженное на тысячу, возводится в ранг авторитетного мнения. За него хватаются политические обозреватели. Его анализируют. Делается вывод: популярность премьер-министра повысилась на столько-то пунктов или понизилась на столько-то. Эти цифры попадают в заголовки газет. Так создается общественное мнение...»

«Практика зондажей общественного мнения, которую используют, чтобы показать «то, чего хочет народ», — подтверждает со своей стороны Кайроль, — представляет собой чистейшую мистификацию. Бесчисленные заголовки газет, вроде того «Как будут голосовать французы», являются безответственными».

«Футбольное поле и трибуны»

Но самое вредное воздействие такой практики на общественность состоит в том, как совершенно правильно отмечает Пьер Гидони, что она **отчуждает** людей от активного участия в общественной жизни, превращая их в безучастных зрителей, наблюдающих за политиче-

ской деятельностью как бы со стороны. Происходит упадок политических нравов. Воцаряется климат, похожий на игру с заключением пари на скачках или на стадионе в дни футбольных матчей. На поле борются некие деятели, похожие на богов Гомера, сошедших с Олимпа. А на трибунах находится публика, которую оставляют вне политической борьбы, развлекая ее игрой на своеобразной бирже.

Не ясно ли, что такая практика, которую, между прочим, в Западной Европе справедливо оценивают как американизацию политических нравов, грубо искажает демократический процесс даже в ограниченном понимании буржуазной демократии?

С учетом всего этого нельзя не согласиться с французским социологом Пьером Бурдые, который писал в своей работе, полемически озаглавленной «Общественного мнения не существует»: «Общественное мнение, которое демонстрируется на первых страницах газет в процентном исчислении, является попросту подделкой, подлинный смысл которой состоит в том, чтобы скрыть тот факт, что в действительности общественное мнение определяется целой системой противоборствующих сил».

Разделяя это мнение, уже упомянутый Ролан Кайроль уточнил на страницах альманаха «Нэф», что суммирование индивидуальных ответов на анкеты, проводимые в капиталистических странах институтами по изучению общественного мнения, не позволяет выявить общую политическую волю, мнение общества. Он подчеркивает, что **правильное понимание общественного мнения может быть получено лишь на основе учета влияний партий, профсоюзов, церкви, классовых интересов людей, входящих в общество.**

Но... что поделаешь, если в частных фирмах, которыми являются «институты по изучению общественного мнения», господствует столь же древний, как сама частная собственность, закон «покупатель всегда прав»? Кто платит, тот заказывает и музыку...

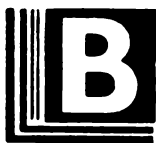
После этого не приходится удивляться тому, что иной раз, как это и случилось в Великобритании, убаюканной заказанной музыкой, покупатель блаженно успокаивается, а потом вдруг вскакивает, схваченный за шиворот беспощадной реальностью.

Так иной раз закон «покупатель всегда прав» обо-

рачивается спиной к заказчику опросов, и действие его неожиданно обретает эффект бумеранга!

Все это, конечно, вовсе не означает, что вообще «общественного мнения не существует», как выразился в пылу полемики французский социолог Пьер Бурдьё. Напротив, приведенные им же самим факты подтверждают, что именно потому, что общественное мнение существует и, более того, играет важную роль в обществе, спекуляции с помощью фальсифицированных «зондажей» терпят провал.

Миф о «демократическом социализме»



августе 1974 года трудящиеся Чехословакии, советские люди, народы братских социалистических государств, прогрессивная общественность всех стран

отмечали знаменательную дату — тридцатую годовщину Словацкого национального восстания. Как подчеркнул в своем выступлении на горжественном митинге 29 августа в городе Банска-Бистрица, который был центром этой освободительной борьбы, Генеральный секретарь ЦК КПЧ товарищ Густав Гусак, Словацкое национальное восстание стало началом национальной и демократической революции в Чехословакии, началом создания социально и национально справедливого общества.

Празднуя тридцатилетие этого славного антифашистского восстания, трудящиеся Чехословакии с благодарностью вспоминали о неоценимой братской помощи, которую оказал им народ СССР и его могучая Советская Армия — освободительница. В своем приветствии советскому народу, принятом 29 августа 1974 года, участники торжественного митинга в городе Банска-Бистрица писали, что борьба чешского и словацкого народов против фашизма была исторически связана с участием и помощью советских людей.

Это была не просто дань благодарности за то, что совершено в прошлом. Эти слова прозвучали как торжественное напоминание о том, сколь важно хранить священный братский союз народов, объединенных ныне в социалистическом содружестве, сегодня и в будущем.

«Словацкое национальное восстание было самой действенной школой интернационализма на практике, — говорилось в этом приветствии. — Чешский и словацкий народы навсегда осознали значение братских отношений с Советским Союзом, из чего вытекает следующий главный вывод: всегда, когда отношения народа нашей страны с Советским Союзом были прочными, чехосло-

вацкий народ мог жить и жил с уверенностью в прочности своих социальных, национальных и международных позиций. Нарушать эти отношения означает посягать на наше главное достояние. В этом нас еще раз убедили недавние годы, когда деятельность ревизионистских и антисоциалистических сил, нападки на ленинские принципы партии и социализма создали серьезную угрозу и для самих итогов Словацкого национального восстания. Мы расцениваем это как большой исторический урок, имеющий особое значение, когда мы говорим о революционных заветах Словацкого национального восстания» *.

Напоминание об этом уроке было тем более важным, что как раз в эти дни исполнилось шесть лет со времени драматических событий августа 1968 года, когда марксистско-ленинские силы в партии и обществе Чехословакии вели тяжелую и сложную борьбу против правых, антисоциалистических и контрреволюционных сил, пытавшихся при поддержке извне, из лагеря НАТО, повернуть развитие страны вспять, к домюнхенской буржуазной республике. В стране тогда возник острый политический кризис, усугублявшийся тем, что часть тогдашнего партийного руководства во главе с А. Дубчеком перешла на позиции правого оппортунизма и национализма. Правые ревизионистские силы временно оказались в большинстве в руководстве КПЧ. Им удалось на время парализовать руководящую роль партии, и поднявшие голову силы контрреволюции, подстрекаемые с Запада, спешили этим воспользоваться, — по сути дела, ревизионисты, правые оппортунисты готовили почву и расчищали путь контрреволюции.

Все это прикрывалось лицемерными рассуждениями о борьбе за демократизацию и о создании «демократического социализма», или «социализма с человеческим лицом», но в действительности, как это впоследствии было неопровержимо доказано документами и признаниями самих заговорщиков, бежавших за границу, силы контрреволюции в 1968 году готовились в Чехословакии взять реванш за поражение, которое они потерпели в Венгрии в 1956 году.

«Планы и цели контрреволюции в Чехословакии были те же, что и в Венгрии в 1956 году, только ее так-

* «Правда», 30 августа 1974 года.

тика ввиду различий в условиях и во времени была иной, — говорится в известном документе «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», принятом на пленуме ЦК КПЧ в декабре 1970 года. — Антисоциалистические силы в нашей стране, действовавшие в соответствии с замыслами современного империализма, ориентировались прежде всего на использование методов политического, идеологического разложения и разрушения органов власти, а также на постепенное осуществление контрреволюционных целей в течение более продолжительного периода, чем это было в Венгрии. Однако и у нас эти силы рассчитывали на то, что в подходящий момент, в случае если их планы натолкнутся на сопротивление, они развяжут и физический террор против марксистско-ленинских кадров и граждан, преданных делу социализма»*.

«Если бы процесс продолжался до полного упадка [народной власти в Чехословакии], страна была бы свидетелем коренного политического переворота», — откровенно заявляет теперь, к примеру, И. Свитак, представитель крайней реакции, активно и открыто действовавший в Чехословакии летом 1968 года, бежавший затем из страны и ныне выступающий в реакционной американской прессе.

Контрреволюционные силы объединились тогда в таких организациях, как «К-231» и «КАН». Они даже не считали нужным скрывать, что их программой была ликвидация социализма. Среди их лидеров были прямые агенты разведок капиталистических стран, получавшие из-за границы не только политическую, но и материальную помощь.

Таким образом, в августе 1968 года в Чехословакии сложилась обостренная контрреволюционная обстановка, страна очутилась на грани гражданской войны. С неумолимой ясностью встал вопрос «кто кого»: либо контрреволюция, опирающаяся на поддержку международной реакции, завершит свое черное дело, либо социалистическим силам удастся отразить контрреволюцию и отстоять дело социализма.

* «Правда побеждает. Материалы чехословацкой печати, разоблачающие подрывную деятельность антисоциалистических и правооппортунистических сил в ЧССР в 1968 — начале 1969 года», Москва, Политиздат, 1971, стр. 39.

В этих условиях братские партии и государства приняли единственно возможное и единственно правильное в сложившихся условиях решение: оказать народу Чехословакии действенную интернациональную помощь — ввести на территорию Чехословацкой республики союзнические войска. Это было сделано по настоятельной просьбе здоровых сил Коммунистической партии и народа Чехословакии и в соответствии с подписанной 3 августа 1968 года в Братиславе Декларацией, в которой было сказано, что «поддержка, укрепление и защита этих (социалистических) завоеваний, доставшихся ценой героических усилий, самоотверженного труда каждого народа, являются общим интернациональным долгом всех социалистических стран»*.

Братская помощь Чехословакии, оказанная Советским Союзом и другими социалистическими странами, спасла чехословацкий народ от смертельной опасности. Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, выступая с отчетным докладом Центрального Комитета на XIV съезде партии в мае 1971 года, «благодаря вступлению союзнических войск умножилась мощь наших внутренних сил, преисполненных решимости защищать завоевания социализма в Чехословакии и создать прочный тыл для широкой мобилизации трудящихся на борьбу с угрозой контрреволюции с помощью политических средств»**.

Приветствуя успехи, достигнутые Коммунистической партией Чехословакии в этой борьбе, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил в своем выступлении на XIV съезде КПЧ:

«Теперь всем ясно, что ваша партия победоносно вышла из суровых испытаний. Ее лучшие силы, ее основное ядро с честью выдержали проверку боем. Они преградили путь мутной волне антисоциалистической истерии и буржуазно-националистического угара, поднятой соединенными силами внутренней и внешней контрреволюции, повели решительную и успешную борьбу»

* «Правда побеждает. Материалы чехословацкой печати, разоблачающие подрывную деятельность антисоциалистических и правооппортунистических сил в ЧССР в 1968 — начале 1969 года». Политиздат, Москва, 1971, стр. 38.

** «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 25—29 мая 1971 г.». Политиздат, Москва, 1971, стр. 30—31.

бу за восстановление руководящей роли партии в обществе, не позволили нарушить братский союз Чехословакии со странами социализма» *.

После драматических событий той поры минуло шесть лет. Опасный политический кризис в Чехословакии давно преодолен. ЧССР является ныне прочным звеном социалистического содружества. Внутри страны обеспечена прочная консолидация. Освободившись от засилья правооппортунистических элементов, Коммунистическая партия Чехословакии уверенно осуществляет свою руководящую роль, следуя принципам марксизма-ленинизма. Экономика страны как в промышленности, так и в области сельского хозяйства развивается успешно. Благополучие народа растет. Укрепились международные позиции Чехословакии. Попытки империалистических кругов изолировать ее потерпели крах. Упрочились связи Коммунистической партии Чехословакии с братскими партиями всех континентов.

И тем не менее чехословацкие товарищи считают необходимым вновь и вновь возвращаться в своей политико-воспитательной деятельности к урокам 1968 года, придавая большое значение глубокому анализу событий того времени. Они совершенно справедливо напоминают о том, что классовые враги социалистических стран не дремлют, что они и впредь будут пытаться подорвать социалистическое содружество изнутри, добиться реванша.

«Правые оппортунисты и ревизионисты, — говорил, выступая на Пленуме ЦК КПЧ, член Президиума ЦК Васил Биляк, — не специфическое чехословацкое явление. Поэтому так неистовствуют сегодня всякие фишеры, мареки, гароды, пеликаны, вольные, шики и другие. Они уже не скрывают, кому служат. Они объединяются, и их цели остались теми же... Тактика правых сил сегодня состоит в том, чтобы исподтишка подрывать уверенность и растущее социалистическое самосознание трудящихся...

Это говорит о том, что нам следует активизировать и улучшать идеологическую и организационную работу партии. Против правого оппортунизма и ревизионизма

* «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии». Политиздат. Москва, 1971, стр. 108—109.

мы должны вести более последовательную и эффективную идеологическую борьбу»*.

Такие высказывания звучат особенно злободневно ныне, когда буржуазная пропаганда постоянно возвращается к событиям августа 1968 года, извращая факты и истолковывая их на свой лад. Вот и сейчас, когда пишутся эти строки, она, вспомнив о том, что со дня этих событий прошло шесть лет, снова и снова спекулирует на «чехословацкой теме», лицемерно оплакивая провал сформировавшегося в Чехословакии в 1968 году политического блока правых, ревизионистских и антисоциалистических сил и пытаясь изобразить благородную акцию братских социалистических стран, пришедших на помощь коммунистам и народу ЧССР, как некую «интервенцию».

Буржуазная пропаганда, периодически поднимая тему чехословацких событий, снова и снова превозносит так называемый «социализм с человеческим лицом», или «демократический социализм», о котором разглагольствовали правые силы в ЧССР в 1968 году. Поднимается на щит «система», которая широко распахивала двери, ведущие к свободе действий контрреволюционных сил и к перерождению социалистического строя.

Еще год тому назад, 13 августа 1973 года, в городе Линдау в ФРГ некий «Международный культурный центр», например, созвал «конгресс», на котором был создан «Теоретический политический институт». Под этим нарочито туманным и ничего не говорящим названием скрывается еще одна «фабрика идей» на службе контрреволюции. И не случайно этот «конгресс», в работе которого приняли активное участие обанкротившиеся деятели, бежавшие из Чехословакии, проводился под лозунгом «На пороге нового (?) общества: пражская весна-68 — идея, тактика и задачи».

Сотрудник «Международного культурного центра» некий Вильфрид Хейт заявил корреспондентам, что инициаторам этого «конгресса» удалось собрать необходимые средства для того, чтобы «пропагандировать новую форму революции (читай — контрреволюции! — Ю. Ж.) без баррикад». Хейт добавил, что задача за-

* Васил Биляк, Правда осталась правдой. Статьи и речи. Политиздат, Москва, 1972, стр. 396—397.

ключается в том, чтобы «политические эмигранты из ЧССР держались вместе», дабы в «будущем использовать накопленный практический опыт».

Стало быть, несмотря на явный провал пресловутой «тихой контрреволюции», как откровенно называли некоторые американские идеологи антикоммунизма «опыт» событий в Чехословакии в 1968 году, кое-кто готовится вновь и вновь пустить в ход это отравленное оружие, прикрываемое фальшивой вывеской «демократического социализма».

В том же духе отмечалась врагами социалистической Чехословакии и шестая годовщина августовских событий 1968 года. Страницы буржуазной прессы и залы разного рода аудиторий щедро предоставлялись в распоряжение обанкротившихся и бежавших за рубеж политиканов, и те, обрадованные предоставленными им возможностями, спешили вылить потоки грязи на преданную ими родину, расписывались в ненависти к марксизму-ленинизму и клялись усилить свою подрывную деятельность.

Передо мной лежит парижский журнал «Экспресс» от 18 августа 1974 года, в котором опубликовано обширное интервью с небезызвестным Иржи Пеликаном, который шесть лет тому назад орудовал в Чехословакии, организуя и направляя подрывные действия в стране. После провала контрреволюции Пеликан вместе со своими единомышленниками бежал за границу и обосновался в Риме. Чем же он там занимается и какие цели ставит перед собой сейчас?

В своем интервью этот «защитник демократии» откровенно рассказал, что он и его друзья продолжают свои попытки организовать подрывную деятельность в Чехословакии — издают для тайной засылки в страну свою газету и книги, пытаются как-то объединить «различные течения», вплоть до «крайних правых» (!), чтобы сообща бороться против социалистического строя в Чехословакии.

Этот деятель, лицемерно ратовавший за «социализм с человеческим лицом», теперь без стеснения отрекается от марксизма-ленинизма и допускает столь наглые высказывания против социалистического строя, что даже издавшие виды сотрудники «Экспресс», бравшие у него интервью, сочли нужным заметить, выслушав очередную его тираду против коммунистических партий: «Вас

можно было бы обвинить в том, что вы высказываетесь как изгнанник, перешедший в стан реакции»...

Теперь Пеликан ругает даже Дубчека, обвиняя его в том, что он был «недостаточно тверд» и «капитулировал» в то время, когда другие сторонники «демократического социализма», вроде Кригеля (и, по-видимому, Пеликана, как это он сам дает понять), были готовы к насильственным методам борьбы за возрождение буржуазно-демократического строя.

О, эти господа, болтающие о «социализме с человеческим лицом», отнюдь не склонны к либерализму. И не случайно, видимо, Пеликан так восхваляет в интервью... китайских лидеров, изменивших свою «мировую стратегию» и вступивших на путь конфронтации с Советским Союзом. Он видит в этом «позитивный элемент» (!) современного международного положения.

(Любопытная деталь: «Экспресс» счел нужным иллюстрировать этот раздел интервью красноречивым фотоснимком, на котором изображена дружественная встреча Пеликана с Мао Цзэ-дуном и Чжоу Энь-лаем — у всех троих улыбка до ушей!)

Примерно в том же духе высказывался в эти дни другой беглец из социалистической Чехословакии, Ота Шик, проповедовавший в смутное время 1968 года «трансформацию чехословацкой экономики» в духе капиталистических порядков (об этом я подробно расскажу ниже).

Вслед за Пеликаном он совершенно недвусмысленно заявлял, что потерпевшие поражения в 1968 году сторонники возврата Чехословакии к старым порядкам отнюдь не сложили оружия и намерены продолжать свою подрывную деятельность.

Тем важнее сейчас припомнить, что скрывалось тогда за вывеской «демократического социализма» и как разрывались в то время события.

Чужая тропа

Мне вспоминается сейчас, с каким усердием летом 1968 года буржуазная пресса рекламировала так называемые «новые модели» социализма и прежде всего так называемый «демократический социализм». Новые

времена — новые песни: давно ли в капиталистическом мире считалось крамолой любое упоминание о социализме, а теперь — поди ж ты! — даже такие черносотенные газетенки, как парижская «Орор» или нью-йоркская «Дейли ньюс», рассуждали, не моргнув глазом, о «новых» и «новейших» его моделях. Не удалось задушить социализм в колыбели, о чем мечтал Черчилль, так, может быть, удастся его как-нибудь перестроить, переделать на антикоммунистический лад?

Об этом теоретики и практики антикоммунизма мечтают уже давно. Еще в январе 1948 года один из главных изобретателей «новых моделей», Эттли, выступая в британском парламенте, заявил: «...Я, естественно (!), хочу, чтобы все страны приняли принцип демократического социализма, который, по моему мнению, является динамическим контрсредством против коммунизма».

Вы слышите? Какова откровенность! Так прямо и сказано: «демократический социализм» — это «динамическое контрсредство против коммунизма»! Каково? Но это еще не все. Дело было не в одном Эттли. Три года спустя антикоммунистический «демократический социализм» был провозглашен официальной идеологией Социалистического интернационала, воскрешенного из мертвых во Франкфурте, а затем включен в программы ряда социал-демократических партий.

С тех пор, как говорится, много воды утекло. Соотношение сил на мировой арене еще больше изменилось в пользу социализма. Популярность идей марксизма-ленинизма в широчайших народных массах неизмеримо возросла. Вульгарный, что называется, «лобовой» антикоммунизм утратил силу воздействия: канули в вечность времена, когда людей можно было пугать карикатурным изображением большевика с ножом в зубах. Теперь уже почти никто не верит в выдумку о том, будто Советский Союз может напасть на западные страны — наша миролюбивая внешняя политика пользуется во всем мире огромным престижем.

Велик и престиж мирового коммунистического движения, которое является самой влиятельной политической силой современности. Коммунисты повсеместно являются авангардом рабочего класса, который играет ведущую роль в революционном преобразовании капиталистического общества в социалистическое. Они дей-

ствуют на международной арене дружно и сплоченно, объединенные общностью марксистско-ленинской идеологии и вооруженные практическими решениями, которые они принимают на своих международных совещаниях.

Что касается современной социал-демократии, сохраняющей свое политическое влияние в целом ряде стран, особенно в Западной Европе, то она не может не считаться с полевением масс. В новой обстановке социал-демократы все чаще занимают более определенные позиции на международной арене в ходе борьбы угнетенных классов против угнетателей — не случайно, например, большинство социалистических и социал-демократических партий осудило реакционный переворот в Чили и выразило солидарность с жертвами военно-фашистской хунты, захватившей там власть.

Некоторые социалистические партии, например французская, отступая от антикоммунистических догм, пошли даже на далеко идущее сотрудничество с коммунистами. Такое развитие имеет, бесспорно, важное позитивное значение.

Нельзя не видеть, однако, что наряду с этим многие социал-демократические партии и руководящие деятели объединяющего их Социалистического интернационала остаются на старых позициях враждебности к коммунизму и к социалистическим странам. Поскольку же в новых условиях прежняя примитивная пропаганда антикоммунизма утрачивает свою эффективность, они ведут ее более изощренно. Социалистической системе, созданной по учению Маркса и Ленина и завоевавшей прочные позиции в борьбе, снова и снова противопоставляется концепция пресловутого «демократического социализма», в которой полностью отсутствует классовый подход к общественным явлениям и проповедуются «всеобщее равенство» и «сотрудничество» между хозяевами и рабочими, то есть между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Фальшь этой концепции очевидна тем более, что ее авторы по-прежнему весь свой полемический пыл направляют против социалистических стран и против коммунистических партий. Весьма характерно и то, что с некоторых пор эти деятели, всегда считавшие необходимым подчеркивать свою умеренность и отказ от насильственных форм борьбы, все чаще находят общий

язык с пекинскими лидерами, нисколько не смущаясь их ультраревOLUTIONIONНОЙ фразеологии, — их объединяет с ними общая враждебность к СССР, другим братским социалистическим странам и компартиям, стоящим на позициях марксизма-ленинизма.

Тем важнее не только для истории, но и в плане политической актуальности сегодняшнего дня вспомнить о том, как и почему кое-кого в Чехословакии в 1968 году потянуло на эту чужую тропу.

Как все это начиналось?

Уже 5 апреля 1968 года газета «Млада фронта» опубликовала обращение некоего подготовительного комитета «Объединения социалистической молодежи», который, не страдая избытком скромности, заявил: «Нынешнее время — это наше время. Мы не утверждаем, что еще наше поколение будет жить при коммунизме. Мы действительно хотим демократического социализма».

Неделю спустя орган чехословацкой социалистической партии «Свободное слово» заявил: «Мы не марксистская партия... Мы за строительство собственного чехословацкого социализма... Мы будем всегда исходить из идей Массарика».

Затем с серией крикливых антимарксистских и антикоммунистических заявлений выступил уже упомянутый мною выше «философ» Свитак, провозгласивший на учредительном собрании претендовавшего на роль оппозиционной партии «Клуба беспартийных активистов» в Остраве 14 мая, что «перспектива демократического социализма как реальная возможность чехословацкого эксперимента и как его вклад в мировое (!) социалистическое движение, преисполняет нынешних социал-демократов подлинным восторгом».

И пошло, и поехало...

Пока с такими заявлениями выступали прятавшие до поры до времени свои антикоммунистические воззрения и вдруг осмелевшие личности вроде Свитака, это не было удивительным: так сказать, «расцвели сто цветов», хотя отнюдь не благовонных. Несколько более неожиданным явилось то, что с прославлением «демократического социализма», противопоставляемого коммунизму, начали выступать люди, выдававшие себя за коммунистов.

30 мая 1968 года, например, в газете Коммунисти-

ческой партии Чехословакии «Руде право» появилась статья доцентов В. Клокочка и З. Ичинского, в которой уже прямо был поставлен вопрос об изменении политической системы в Чехословакии, — они так и писали: «Нынешний этап — это период перехода от старой (!) политической системы к новой (!) системе».

Наиболее примечательной чертой этого перехода авторы считали отказ коммунистической партии от руководящей роли. «Возврат политических партий к роли подлинных политических партнеров, — писали они, — правилен, ибо, в частности, нужно, чтобы у граждан с христианским мировоззрением была своя социалистическая концепция». «Основой создания новых политических партий», по мнению этих авторов, могли бы послужить «новые организации типа клубов».

Более прямолинейно высказался две недели спустя на страницах газеты «Млада фронта» бывший путешественник Иржи Ганзелка, который вдруг приобрел вкус к политике. Назвав действующую в Чехословакии политическую систему «чудовищной», а руководящую роль коммунистической партии «монополией на власть в руках небольшой части людей», он заявил: «Процесс возрождения ничего особенно нового не выдвигает. Он выдвигает идеи и мысли, многие из которых старше, чем ошибки (?) нашего социализма, а другие возникли подспудно». Итак, назад к периоду до 1948 года, к «демократическому социализму»!

И наконец, занимавший тогда ответственный пост в КПЧ Цисарж, выступая в «Руде право» через 10 дней после этого экстравагантного заявления, не только не счел нужным дать отпор такому призыву, но, со своей стороны, несколько витиевато, но в общем-то ясно заявил: «Вдохновленность марксизмом сегодня может вести и ведет к иному познанию, чем к тому, к какому пришел Ленин полстолетия назад в ряде конкретных вопросов».

Следует ли после всего этого удивляться, что идеологи империализма наострили уши, прислушиваясь к голосам, доносящимся из Чехословакии, и тут же услужливо разложили на своих газетных прилавках пусть подточенный молью и потрепанный, но все еще наличествующий в продаже товар «демократического социализма», на который вдруг возник спрос там, где

его меньше всего можно было ожидать, — в социалистической стране!

Как все это стало возможным?

Отвечая на этот вопрос, Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, под руководством которого были преодолены столь опасные явления, говорил в отчетном докладе Центрального Комитета XIV съезду партии следующее:

«Одной из определяющих причин этого кагастрофического развития было то, что в руководящие органы партии постепенно проникал ряд людей, которые все больше предавали принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, нарушали нормы партийной жизни и принципы демократического централизма. И эти люди постепенно одерживали верх в руководстве партии. В коммунистической партии, особенно в последние годы, притупился классовый подход к решению проблем, ослабли революционная бдительность и идейная принципиальность, нарастали мелкобуржуазные привычки, карьеризм, конъюнктурное приспособленчество. Вместо коммунистической скромности у многих людей появились высокомерие и мания величия. Эти отрицательные тенденции постепенно проникали во все области жизни нашего общества. На эту волну была настроена пропаганда правых и антисоциалистических сил. Вследствие деятельности правых сил Центральный Комитет КПЧ, и особенно его Президиум и Секретариат, перестал выполнять роль решающего центра в деле строительства социализма и защиты революционных завоеваний народа. Центральный Комитет, несмотря на то, что его большинство составляли опытные и преданные партии члены, как орган не сумел вовремя вскрыть и сорвать антипартийную и антинародную деятельность явных врагов и ренегатов и различных карьеристов — прислужников» *.

Товарищ Гусак подчеркнул в своем докладе, что главную ответственность за такое развитие событий несли занимавшие в то время главные руководящие посты А. Дубчек, Й. Смирковский, Ф. Кригель и другие. Сосредоточив в своих руках право решения вопросов партии и государства, они парализовали все главные

* «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии». Политиздат, Москва, 1971, стр. 26.

звенья социалистической политической системы в Чехословакии, деятельность Президиума Центрального Комитета, Национального собрания, правительства, органов власти государства и Национального фронта. Решающие звенья исполнительной и законодательной власти перестали выполнять свою классовую миссию, ибо ключевые позиции в них занимали правые оппортунисты. Вследствие этого и создались благоприятные условия для активизации деятельности контрреволюционного подполья и диверсий внешних врагов.

Впрочем антисоциалистические силы, видимо учитывая уроки провала венгерской контрреволюции в 1956 году, предпочитали действовать до поры до времени осторожно, не прибегая к открытому насилию и делая ставку на постепенное перерождение общества. Наиболее удобным прикрытием для осуществления этой «тихой контрреволюции» и явилась пущенная в ход А. Дубчеком и его единомышленниками демагогическая формула — «социализм с человеческим лицом», или «демократический социализм», открывающая шлюзы для «любой», в том числе и антикоммунистической! — пропаганды и для «свободной игры» различных политических сил, в том числе и контрреволюционных!

И право же, не случайно даже такой непримиримый враг коммунизма, как западногерманский профессор Менерт, с нескрываемой радостью заявлял в те дни: «Если Чехословакия, если другие восточноевропейские страны пойдут по пути социал-демократизма, то совершенно ясно, что для нас было бы гораздо легче говорить с социал-демократической Чехословакией».

Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться к существу «демократического социализма», лежащего в основе теории и практики социал-демократических партий.

Нельзя не вспомнить, например, что программа, принятая западногерманскими социал-демократами 15 ноября 1959 года на съезде в Бад-Годесберге, провозгласила окончательный и безусловный разрыв с марксизмом. «Марксизм как философское, экономическое и социальное учение сдан социал-демократами в свой исторический архив», — заявил в те дни один из теоретиков СДПГ, Ульрих Ломар. Газета «Вашингтон пост» тогда же посвятила этому примечательному событию передовую статью «Похороны марксизма», подчеркнув, что

СДПГ «перестала быть социалистической в подлинном значении этого слова», и сам Аденауэр, этот духовный отец самой черной реакции, приветствовал тот факт, что вместо марксизма эта партия избрала «необязывающие» формулировки.

О чем же идет речь?

Не претендуя на исчерпывающий и всесторонний разбор Франкфуртской и Бад-Годесбергской программ, остановимся на двух коренных вопросах: об экономической природе социалистического общества и о системе власти в этом обществе.

1. Социализм, как учили Маркс и Ленин, означает прежде всего уничтожение частной собственности на орудия и средства производства и превращение их во всенародное достояние, — только так может быть обеспечена свобода от эксплуатации, от экономических кризисов, от безработицы, от нищеты.

А как ставят вопрос апологеты «демократического социализма»?

Еще франкфуртская декларация Социалистического интернационала, принятая в июле 1951 года, провозгласила, что социализм **«совместим»** с существованием частной собственности на средства производства и что государство должно **«помогать (!) собственникам частного капитала повышать благосостояние народа»**. В развитие этого тезиса авторы Бад-Годесбергской программы СДПГ записали, что **«частная собственность на средства производства имеет право на защиту (!) со стороны общества»**.

2. Социализм, как учили Маркс и Ленин, может быть построен лишь в результате победоносной классовой борьбы пролетариата, возглавляемого его авангардом — подлинно революционной партией, причем эта победа может быть сохранена и упрочена только при установлении диктатуры пролетариата в той или иной форме.

Независимо от того, в каких формах будет установлена диктатура пролетариата, она всегда будет означать расширение демократии, переход от формальной буржуазной демократии к подлинной демократии, демократии для трудящихся. **«Марксист лишь тот, — указывал Ленин, — кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата.»**

В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа» *.

А как ставят вопрос апологеты «демократического социализма»? Они начисто отвергли эти основополагающие принципы марксизма. В той же Бад-Годесбергской программе было открыто заявлено, что социал-демократическая партия «является сообществом людей, представляющих различные верования и мировоззрения», а ее теоретик В. Таймер, отрицая объективный характер законов общественного развития, заменил их «автономной идеей добра» и «автономной идеей свободы», признание которых якобы делает всех людей хорошими и разумными.

Идеолог английских лейбористов Ласки, со своей стороны, доказывал необходимость найти «общую (!) истину», которая заставила бы всех людей объединиться, отбросив классовые различия.

Лидер австрийских социал-демократов Реннер, заявляя, что классовая борьба якобы устарела, уверял, что «пролетариат и буржуазия перестают быть врагами».

Руководитель французских социалистов Леон Блюм уверял, что классовая борьба... препятствует «триумфальному шествию» социализма...

Все эти затхлые теории в 1968 году были вновь извлечены из архива и подновлены антимарксистами. Основной упор при этом делался на то, будто бы «техническая революция» настолько изменила облик современного общества, что теперь и не разберешь, где капиталист, а где рабочий. В наш «технотронный век», как выражается все тот же американский теоретик антикоммунизма Бжезинский, классовая борьба-де не нужна и даже немыслима.

Что же оставалось от социализма? На этот вопрос отвечал небезызвестный деятель Французской социалистической партии Жюль Мок — тот самый, который в конце сороковых годов, будучи министром внутренних дел, не поколебался двинуть против бастовавших шахтеров танковые войска. «Социализм — это мораль, почти светская религия. Скорее, может быть, идеал, чем экономическая доктрина... Его пропаганда должна

* В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 34.

быть направлена на его моральный идеал более, чем на классовые требования».

Проповедники «демократического социализма» призывали трудящихся во имя этого «морального идеала» отказаться от классовой борьбы, объединиться со своими эксплуататорами и уповать лишь на мелкие реформы, используя свободную игру политических сил на основе некой абстрактной «чистой демократии».

Все это отнюдь не ново: современный «демократический социализм» лишь повторяет зады ревизионистов, с которыми марксисты боролись еще на заре ХХ века. Вспомним хотя бы Плеханова, который тогда писал, что реформизм может «служить теоретическим руководством только для тех, чьи «социалистические идеалы» не идут дальше «непрерывного» штопанья дыр капиталистического общества». Ленин гневно клеймил этих проповедников как «агентов международного империализма, действующих внутри рабочего движения, проводящих в нем буржуазное влияние, буржуазные идеи, буржуазную ложь и буржуазный разврат» *.

Эти оценки сохраняют всю свою остроту и действенность сегодня, когда окончательно выродившаяся идеология «демократического социализма» ставит своей целью не только сдерживание классовой борьбы трудящихся в капиталистических странах, но и активные наступательные акции против коммунизма!

Напомню, что тогдашнее правление той же западно-германской социал-демократической партии в феврале 1960 года записало в «официальных пояснениях» к своей программе, озаглавленных «Борьба социал-демократии против коммунизма»: «Одной из главных (!) задач СДПГ является ее борьба против марксизма и коммунизма» (газета «Форвертс» от 5 февраля 1960 года). В том же духе высказывались руководители и ряда других социал-демократических партий, у которых, по сути дела, давно уже не осталось за душой ни идеалов социализма, ни идеалов демократии. И можно было понять Черчилля, когда он уже в июне 1946 года злорадно заявил в парламенте: «Я противник социалистической партии, но я готов признать, что она внесла важный вклад в дело всеобщего мира (?) своим решительным осуждением коммунизма (!)».

* В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 99.

В шестидесятые годы поборники «демократического социализма» и их партнеры из правящих классов капиталистических государств избегали изъясняться столь откровенно. И это понятно: твердая и в то же время гибкая политика коммунистических партий, сочетавших разоблачение агентов буржуазии в рабочем движении с терпеливой и упорной заботой о создании единого фронта коммунистов и социалистов в борьбе против общего классового врага, в огромной степени изменила общую расстановку сил на политической арене, обеспечила достижение выдающихся успехов рабочего движения.

Но было бы ошибочно полагать, что тем самым снята проблема разлагающего влияния идеологии «демократического социализма» и что ее антикоммунистическое острие притупилось. Если у кого-либо и могли возникнуть такие иллюзии, то их должны рассеять усилившиеся в последние годы попытки пропихнуть сей гнилой идеологический товар в социалистические страны.

Об этом своевременно напомнил 8 июня 1968 года в своем выступлении на Пленуме ЦК СЕПГ секретарь ЦК и член Политбюро товарищ Эрих Хонеккер, ныне руководитель этой партии. Напомнив о том, что на Западе усиливается адресованная социалистическим странам проповедь «новых моделей» социализма, якобы «соединяющих» социализм с демократией, он тогда сказал:

«Может быть, пока еще не все достаточно глубоко поняли, что эти разговоры сопровождаются массивным наступлением на руководящую роль рабочего класса и его партии. Именно в этом пункте международный капитал хочет «улучшить» социализм, чтобы путем его ослабления в решающем месте подготовиться к штурму... Нашу марксистско-ленинскую теорию и практику якобы необходимо в корне — в вопросе о политической власти — пересмотреть. Наши противники в империалистическом лагере ввиду бесперспективности военной лобовой атаки на социализм перестроились в основном на психологическую войну и ведут ее со всей остротой, прибегая к самым различным ухищрениям. При этом они с величайшей готовностью пользуются услугами националистических и ревизионистских элементов».

Елейные советы «соединить» социализм с демократией, преподаваемые из-за рубежа, воспринимались в социалистических странах как чудовищное лицемерие.

Здоровые силы Компартии Чехословакии и ее Центрального Комитета видели, куда ведут дело антисоциалистические силы, и требовали преградить им путь. На майском (1968 год) Пленуме Центрального Комитета они добились принятия решения, в котором было сказано, что «партия будет проводить свою политику таким образом, чтобы широкие массы трудящихся, особенно рабочие, были уверены в том, что у нас (то есть в Чехословакии. — Ю. Ж.) не произойдет никакого возврата к классовым, имущественным, социальным и политическим условиям, существовавшим до победы трудового народа в феврале 1948 года, что политическое руководство обществом коммунистической партией с помощью новых методов будет укрепляться и станет более эффективным».

Однако правые силы сорвали выполнение этого решения. В противовес ему подбрасываемые с Запада идеи перевода Чехословакии на путь «демократического социализма», а еще точнее, как подчеркивал тот же Мерт, на путь социал-демократического развития, беспрепятственно пропагандировались в чехословацкой прессе, высказывались людьми, захватившими руководство в партии, и, более того, находили организационное подкрепление.

Не случайно, например, западногерманский журнал «Шпигель» 15 июля 1968 года торжествующе заявил, что «настоящая оппозиционная партия» в Чехословакии «уже существует: это пресса». Печатала же, к примеру, совершенно беспрепятственно газета «Прага» рассуждения о том, что «руководящая роль коммунистической партии, как она сформировалась на протяжении истекшего двадцатилетия в странах Восточной Европы, является совершенно неподходящим (!) способом политической жизни», что «ленинское толкование коммунистической партии и ее функций в революции... несостоятельно (!) в условиях развитых стран».

Открытое и координированное наступление реакции проявилось в опубликовании документа под названием «2000 слов». Это была контрреволюционная платфор-

ма, служившая прямым руководством к насильственным действиям и разрушению социалистической системы. Этот контрреволюционный манифест отличался оголтелым разжиганием ненависти к Советскому Союзу и даже публично угрожал социалистическим странам — союзникам ЧССР вооруженным конфликтом.

По поводу этого документа «Правда» писала 11 июля 1968 года:

«Этот документ представляет собой своего рода платформу тех сил в Чехословакии и за ее пределами, которые под прикрытием разговоров о «либерализации», «демократизации» и т. п. пытаются перечеркнуть всю историю Чехословакии после 1948 года, социалистические завоевания чехословацких трудящихся, дискредитировать Коммунистическую партию Чехословакии, ее руководящую роль, подорвать дружбу чехословацкого народа с народами братских социалистических государств, проложить путь контрреволюции.

Авторы документа клеветают на КПЧ и социалистический строй, утверждая, что якобы «ошибочная линия руководства превратила партию из политической партии и идейного союза в великодержавную организацию»; что будто «парламент разучился обсуждать проблемы, правительство — править, директора — руководить»; что-де «ни одна организация по существу не принадлежала ее членам, даже коммунистическая организация», и что «коммунистическая партия не заслуживает никакой благодарности». В заявлении, по существу, восхваляется буржуазная Чехословакия, не скрываются симпатии к капиталистическому строю.

Более того, пытаясь активизировать антисоциалистические элементы, авторы обращения и те, кто стоит за ними, объявляют, что «наступающий период будет решающим на многие годы», требуют выступать «с собственными решениями». Они призывают использовать такие средства, как демонстрации, забастовки, бойкот, для того, чтобы избавиться от неугодных им партийных кадров и деятелей, преданных делу социализма. Они требуют «учреждать собственные гражданские комитеты и комиссии» на местах, то есть захватывать власть. Они обещают действовать «с оружием в руках» в пользу того руководства, которому они дадут «мандат».

Заявление «2000 слов», несмотря на лицемерные фразы о «защите» интересов чехословацкого народа, не оставляет сомнений в подлинных целях его авторов. Они выступают от имени тех правых, антисоциалистических сил в стране, которые ведут атаку против КПЧ и рабочего класса. Каждый день приносит новые факты, подтверждающие, что эти силы отнюдь не пекутся об исправлении тех или иных ошибок, о дальнейшем развитии Чехословакии на пути социализма, а взяли курс на свержение существующего строя, на реставрацию капиталистических порядков. Они не говорят об этом прямо, чаще всего прикрывают свои подлинные цели фразами о «демократизации», заявляют о своей приверженности социализму. Но на деле они добиваются подрыва самих основ социалистического государства».

Правые силы в этой связи выступили с двусмысленными заявлениями, в которых пытались преуменьшить опасность контрреволюционного документа «2000 слов»,

утверждая, что факт его обнародования в четырех газетах — «Литерарни листы», «Праце», «Земедельске новины» и «Млада фронта», дескать, «не следует драматизировать». А тем временем день ото дня наглевшие силы реакции активизировались еще больше.

Вслед за документом «2000 слов» был опубликован так называемый «Манифест клуба беспартийных активистов», в котором было сказано, что «решающими ценностями народа являются не классы» и что существующая в Чехословакии политическая система должна уступить место «демократическому социализму» при участии созданных заново или перестроенных (!) партий, которые должны действовать на основе мировоззрений, разработанных «с учетом перспективы».

Какой перспективы?

Об этом пока вслух не высказывались. Но кое-какие практические акции, осуществлявшиеся в Праге, говорили сами за себя. По телевидению, например, было передано выступление одного из правых деятелей, содержавшее требование... «поддержки развития среднего и мелкого частного предпринимательства».

А вслед за этим американское агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл передало 16 июля 1968 года из Бонна, что Запад «начинает создавать политическое предмостное укрепление (!) в Чехословакии. Первое «обследование местности» было проведено в конце прошлой недели президентом Федерального банка Карлом Блессингом... Блессинг, безусловно, может предлагать свои услуги в качестве посредника и, несомненно, уже сделал это».

(К этому можно добавить, что Блессинг был не одинок. Как сообщало агентство АДН, другой видный деятель ФРГ, прибывший в Прагу в качестве гостя, выступая на одном собрании, «подчеркнул, что необходимо преодолеть статус-кво (!) в Европе. Он призывал к пониманию (!) реваншистских претензий судетских немецких землячеств и заявил чехословацким слушателям, что некоторые пожелания так называемых изгнанных с родины нельзя полностью игнорировать. Он заявил также, что неонацистская партия в Западной Германии не представляет никакой опасности для демократии, и выступил против запрета этой партии».)

Все эти и им подобные факты вызывали нескрываемое удовлетворение у империалистов. Время от време-

ни, чтобы «не спугнуть» тех, к чьим дверям они подбирали ключи, эти господа декларировали, что у них-де и в мыслях нет покушаться на социалистическую Чехословакию, что они-де готовы приветствовать строительство социализма в этой стране — вот только демократии подбавить бы не мешало. Но нет-нет да и прорывался радостный вопль вроде такого:

«Можно считать решенным (?!) вопрос о том, происходит ли в Чехословакии не просто «гуманизация», но и также **декоммунизация (!) марксизма**, — заявляла 19 мая 1968 года «Нью-Йорк таймс». — Руководители утверждают, что социализм в Чехословакии сохраняет свою чистоту. Но в огромной идеологической путанице, преобладающей здесь, почти невозможно получить точное определение смысла этого нового чехословацкого коммунизма».

Поощряемые с Запада, антисоциалистические силы в Чехословакии все больше нагнали. Они уже начали покрикивать на Дубчека и его единомышленников, которых еще недавно похваливали за либерализм. Парижская реакционная газета «Фигаро», например, опубликовала интервью с отъявленным чехословацким реакционером Вацуликом, автором пресловутых «2000 слов». Этот деятель зло обругал Дубчека, заявив, что он-де «отвергает инициативу какой бы то ни было группировки, если она не отражает линию партии».

Такое заявление удивило корреспондента «Фигаро». Он возразил:

— Между тем Дубчек неоднократно указывал, что он принимает сотрудничество всех людей доброй воли, откуда бы оно ни исходило?

— Согласен, — сказал Вацулик. — Однако у всех создалось впечатление, что новое руководство не осмеливается обращаться с призывом к внешней (!) инициативе и по-прежнему опирается на аппарат. Между тем ясно, что Дубчек и руководители должны сделать выбор...

И он угрожающе заявил, что «коммунистическая партия — это одна из партий, существующих в Чехословакии», и ей могут «отказать в доверии». К этому остается добавить, что, как сообщала пражская печать еще 30 мая 1968 года, в Праге распространялись листовки, требовавшие «законопроекта, запрещающего (!) деятельность КПЧ», и призывавшие к возрож-

дению организаций, существовавших в период буржуазной республики.

Так замкнулся круг: сначала «критика» социалистического строя, потом проповедь «демократического социализма» и, наконец, фактический призыв к перевороту, цель которого — реванш за революцию 1948 года и восстановление буржуазного строя.

Не случайно, видимо, определенные пражские круги в то время так превозносили антикоммунистического идеолога буржуазной Чехословакии Массарика. Ведь он еще в конце прошлого века в своей книге «Философские и социологические основания марксизма» пытался ниспровергнуть великое и всесильное учение Маркса.

«Вот книга, которую непременно должны прочитать все, интересующиеся «критикой марксизма», — иронически писал Плеханов в 1901 году в журнале «Заря». — Массарик... по косточкам разобрал марксизм и — горе нам, «ортодоксальным» марксистам! — окончательно повалил все это учение».

Такова подлинная суть «демократического социализма», который столь энергично пропагандировался летом 1968 года правыми силами в Чехословакии и который получал столь активную поддержку в буржуазной прессе капиталистических стран.

Это была, по сути дела, идеологическая подготовка к осуществлению широко задуманного и далеко идущего плана, конечной целью которого должна была стать реставрация капитализма в Чехословакии.

Чего они добивались в действительности?

Да, печать капиталистических стран в те дни весьма прозрачно намекала, что ее хозяева делают ставку на свержение народной власти в Чехословакии, они надеялись отобрать у рабочего класса его завоевания, достигнутые в 1948 году, ликвидировать руководящую роль КПЧ, оторвать страну от социалистического содружества и подключить ее к капиталистической системе.

Обольщенные писаниями злобных крикунов из «Ли-

терарни листы», «Млада фронта» и им подобных рупоров внутренней контрреволюции, империалисты явно переоценили мощь антисоциалистических сил и уверовали в то, будто им удастся — то ли вооруженным, то ли «мирным» путем — захватить власть. При этом даже называлась дата: это намечалось сделать завтра после планировавшегося в то время чрезвычайного съезда КПЧ, на котором, как уверяла реакционная печать, должны были взять верх правые силы.

11 августа 1968 года газета «Вашингтон пост» выступила со статьей, которая была многозначительно озаглавлена «Самые смелые (!) решения пражским реформаторам еще предстоит принять». В этой статье без всяких экивоков был поставлен основной вопрос: «В какой мере они собираются поделиться (!) властью — возможно, с риском для своего положения — со своими политическими конкурентами?»

Трудно было бы более цинично и грубо дать понять «пражским реформаторам», что их намерены использовать лишь как пешки в игре — пусть-де они расчистят путь к власти антисоциалистическим силам, а потом их можно будет прогнать прочь!

«Вашингтон пост» сочла нужным даже преподать сценарий постепенной смены власти. Вот он:

«Многое будет зависеть от исхода съезда Коммунистической партии Чехословакии в сентябре. Он изберет новый, по-видимому, гораздо более прогрессивный (?!) Центральный Комитет*. Вероятно, в равной степени важно, что съезд будут просить (!) одобрить новый устав, который позволит меньшинству выражать свои взгляды после поражения. Многим кажется, что это похоже на допуск существования теневого оппозиции или даже второй (!) коммунистической партии... Такая система затронула бы саму сущность марксистско-ленинской теории о ведущей роли коммунистической партии (что верно, то верно! — Ю. Ж.) — теории, верность которой обещало хранить новое пражское руководство. И все же некоторые идеологи [в Праге]

* Непрошенные вашингтонские советники явно исходили из того, что выборы на съезд, проходившие в нездоровой обстановке антисоветской и, по сути дела, антикоммунистической истерии, созданной прессой, захваченной антисоциалистическими элементами, обеспечили соответствующий созыв делегатов. Достаточно сказать, что рабочие составляли среди избранных делегатов лишь ничтожный процент.

считают, что усиливающаяся идеологическая борьба в социалистических странах должна привести к многопартийной системе. Молодые коммунисты из интеллигенции, занимающие высокие посты, убеждены, что это — единственный рецепт (!) для демократии в Чехословакии».

Готовясь к съезду, правые силы, захватившие руль руководства в свои руки, сумели уже в апреле 1968 года навязать Пленуму ЦК КПЧ так называемую «Программу действий», в которой нашла свое выражение их активизировавшаяся подрывная деятельность. В этом документе содержались немарксистские формулировки о роли партии и государства, а также о социалистическом обществе, о так называемом «партнерском понимании» Национального фронта, о руководстве экономикой и культурой и другие тезисы, носившие оппортунистический и ревизионистский характер. В том же духе был выдержан и проект нового устава, о выработке которого сообщала «Вашингтон пост».

Впоследствии, когда в Чехословакии был преодолен политический кризис, ЦК КПЧ объявил эти документы ошибочными и недействительными и заявил, что из них нельзя исходить ни в теоретической, ни в практической политике партии. Но в то смутное время они фигурировали как изложение официальных взглядов партийного руководства, и буржуазная пресса Запада безудержно рекламировала их, говоря о том, что вот-вот будет решен коренной вопрос о «разделении власти» с антисоциалистическими силами, и всячески подталкивала к этому тех, кто готовил такие документы, и даже давала им рекомендации.

Не далее как 13 августа 1968 года, например, в газете западногерманских реваншистов «Ди вельт» некий Герхард фон Глински, претендуя, так сказать, на роль внештатного консультанта по внутривнутрипартийным вопросам, преподал правым силам не терпящие возражения советы по вопросу о том, каким должен быть новый устав КПЧ: он, видите ли, приветствовал бы легализацию фракций, представляющих «различные группировки», поскольку это шаг «к разделению власти».

Но в то же время фон Глински предостерегал «реформаторов»: будьте осторожны, не предусматривайте каких-либо демократических «гарантий» для тех коммунистов, которые выступают против «разделения вла-

сти» со своими политическими противниками и стремятся сохранить руководящую роль рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии.

Короче говоря, свобода фракционной деятельности, по убеждению фон Глински, была бы хороша только до тех пор, пока она облегчала бы действия тех, кто стремится подорвать основы социализма. Но если эти попытки будут успешны и к руководству придут люди, готовые «разделить власть» с теми, над кем рабочий класс Чехословакии одержал победу в 1948 году, указывал фон Глински, тут уж никакой демократии не надо будет. Закручивай гайки покрепче, и все тут!

Обозреватель «Ди вельт» был не одинок. Его коллега Гарри Шлейхер из «Нойе Рейн-цайтунг» 15 августа заявил, что его, видите ли, никак не устраивает тот факт, что в социалистических странах, как он писал, «по-прежнему «демократический централизм» остается главным принципом, в том числе и для реформированной (?!) КПЧ». Правда, он считал, что этот главный принцип можно как-то обойти, что «дает основание для надежд» на то, что «в будущем действительно можно будет применять демократические правила игры», добиваясь того же «разделения власти», о котором мечтал и фон Глински. Ну а пока, советовал Гарри Шлейхер, хотя бы легализуйте для начала фракции!

Логика тут ясна: пусть сначала будут фракции в партии, а потом дело дойдет и до «разделения» власти!

Небезызвестный антикоммунист Виктор Зорза из английской газеты «Гардиан», со своей стороны, 14 августа 1968 года давал «реформаторам» советы о том, как и куда им вести дело: он многообещающе заявил, что «всякое коммунистическое реформистское движение» неизбежно (!) сопровождается «ползучий капитализм». В общем, назвался груздем — полезай в кузов! И Зорза торжествующе заявил, что на этом пути коммунистам будет «все труднее и труднее» сохранять за собой руководящую роль.

Этих господ с их сугубо практическим складом ума меньше всего заботил вопрос о терминологии, важнее всего для них суть дела, а какими ярлыками эта суть будет прикрыта — неважно. Задача же им была совершенно ясна: надо любыми методами добиваться воз-

вращения «ползучего капитализма» на утраченные им плацдармы, о чем столь откровенно писал антикоммунист Зорза. Об этом напомнил в своей статье, опубликованной 15 августа в одной из самых антикоммунистических газет Парижа, «Фигаро», и его французский напарник Гийоме-Брюлон, который так же горячо рекомендовал «пражским реформаторам» выйти «за пределы норм, которые до сих пор считались священными и которым подчинялось все мировое коммунистическое движение».

Обращали на себя внимание и многократные назойливые советы непрошенных попечителей Чехословакии ликвидировать отряды рабочей милиции, сыгравшей, как известно, решающую роль в февральской революции 1948 года.

Читали мы тогда подобные заявления и диву давались — поистине это было зрелище для богов: самые злобные, густопсовые черносотенцы, которые у себя дома давятся от злобы всякий раз, когда упоминают о деятельности коммунистических партий собственных стран, стали блеять умильными овечьими голосами, рассуждая о пользе внутрипартийной демократии в КПЧ.

— Если нынешние усилия в Чехословакии увенчаются успехом, — пел 19 августа комментатор радио Би-Би-Си, — это принесет еще большую пользу делу коммунизма...

Наиболее откровенно раскрыл суть подлинных замыслов зарубежных опекунов чехословацких антисоциалистических и ревизионистских сил небезызвестный американский профессор Герман Кан, директор Гудзоновского института, занятого разработкой политических рекомендаций для правящих кругов, — человек, безусловно, хорошо информированный.

В ноябрьском номере за 1968 год американского журнала «Форчун», рассчитанного в основном на узкий круг читателей — крупных бизнесменов и директоров корпораций, он опубликовал статью, в которой с поразительной откровенностью изложил далеко идущие планы подрывной деятельности против СССР и других социалистических стран и подверг анализу уроки из событий в Чехословакии, которые в то время уже начали складываться неблагоприятно для сил контрреволюции в связи с тем, что братские страны пришли на помощь ЧССР.

Профессор Кан не нуждается в рекомендациях. Чтобы представить себе, что за птица этот американский ученый, достаточно вспомнить написанную им еще в 1960 году книгу «О термоядерной войне», в которой он ратовал за «упреждающий» удар по СССР, или другой его труд — «Об эскалации», в котором он пять лет спустя разработал поэтапный план втягивания человечества в мировую термоядерную войну (знаменитые «сорок четыре ступени», ведущие в ад!).

Но вот что любопытно: во второй половине шестидесятых годов мистер Кан вдруг перестал греметь оружием — он переключился на разработку путей «тихой» борьбы против социалистических стран. Активно поддерживая пресловутую теорию «конвергенции», то есть постепенного «слияния» двух систем, и метод «строительства мостов», на который тогда возлагались такие большие надежды в Вашингтоне, мистер Кан внезапно объявил себя сторонником «укрепления мира». Что же случилось?

Видимо, идеологи крестового похода против социалистических стран убедились, что соотношение сил на мировой арене настолько изменилось, что развязывание всеобщего термоядерного конфликта явилось бы самоубийством для империализма. Поэтому были изысканы более хитрые и изощренные приемы, была разработана новая стратегия и тактика, в которой основной упор делался на подрывную деятельность, причем, конечно, в полной мере сохранялась и ставка на военные решения — сначала в виде локальных войн, а дальше... Дальше видно будет.

По этому поводу американский журнал «Бизнес уик» еще 11 марта 1967 года написал: «Герман Кан — человек, «немыслимые мысли» которого о ядерной войне породили в людях десять лет назад уныние и отчаяние, сейчас предрекает счастливый финал XX столетия». Журнал сообщил, что директор Гудзоновского института и его коллеги в своем новом исследовании «Ближайшие 33 года: тема для размышлений» провозгласили «основной долгосрочной тенденцией» мнимое всеобщее стремление... «к буржуазному образу жизни». Применительно к этой гипотезе они разработали новую стратегию в отношении социалистических стран, которая, по мысли ее изобретателей, должна была привести к далеко идущим последствиям.

До поры до времени суть этой стратегии в полном объеме не раскрывалась. Но американская пресса предавала гласности достаточно деталей, чтобы внимательные наблюдатели поняли, что цель остается прежней — попытка одолеть социалистический мир. Менялись лишь методы: имелось в виду постепенно, действуя методами все той же, изобретенной Каном, эскалации, вести подрывную деятельность против социалистических стран, стремясь вызвать «идеологическую эрозию» («выветривание»). Этим, конечно, дело не исчерпывалось, в перспективе планировался и **военный удар**, как сейчас открыто признавал Кан.

Как явствовало из статьи Кана в журнале «Форчун», первый эксперимент в этом роде был задуман с Чехословакией. Те, кто его затеял, хотели проверить, во-первых, удастся ли оторвать эту страну от социалистического лагеря и вернуть ее в лоно капитализма, а во-вторых, как будут реагировать на такую акцию союзники Чехословакии по Варшавскому Договору.

Горячие головы из Вашингтона и Бонна, к числу которых принадлежит и Кан, который сейчас в этом публично признался, лелеяли себя надеждой, что братские социалистические страны не вмешаются. Однако решительные меры, принятые СССР и другими братскими странами, вовремя пришедшими на помощь чехословацкому народу, спутали все карты вашингтонских экспериментаторов.

План реставрации капитализма

Как же планировали развитие «решающего эксперимента» (так именовал события в Чехословакии Герман Кан) те, кто явно делал столь большую ставку на него? Ответ на этот вопрос, который с полной откровенностью дал Кан на страницах журнала американских бизнесменов, был весьма интересен. Особенно в свете некоторых, мягко говоря, непродуманных рассуждений иных защитников чехословацкого «эксперимента» о том, что там речь шла лишь о «демократизации» и «гуманизации» социалистического строя, а отнюдь не о контрреволюции!

Послушаем же Германа Кана.

С присущей ему прямолинейностью и любовью к точности профессор следующим образом излагал план наступления антисоциалистических сил в Чехословакии, как он рисовался, по его словам, «большинству западных экспертов», считавших, что социалистические страны «молча согласятся с перечисленными ниже возможными событиями» в Чехословакии:

— Установление сильных западных, особенно французских и германских, влияний (!).

— Отказ от «демократического централизма»...

— Возникновение в ближайшее время правительства, стоящего выше (!) партии; общее ослабление влияния партии.

— Появление оппозиционных партий и создание действенной (!) политической оппозиции.

— Появление ореола «экономического чуда».

— Возможное возникновение... «социальной демократии с капиталистическими (!) оттенками».

Картина, таким образом, ясна: планировалась «тихая» контрреволюция, которую должны были осуществить антисоциалистические силы, действующие внутри Чехословакии, опираясь на активную помощь извне.

Сначала пресловутое «строительство мостов», потом по этим «мостам» должно было прийти «влияние», затем подрыв и ликвидация руководящей роли партии, потом сколачивание «действенной» оппозиции и, наконец, замена социалистического строя капиталистическим режимом, прикрытым для приличия вывеской «социальной демократии с капиталистическими оттенками».

Но и это еще не все, план такой политической эскалации отнюдь не исчерпывался реставрацией капитализма в Чехословакии. Следующий раздел плана — свержение руководства партии и правительства в Польше и замена его (я опять цитирую Кана):

«а) Либо независимой, сверхнационалистической и относительно антисоветской, но коммунистической (?) группой,

б) либо реформистским режимом, который тоже мог бы быть независимым, сверхнационалистическим и антисоветским».

Дальше — больше: планировалась «возможность

денонсирования» Варшавского пакта «одной или несколькими восточноевропейскими странами» и перевод в ГДР, причем, как уточнял Кан, это могло бы «произойти довольно бурным и опасным образом» и, «быть может», было бы связано «с попыткой объединить Восточную и Западную Германию (читай — присоединить ГДР к ФРГ! — Ю. Ж.). И, наконец, перенесение «заразы либерализации», как лихо выразился директор Гудзоновского института, на территорию СССР.

Герман Кан подчеркивал, что «с этим общим анализом того, что было поставлено на карту в Чехословакии, были согласны многие» западные эксперты по борьбе с коммунизмом. Больше того, он указывал, что «некоторые части этого анализа» преднамеренно широко публиковались с явным расчетом на то, что такие планы, как он туманно выражался, «вполне могли способствовать осуществлению предсказаний». Проще говоря, эти поджигательские публикации должны были подтолкнуть антисоциалистические силы к действиям.

И, наконец, последнее: мистер Кан отмечал, что «ослабление Варшавского пакта в сочетании с усилением Западной Германии... могло бы в один прекрасный день завершиться нападением Западной Германии на СССР при поддержке Соединенных Штатов». Правда, на всякий случай он оговаривался, что «большинство западных специалистов считают такую перспективу абсолютно нереальной», и все же он увенчал лестницу своей эскалации именно этой ступенью!

Таким представлялись «чехословацкий эксперимент» и его возможное развитие директору Гудзоновского института в тиши его кабинета. Ну а куда вели дело заправила антисоциалистических сил, действовавшие в самой Чехословакии, прикрываясь до поры до времени фальшивой личиной «социализма с человеческим лицом» или «демократического социализма»? Ответ на этот вопрос мы получили вскоре из первоисточника: бежавший из Чехословакии после провала этой авантюры Ота Шик — тот самый Ота Шик, который планировал летом 1968 года «реформу» общественного строя в своей стране на капиталистический лад, а ныне выступает в роли одного из организаторов подрывной деятельности против нее за счет анонимных добродетелей, — уже зимой 1968 года выступил с весьма от-

кровенным интервью швейцарскому и западногерманскому телевидению.

Обратимся же к тексту этого программного документа.

Вслед за мистером Каном Ота Шик говорил о том, что затевалось в Чехословакии, как об «эксперименте», причем он также подчеркивал, что при этом «нужно, конечно, принимать во внимание Восточную Германию, Польшу и т. д.» и что, «вероятно, это было развитие, которое было опасно для некоторых других социалистических стран».

Но в чем же была суть задуманного «эксперимента», если говорить о его экономической стороне? Дошный журналист, который вел интервью, что называется, взял быка за рога, попросив Шика объяснить, «где граница» между придуманной им и его единомышленниками «новой социалистической моделью» и капитализмом. Шик разъяснил: имелось в виду создать «совершенно особую, новую коллективную собственность предприятий, которая в корне отличалась бы от старой бюрократической (?), государственной собственности».

Интервьюер наострил уши, и тут произошел следующий поучительный диалог:

Вопрос: Еще раз для уточнения — не идентичны ли для вас коллективные предприятия с государственными предприятиями?

Ответ: Ни в коем случае (!)... Наоборот, мы хотели добиться полного отделения предприятий от государства.

Вопрос: Можно ли сказать, что это есть форма частной (!) собственности, но не во владении одного лица, а во владении группы лиц?

Ответ: Да (!), это были бы большие концерны, крупные тресты...

Шик пояснил далее: «Мы хотели ввести принцип конкуренции. Мы хотели, чтобы предприниматели знали, что все заработанное, за исключением какой-то части, которая, как и везде (!), шла бы в пользу государства, пойдет в пользу предприятия».

— Но где же тогда план? — воскликнул интервьюер.

И Шик охотно пояснил, что он и его единомышленники считают, что планы не должны быть обяза-

вающими: предприятия должны получать их лишь «в качестве ориентировочных (!) материалов». «Никаких обязательных задач», — подчеркнул он.

— Но находится ли такая экономическая система в соответствии с тезисами марксизма-ленинизма? — спросил журналист.

— Все дело в том, что вы имеете в виду под тезисами марксизма-ленинизма, — парировал Шик и пояснил, что он признает марксизм-ленинизм лишь как «метод познания».

— Тогда вы, господин профессор Шик, в принципе придерживаетесь такого мнения, что две системы на Западе и на Востоке со временем сблизятся? — не унимался журналист.

Шик без лишней скромности ответил на это, что его «модель» должна послужить образцом как для капиталистических, так и для социалистических государств. И он добавил: «В будущем будет больше таких моментов, которые нас сблизят».

Итак, что касается экономики, то Шик, как говорится, поставил все точки над «и»: расхваливаемая им модель предусматривала отступничество от элементарных основ социализма и переход к капиталистическим методам хозяйствования. Ну а как насчет политической сферы?

Тут Шик высказался не менее откровенно:

— Мы действительно представляли себе принципиальные изменения во всех областях, — сказал он, — Это значит, и в самой партии. Мы не хотели оставлять партию в старом виде, в каком она существовала до сих пор. Мы хотели создать совсем другую (!) политическую систему...

И далее он без стеснения раскрыл, по сути дела, план реставрации буржуазного государства, в котором на смену монолитному социалистическому строю пришла бы свободная игра противоборствующих политических сил.

Характерно, что главное острие удара Шик направил против партии и против ее руководящей роли в обществе. Он буквально обрушился на партию, неприязненно именуя ее «старой монополистической (?!) силой, которая решает все вопросы до мельчайших деталей», и заявил, что его устроила бы лишь такая партия, в которой имелась бы возможность «создавать группировки,

иметь разные мнения и развивать борьбу мнений» и которая представляла бы собой всего-навсего «интеллектуальный авангард», способный претворить в жизнь «определенные идеи», если (!) ему удастся убедить массы в их целесообразности.

— Это было другое представление о политической системе, — заключил он.

Таким образом, Шик открыто признал, что правые силы имели в виду коренной пересмотр политического строя, сутью которого явился бы отказ от руководящей роли партии и низведение ее до роли какого-то дискуссионного клуба, члены которого не подчинялись бы никакой дисциплине и без конца спорили бы между собой, причем «меньшинство» игнорировало бы волю «большинства» — на соблюдении этого «права меньшинства» он особенно настаивает.

Буржуазному журналисту, который интервьюировал Шика, естественно, все это очень понравилось, и он решил подтолкнуть своего собеседника к еще более далеко идущим признаниям.

— Вы говорили о партии, которая могла бы более свободно мыслить (?) и должна была бы допускать наличие разногласий, — сказал он. — Не то же ли это самое, когда имеется несколько партий?

Шик заносчиво ответил:

— Меня интересует существо (!) дела. Меня не интересует более формальный (!!) вопрос — существует несколько партий или нет...

Тут надо констатировать, что оба собеседника искусно запутали существо вопроса, сбивая с толку своих слушателей. Как известно, в Чехословакии, как и в ряде других социалистических стран, реально существуют и действуют несколько партий. Но все дело в том, как они действуют и в чем заключается смысл их деятельности. В настоящее время эти партии, объединяясь в рамках Национального фронта, тесно сотрудничают в строительстве социализма, причем все они признают руководящую роль коммунистической партии, представляющей собой авангард рабочего класса и всего трудового народа.

Именно это обстоятельство явно не устраивало правые силы. Вот почему Шик, развивая свои идеи насчет создания «совсем другой политической системы», за-

явил: «Мы рассчитывали на совершенно новое содержание так называемого (?) Национального фронта».

Разматывая эту ниточку и пытаясь связать политические замыслы Шика с экономическими, неутомимый буржуазный журналист спросил:

— Вы говорили о самостоятельности предприятий. Если это осуществить, если предприятия действительно смогут иметь такую самостоятельность, не создадутся ли в связи с этим новые политические силы, которые не захотят подчиняться партии, а будут стремиться к самостоятельным решениям также и в политической области?

Шик ответил:

— Предприятия должны были бы иметь невиданную (!) самостоятельность... Они не будут подчиняться определенным директивам сверху... Но самим предприятиям, я бы сказал — всем людям в обществе, нужна организация или несколько (!) организаций... Можно назвать их и политическими организациями, а можно дать им и другое название...

И снова собеседник беглого политика нравоучительно спросил его, возвращаясь к милой своему сердцу идее «сближения» капитализма и социализма:

— Не думаете ли вы, что ваша попытка каким-то образом могла бы пустить корни в Польше, Венгрии, Болгарии? А возможно, и в Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии и т. д.?

— Я думаю, да, — снова ответил Шик. И опять без лишней скромности добавил: — Конечно, втайне про себя мы думали, что это, возможно, поможет и другим...

Ну что ж, как говорится, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить...».

Август 1968 года

В этой сложной и все более обострявшейся политической обстановке братские коммунистические партии, руководствуясь своим интернациональным долгом, всячески стремились оказать помощь коммунистам, народу Чехословакии, над которым нависла грозная опасность, тем более что оттуда все чаще и во всевозрастающем количестве поступали тревожные сигналы.

Как сказано в документе декабрьского Пленума ЦК КПЧ 1970 года, коммунисты и некоммунисты Чехословакии, сознававшие смертельную опасность, угрожавшую социалистическому строю, требовали от руководства партии и государства энергично выступить против контрреволюционных сил, в защиту завоеваний социализма. Эти настоятельные призывы содержались во многих резолюциях и письмах, адресованных Центральному Комитету Коммунистической партии Чехословакии, но они остались без ответа. В период, когда контрреволюционные силы в Праге и в других местах, стремясь захватить власть, переходили в открытое наступление, представители правых сил в руководстве партии заверяли общественность в том, что «все в порядке» и что «процесс возрождения и демократизации развивается успешно».

«Тысячи коммунистов, — говорится далее в документе, — отдельные граждане и целые коллективы трудящихся, представители всех слоев населения и разных организаций, в том числе члены Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии и Центрального Комитета Коммунистической партии Словакии, члены правительства ЧССР и депутаты Национального собрания и Словацкого национального совета, сознавая свою классовую, национальную и интернациональную ответственность за судьбу социализма в Чехословакии, усиленно искали выход из тяжелого, критического положения. Ввиду того, что правая часть руководства партии не хотела принимать никаких мер, которые вели бы к срыву контрреволюционного переворота и к предотвращению гражданской войны, они начали обращаться к руководящим органам братских партий и к правительствам наших союзников с просьбой в этот исторически важный момент оказать чехословацкому народу интернациональную помощь в деле защиты социализма. Они действовали так с твердым убеждением, что их братья по классу не оставят Чехословакию на произвол контрреволюции, которая грозила кровопролитием, что они не позволят, чтобы наша страна была отторгнута от социалистического содружества»*.

Учитывая все это, братские партии терпеливо стре-

* «Правда побеждает». Госполигиздат, Москва, 1971, стр. 52.

мились к переговорам с представителями КПЧ, на которых решались бы сложные проблемы взаимных отношений, возникшие в результате нарастания контрреволюционной ситуации в Чехословакии и угрозы делу социализма.

Был проведен целый ряд двусторонних и многосторонних встреч с тогдашним руководством КПЧ. А. Дубчек, О. Черник и другие «реформаторы», стоявшие у руля руководства, всякий раз заверяли руководителей братских партий, что они-де активно борются с антисоциалистическими силами, сохраняют верность интернациональному долгу, готовы дать отпор попыткам реставрации капитализма и т. д. Однако на деле все оставалось по-прежнему, и обстановка в Чехословакии становилась все более угрожающей.

Положение усугублялось тем, что началось и все более ускорялось разложение социалистической власти. Решающие звенья исполнительной и законодательной власти в Чехословакии постепенно перестали выполнять свое классовое назначение в политической системе социалистического государства. Правооппортунистические и антисоциалистические силы захватывали в них ключевые позиции.

Боеспособность и морально-политическое состояние чехословацкой Народной армии значительно снизились, и, таким образом, обоснованно возникал вопрос, способна ли армия без четких указаний руководства партии и правительства обеспечить охрану западной границы Чехословакии.

Все это глубоко тревожило братские партии.

4 июля 1968 года, выступая на Всесоюзном съезде учителей, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев напомнил, что империализм еще остается сильным врагом, действует коварно, старается приспособить свою тактику к новой обстановке: «Не прекращая экономической и политической борьбы, не отказываясь от военных провокаций, он направляет особые усилия на борьбу идеологическую, пытается подорвать идейные устои социализма. Идеологи буржуазии явно и тайно стараются экспортировать в мир социализма антикоммунизм, национализм, индивидуализм. Они хотели бы ослабить социально-политическое и идейное единство народов социалистических стран, вбить между ними клинья, посеять недоверие. При этом главные удары на-

ши противники направляют против коммунистических партий, клеветнически изображая дело так, будто бы руководящая роль партии создает препятствие для демократии» *.

В том же духе выступали руководящие деятели целого ряда братских партий. Но правые деятели, все более глубоко проникавшие в руководство КПЧ, игнорировали эти предупреждения и по-прежнему представляли полную свободу действий антисоциалистическим силам, которые открыто оспаривали руководящую роль Коммунистической партии Чехословакии и пытались вести дело к реставрации старого строя.

Как рассказал впоследствии, в сентябре 1969 года, на страницах еженедельника «Трибуна» и газеты «Руде право» член Президиума ЦК КПЧ Васил Биляк, который вместе с другими руководящими деятелями, находясь в меньшинстве, мужественно боролся против оппортунистической линии, братские партии предложили провести новую встречу — на этот раз в Варшаве.

«На Президиуме, — сказал В. Биляк, — это предложение обсуждалось дважды, 8 и 12 июля 1968 г. Лично я и еще некоторые товарищи рекомендовали участвовать во встрече. Другие, наоборот, считали, что не нужно ехать, мотивируя свою точку зрения занятостью в связи с подготовкой к XIV съезду КПЧ... Использовался и тот «аргумент», что существует решение Президиума о невыезде за границу руководящих деятелей партии и государства... Я могу подтвердить, что гг. Брежнев и Кадар лично просили, чтобы мы участвовали в совещании в Варшаве. Начало совещания было даже отложено в надежде, что мы все-таки будем участвовать в нем» **

И все-таки располагавшие большинством правые силы, вопреки выступлениям ряда членов Президиума, провели решение об отказе от участия в совещании в Варшаве. Это обстоятельство лишний раз красноречиво показало, что в Праге дела обстоят крайне неблагоприятно.

В сложившихся условиях руководители партии и правительства Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократиче-

* «Правда», 5 июля 1968 года.

** «Правда побеждает». Госполитиздат, Москва, 1971, стр. 144—145.

ской Республики, Польской Народной Республики, Союза Советских Социалистических Республик вынуждены были провести запланированную встречу без участия представителей КПЧ и правительства Чехословакии.

В ходе Варшавской встречи, проходившей 14—15 июля 1968 года, состоялся обмен мнениями относительно наиболее актуальных проблем международного положения. Представители партий и правительств братских стран обратили особое внимание на активизацию агрессивных империалистических сил, стремившихся путем диверсий подорвать социалистический строй в отдельных странах, а также ослабить идейные и союзнические узы, объединяющие социалистические государства.

Участники этой встречи в духе пролетарского интернационализма обменялись информацией о положении в своих странах и о развитии событий в Чехословакии. Они направили совместное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Чехословакии. В нем, в частности, говорилось:

«Развитие событий в вашей стране вызывает у нас глубокое беспокойство. Поддерживаемое империализмом наступление реакции против вашей партии и основ общественного строя ЧССР, по нашему глубокому убеждению, угрожает столкнуть вашу страну с пути социализма, а следовательно, подвергает угрозе интересы всей социалистической системы.

Эти опасения мы выражали на встрече в Дрездене, во время неоднократных двусторонних встреч, а также в письмах, которые наши партии направили в последнее время Президиуму ЦК КПЧ.

Недавно мы предлагали Президиуму ЦК КПЧ провести новую совместную встречу 14 июля с. г., чтобы обменяться информацией и мнениями о положении в наших странах, в том числе и о развитии событий в Чехословакии. К сожалению, Президиум ЦК КПЧ не принял участия в этой встрече и не воспользовался возможностью коллективного товарищеского обсуждения создавшейся обстановки. Поэтому мы признали необходимым изложить вам в этом письме со всей искренностью и откровенностью наше общее мнение. Мы хотим, чтобы вы нас хорошо поняли и правильно оценили наши намерения.

У нас не было и нет намерения вмешиваться в такие дела, которые являются чисто внутренними делами

вашей партии и вашего государства, нарушать принципы уважения, самостоятельности и равенства в отношениях между коммунистическими партиями и социалистическими странами.

Вместе с тем мы не можем согласиться, чтобы враждебные силы сталкивали вашу страну с пути социализма и создавали угрозу отторжения Чехословакии от социалистического содружества. Это уже не только ваше дело. Это общее дело всех коммунистических и рабочих партий и государств, объединенных союзом, сотрудничеством и дружбой. Это общее дело наших стран, которые объединились в Варшавском Договоре, чтобы обеспечить свою независимость, мир и безопасность в Европе, чтобы поставить непреодолимый барьер перед происками империалистических сил, агрессии и реакции.

Мы никогда не согласимся, чтобы империализм мирным или немирным путем, изнутри или извне пробил брешь в социалистической системе и изменил в свою пользу соотношение сил в Европе.

Мощь и прочность наших союзов зависят от внутренней силы социалистического строя в каждой из наших братских стран, от марксистско-ленинской политики наших партий, которые выполняют руководящую роль в политической и общественной жизни своих народов и государств. Подрыв руководящей роли коммунистической партии ведет к ликвидации социалистической демократии и социалистического строя. Тем самым создается угроза основам нашего союза и безопасности содружества наших стран.

Мы говорили обо всех этих вопросах неоднократно на наших встречах и с вашей стороны получали заверения, что вы отдаете себе отчет во всех опасностях и полны решимости дать им отпор.

К сожалению, события пошли по другому руслу.

Силы реакции, использовав ослабление партийного руководства страной, демагогически злоупотребляя лозунгом «демократизации», развязали кампанию против КПЧ, ее честных и преданных кадров с явным намерением ликвидировать руководящую роль партии, подорвать социалистический строй, противопоставить Чехословакию другим странам социализма.

По нашему убеждению, возникла ситуация, в которой угроза основам социализма в Чехословакии под-

вергает опасности общие жизненные интересы остальных социалистических стран. Народы наших стран никогда не простили бы нам равнодушия и беспечности перед такой опасностью.

Наши страны связаны друг с другом договорами и соглашениями. Эти важные взаимные обязательства государств и народов основываются на общем стремлении защитить социализм и обеспечить коллективную безопасность социалистических стран. На наши партии и народы возложена историческая ответственность за то, чтобы достигнутые революционные завоевания не были потеряны.

Каждая из наших партий несет ответственность не только перед своим рабочим классом и перед своим народом, но и перед международным рабочим классом, мировым коммунистическим движением и не может уклониться от вытекающих из этого обязанностей. Поэтому мы должны быть солидарны и едины в защите завоеваний социализма, нашей безопасности и международных позиций всего социалистического содружества.

Вот почему мы считаем, что решительный отпор антикоммунистическим силам и решительная борьба за сохранение социалистического строя в Чехословакии — это не только ваша, но и наша задача.

Дело защиты власти рабочего класса и всех трудящихся, социалистических завоеваний в Чехословакии требует:

решительного и смелого наступления против правых и антисоциалистических сил, мобилизации всех средств защиты, созданных социалистическим государством;

прекращения деятельности всех политических организаций, выступающих против социализма;

овладения партией средствами массовой информации — печатью, радио, телевидением и использования их в интересах рабочего класса, всех трудящихся, социализма;

сплоченности рядов самой партии на принципиальной основе марксизма-ленинизма, неуклонного соблюдения принципа демократического централизма, борьбы с теми, кто своей деятельностью способствует враждебным силам.

Мы выражаем убеждение, что Коммунистическая партия Чехословакии, в сознании своей ответственно-

сти, примет необходимые меры, чтобы преградить путь реакции. В этой борьбе вы можете рассчитывать на солидарность и всемерную помощь со стороны братских социалистических стран» *.

Состоявшийся 17 июля 1968 года Пленум ЦК КПСС, заслушав доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «Итоги встречи в Варшаве делегаций коммунистических и рабочих партий социалистических стран», целиком и полностью одобрил деятельность Политбюро ЦК КПСС в области международной политики, в проведении линии на упрочение позиций социализма, укрепление сплоченности мирового социалистического содружества, в отношениях с коммунистическими и рабочими партиями социалистических и несоциалистических стран.

Пленум ЦК КПСС высоко оценил и единодушно одобрил итоги Варшавской встречи и выразил убеждение, что письмо братских партий, принятое в Варшаве, найдет понимание и поддержку со стороны Коммунистической партии и правительства Чехословакии как выражение искренней дружеской интернациональной помощи партий и народов братских стран и будет способствовать укреплению дружбы между народами Чехословакии и Советского Союза, всего социалистического содружества.

Так оно и произошло: коммунисты и трудящиеся Чехословакии, остававшиеся верными союзническому долгу и идеям пролетарского интернационализма, правильно восприняли братское предупреждение из Варшавы. Видя, куда гнут антисоциалистические силы, действовавшие все более нагло и открыто, они призвали своих братьев и союзников прийти к ним на помощь, пока не поздно.

Чего стоит хотя бы вот этот волнующий документ — вошедшее в историю письмо большой группы чехословацких рабочих заводов «Авто-Прага», адресованное советскому народу и опубликованное в свое время в «Правде»:

«Дорогие товарищи — наши советские друзья!

В серьезной обстановке, которую мы переживаем, наши взгляды обращены к вам. Наша дружба, наше союзничество освящены совместно пролитой кровью

* «Правда», 18 июля 1968 года.

у Соколова, на Дукле и на других полях сражений. Наши враги не меняются, это все те же империалисты и их разведки, только сегодня они являются более опытными и в силу этого более опасными; мы знаем, каковы их цели и кто им помогает.

...Как сказал наш Клемент Готвальд, мы храним как зеницу ока нашу дружбу с СССР и заявляем, что мы никому не позволим очернить и оклеветать эту дружбу, на каком бы месте он ни сидел.

Мы знаем, кто наши друзья, мы знаем, кто является нашим союзником, мы знаем, кто нас не предаст*.

Но правые оппортунисты, стоявшие у руля правления в партии и правительстве Чехословакии, оставались по-прежнему глухи к дружеским советам братских партий и стран, к протестам здоровых сил собственной страны, которые возмущались безнаказанностью контрреволюционеров и требовали обуздать их.

Больше того, Чехословацкое телеграфное агентство передало документ, озаглавленный «Точка зрения Президиума ЦК КПЧ на совместное письмо пяти коммунистических и рабочих партий», в котором не только не были сделаны должные выводы из создавшейся в Чехословакии угрожающей обстановки, но даже был сделан шаг назад по сравнению с решениями майского Пленума ЦК КПЧ, на котором хотя бы было сказано, что антисоциалистические силы, действующие в стране, представляют собой главную опасность.

Игнорируя фактическое положение дел в Чехословакии, авторы этого документа заявили: «Мы не видим реальных причин, которые давали бы право на утверждения, обозначающие нынешнее положение как контрреволюционное, на утверждения о непосредственной угрозе основам социалистического строя, на утверждения, что в Чехословакии готовится изменение ориентации нашей социалистической внешней политики и что существует конкретная угроза отторжения нашей страны от социалистического содружества».

Для того чтобы придать этому документу видимость авторитетного мнения КПЧ, был созван Пленум ЦК. Он поддался политическому и моральному нажиму извне и нажиму правооппортунистических сил внутри самого Центрального Комитета, и большинство членов

* «Правда», 30 июля 1968 года.

ЦК согласилось с неправильной позицией, занятой Президиумом в отношении письма братских партий.

В этих условиях руководство КПСС по согласованию с братскими партиями решило предпринять еще одну попытку провести двусторонние переговоры с руководителями КПЧ. Еще в июне и в первой половине июля ЦК КПСС предлагал им провести такую встречу на самом высоком уровне, однако всякий раз чехословацкая сторона под разными предлогами откладывала ее на неопределенное время. Теперь, 19 июля, Политбюро ЦК КПСС направило Президиуму ЦК КПЧ новое предложение о проведении встречи, подчеркнув, что ей придается большое значение. При этом руководство нашей партии, проявляя огромную терпимость, долготерпение и высокий такт, заранее дало согласие на принятие любых условий и предложений чехословацкой стороны об организации такой встречи.

Чехословацкая сторона предложила весьма необычную форму встречи: она должна была произойти на чехословацкой пограничной железнодорожной станции Чиерна-над-Тисой, причем в ней должны были принять участие Политбюро ЦК КПСС и Президиум ЦК КПЧ. Руководство КПСС приняло и это условие, и 29 июля в Чиерне-над-Тисой встреча состоялась. Она длилась 4 дня.

Я хорошо помню эти дни, так как вместе с корреспондентами «Правды» А. Луковцом и Е. Григорьевым находился тогда на нашей пограничной станции Чоп в ожидании вестей об исходе этой встречи. Поезд, в вагонах которого жили члены Политбюро ЦК КПСС, стоял на проложенном для него отдельном пути у самой границы, и каждый день утром тепловоз уводил его на близлежащую чехословацкую станцию Чиерна, а возвращался этот поезд уже ночью.

Согласно договоренности встреча должна была быть закрытой, и корреспонденты на ту станцию не допускались. Но каждый вечер мы слушали по радио подробные передачи радиостанций капиталистических государств, в которых эта встреча освещалась в извращенном изложении.

Тем временем чехословацкие средства массовой информации, находившиеся под контролем контрреволюционных сил, продолжали нагнетать лихорадочную антисоветскую атмосферу, полностью игнорируя до-

стигнутую в начале встречи договоренность о том, что встреча будет носить закрытый характер и что тем временем пресса, радио и телевидение не будут выступать с какими бы то ни было передачами и публикациями полемического характера. Мы следили за этими передачами по телевизору, стоявшему в холле небольшой гостиницы на станции Чоп, где нас поселили, и своими глазами видели, как изощряются потерявшие последние остатки совести люди, командовавшие тогда пражским телевидением.

Помню, они не остановились тогда даже перед вторжением... в родильный дом. Мы увидели на экране, как к только что родившей женщине ворвался с микрофоном репортер. «Не боитесь ли вы, что ваш ребенок родился в такое опасное время, когда назревает конфликт с Советским Союзом?» — спросил он. Женщина ответила слабым голосом: «Немного боюсь... Но я все-таки верю, что все будет хорошо». Затем пражское телевидение показало, как идет сбор подписей на улицах Праги «в поддержку Дубчека». На экране появился турист из Западной Германии: «Подписываюсь и я! За Дубчека!» Все «последние известия» подавались в таком духе, будто Чехословакия находится в страшной опасности и ее надо спасать.

Политбюро ЦК КПСС твердо и спокойно вело переговоры с Президиумом ЦК КПЧ, всячески добиваясь в столь сложной обстановке нормализации межпартийных отношений на принципиальной интернационалистской основе.

1 августа было принято совместное коммюнике, в котором говорилось, что на встрече состоялся широкий товарищеский обмен мнениями по вопросам, интересующим обе стороны, что встреча была направлена на поиски путей дальнейшего развития и укрепления традиционных дружеских отношений между нашими партиями и народами, основанных на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Сообщалось, что в ходе бесед обе делегации по взаимному согласию решили обратиться к Центральным Комитетам коммунистических и рабочих партий Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши с предложением о проведении многосторонней товарищеской встречи.

Эти партии приняли приглашение, и такая встреча состоялась 3 августа в Братиславе. Там было подписа-

но важное заявление программного характера, в котором содержался принципиальный пункт о том, что поддержка, укрепление и защита социалистических завоеваний, доставшихся ценой героических усилий, самоотверженного труда каждого народа, «является общим интернациональным долгом всех социалистических стран».

«Братские партии, — говорилось далее в этом документе, — на основе исторического опыта убедились, что идти вперед по пути социализма и коммунизма можно, лишь строго и последовательно руководствуясь общими закономерностями строительства социалистического общества и в первую очередь укрепляя руководящую роль рабочего класса и его авангарда — коммунистических партий».

Выступая 11 августа, президент Чехословакии Л. Свобода подчеркнул, что результаты этих переговоров имеют особое значение для дальнейшего развития ЧССР, поскольку, как он сказал, развитие социалистического строя в Чехословакии, международная безопасность чехословацкого государства, а также расцвет чехословацкой экономики могут быть надежно обеспечены лишь путем взаимодействия с остальными социалистическими странами. «Поэтому, — заявил президент Л. Свобода, — неотъемлемой составной частью нашей программы является наша решимость к взаимному сотрудничеству с Советским Союзом и другими социалистическими странами, которое необходимо впредь не только сохранить, но и развивать и совершенствовать».

Непреклонная решимость обеспечить такое развитие братских отношений была подчеркнута в те дни и Коммунистической партией Советского Союза в решении Политбюро ЦК КПСС об итогах переговоров, а также и всеми другими коммунистическими и рабочими партиями, представители которых участвовали в Братиславской встрече.

Первой реакцией империалистов на братиславское Заявление был злобный вой. Газета западногерманских реваншистов «Ди вельт», например, 5 августа яростно заявила, что «Прага платит высокую цену», и призвала чехов и словаков отнестись к братиславскому Заявлению «с подозрением и неудовольствием». Невольно выдавая затаенные замыслы своих хозяев, «Ди вельт» сокрушалась по поводу того, что братиславский доку-

мент написан языком, который не является... языком «пражских реформаторов» (!) и «означает отказ» от проповедуемого этими «реформаторами», «определяемого исключительно (!!)

национальными интересами внешнеполитического курса». Трудно было бы более откровенно сформулировать расчеты врагов социализма на деятельность антисоциалистических сил, которые в сговоре с ними хотели бы увести некоторые социалистические страны на путь, диктуемый «исключительно национальными» (а точнее говоря, националистическими!) интересами.

Но что поделаешь, на столе редакторов буржуазных газет уже лежал переданный всеми телеграфными агентствами текст единодушно принятого в Братиславе Заявления, в котором было ясно и четко записано, что «непоколебимая верность марксизму-ленинизму, воспитание народных масс в духе идей социализма, пролетарского интернационализма, непримиримая борьба против буржуазной идеологии, против всех антисоциалистических сил являются залогом успехов в укреплении позиций социализма и в отпоре проискам империализма».

И злобным сочинителям из империалистической прессы, казалось бы, не осталось ничего другого, кроме как выть на луну, оплакивая очередной провал своих расчетов...

Но империалисты перестали бы быть империалистами, если бы они перед лицом такого провала бессильно сложили руки и отказались от своей подрывной деятельности. Нет, после минутной растерянности, проявлением которой были вопли их прессы в стиле «Ди вельт», они быстренько переориентировались и начали плести новую сеть интриг, подбадривая и поощряя потерпевшие поражение антисоциалистические силы, подсказывая им, как надо действовать дальше в усложнившейся обстановке.

Первой опомнилась лондонская газета «Обсервер», этот главный рупор антикоммунизма в Англии. Она заявила, что «Запад допустит величайшую ошибку», если будет «сидеть сложа руки»: ведь «если Чехословакия, ставшая (?!) на путь отступничества, покинет Варшавский пакт, военные позиции Советского Союза будут серьезно ослаблены, и [географическая] карта это действительно подтверждает. Ибо она показывает, что Чехословакия острым клином врезается в границы Рос-

сии». Стало быть, игра стоит свеч, заключала «Обсервер», стало быть, надо помочь антисоциалистическим силам предпринять новое наступление, попытавшись как-то преуменьшить значение обязывающего братиславского Заявления.

«Так как надежда на раскол рухнула, — справедливо заметил в этой связи 8 августа 1968 года секретарь ЦК Компартии Австрии товарищ Эрвин Шарф, — то наши противники пытаются сейчас умалить значение достигнутого соглашения... При этом всю стараются...представить эти решения как всеобщую декларацию, не имеющую никакого значения для дальнейшего развития в ЧССР, для отношений между социалистическими странами».

В самом деле, буржуазные политики и их пресса в эти дни как бы соревновались в изобретении самых обидных, уничижительных терминов для характеристики обязательств, принятых на себя в Братиславе шестью братскими партиями, которые решили, что поддержка, укрепление и защита социалистических завоеваний каждой страны является общим интернациональным долгом всех социалистических государств, и сделали отсюда целый ряд важнейших практических выводов, обязывающих всех участников соглашения к конкретным действиям.

В этом соглашении было черным по белому написано, что «братские партии твердо и решительно противопоставляют свою нерушимую солидарность, высокую бдительность любым попыткам империализма, а также всех других антикоммунистических сил ослабить руководящую роль рабочего класса и коммунистических партий. Они никогда никому не позволят вбить клин между социалистическими государствами, подорвать основы социалистического общественного строя».

Но господа империалисты и их агентура, однако, не унимались. Характерно, что газета «Монд», с особым рвением выступившая в поддержку антисоциалистических сил, уже 5 августа заявила, что «много глав еще остается написать», и вновь призвала «новую Чехословакию» пойти на «пересмотр товарообмена» со странами — членами СЭВ. А «Нью-Йорк таймс» тут же уточнила, что «осторожная попытка ухода [Чехословакии] из советской экономической сферы» должна явиться «вторым раундом» борьбы.

Вслед за тем английская, западногерманская и американская печать поспешила разъяснить, что под этим имеются в виду попытки оторвать Чехословакию от естественных экономических связей с социалистическим сотрудничеством и добиться подключения ее к капиталистическому рынку. В этой связи империалисты не скупилась на самые щедрые посулы — они были готовы тряхнуть мощной ради такого дела!

Нужды нет в том, что в Братиславе социалистические страны приняли на себя обязательство укреплять и развивать экономическое сотрудничество между собой, совершенствуя деятельность СЭВ, и подтвердили готовность согласовывать и координировать свои действия на международной арене, — непрошенные радители Чехословакии спешили помочь антисоциалистическим силам начать «второй раунд» борьбы, используя для начала экономический плацдарм.

А эти силы отнюдь не разоружились, они продолжали активно действовать.

Мне вспоминается, как ночью, когда мы, советские журналисты, освещавшие переговоры в Братиславе, улетали в Москву, по радио был передан вначале полный текст только что подписанного Заявления, а затем тут же, вслед за ним, диктор прочел... документ чехословацкого союза журналистов, руководство которым было захвачено правыми силами. В этом документе Заявление братских партий ставилось под сомнение и содержался призыв к продолжению борьбы за сепаратное развитие Чехословакии.

Так лишний раз действительность подтвердила, что в стране фактически создалась атмосфера опасной анархии, в которой антисоциалистические силы могут позволять себе творить все, что им будет угодно. Важнейшая роль при этом отводилась прессе, радио и телевидению, которые находились под контролем враждебных элементов.

Грубо нарушая решения братских партий о прекращении полемики, пражские газеты, в первую очередь «Млада фронта», «Литерарни листы» и орган союза чехословацких журналистов «Репортер», усилили ожесточенные клеветнические выступления против СССР и других социалистических стран и подвергали издевательским нападкам братиславское Заявление, под которым стояли и подписи руководителей КПЧ.

Дело дошло до того, что 10 августа газета «Млада фронта» позволила себе обрушиться на передовую статью центрального органа КПЧ «Руде право», написанную членом Президиума ЦК товарищем Швесткой, за то, что в этой передовой в полном соответствии с братиславским Заявлением была подчеркнута необходимость защищать основы социализма. «Согласиться с тезисом, что в Чехословакии речь идет, как писал О. Швестка, о защите социализма, — утверждала «Млада фронта», — означает, что у нас существует какое-то (!) контрреволюционное движение, стремящееся к подрыву основ социализма... Поэтому необходимо отвергнуть (!) швестковское толкование».

А как следовало понимать заявление главного редактора «Литерарни листы» Милана Юнгмана в беседе с корреспондентом японского агентства Киодо Цусин, будто «тот раздел [братиславского] Заявления, где сделан упор на угрозу, которую таит в себе империализм, и на необходимость единства международных коммунистических движений, представляет собой самую большую потенциальную опасность (!) для Чехословакии»?

А что означало распространенное тогда же беспрецедентное заявление государственного телеграфного агентства ЧТК о том, что оно отмежевывается от распространенного им ранее по указанию правительства (!) заявления, излагавшего официальную точку зрения по поводу неправильного поведения генерала Прхлика, выступившего с необоснованной критикой в адрес организации Варшавского Договора, и предупреждает, что впредь «заявления, которые кто-либо (!), независимо от причин, не желает подписать ни за себя, ни за учреждение, которое он представляет, ЧТК откажется публиковать от своего имени»?

Подобные выступления невольно заставляли вспомнить самоуверенные заявления буржуазной пропаганды о том, что в Чехословакии «уже существует оппозиционная партия» в лице определенной части чехословацкой прессы. Они лишь прибавляли наглости империалистическим подстрекателям, которые в эти дни с полным напряжением сил вели борьбу против братиславского Заявления братских партий, вновь пытаясь сеять ядовитые семена раздоров.

Таким образом, многочисленные факты подтвержда-

ли, что в Чехословакии сформировался политический блок правых ревизионистов и антисоциалистических сил, который при поддержке извне предпринял контрреволюционную попытку изменить общественный строй в ЧССР. Именно так расценил события, происшедшие в 1968 году, XIV съезд КПЧ.

«В этой обстановке, — говорится в решении съезда, — интернациональная помощь наших союзников была необходимым и единственно правильным решением. Она отвечала общим интересам чехословацких трудящихся, международного рабочего класса, социалистического содружества и классовым интересам мирового коммунистического движения. Она спасла нашу страну от гражданской войны и контрреволюционного переворота, предотвратила угрозу позициям социализма в Европе и устранила опасность ревизии итогов второй мировой войны. Создались условия для решительного наступления марксистско-ленинского ядра в партии и обществе, для нанесения полного поражения блоку антисоциалистических и правооппортунистических сил и для постепенной консолидации в нашей стране» *.

Как показывают факты и документы, приведенные выше, правые силы, преобладавшие тогда в руководстве КПЧ, пытались скрыть правду об интернациональной помощи союзников и извратить подлинную сущность вступления союзнических войск на территорию Чехословакии. Они завершили открытое предательство марксистско-ленинской политики дезориентирующим партию и народ заявлением от 21 августа 1968 года, которое было обнародовано от имени Президиума ЦК КПЧ.

«Этот вероломный акт нанес тяжелый ущерб нашей стране, интересам международного коммунистического движения, — заявил в своем докладе на XIV съезде КПЧ нынешний Генеральный секретарь ЦК партии Г. Гусак. — Прежде всего из-за этого заявления и распространения его всеми средствами массовой информации в сложный момент была вызвана атмосфера невероятной дезинформации и шовинистической истерии, которой под нажимом массового психоза поддались также многие коммунисты и честные граждане, совер-

* «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии». Госполитиздат, Москва, 1971, стр. 227.

шавшие впоследствии такие действия, которые зачастую противоречили всей их предшествующей деятельности на благо социализма, их убеждениям»*.

В газете «Руде право» 21 августа 1969 года было опубликовано интервью с тов. О. Швесткой, который подробно рассказал о заседании Президиума ЦК КПЧ в ночь с 20 на 21 августа, в ходе которого выявились острые, непримиримые противоречия между правыми деятелями, навязывавшими принятие этого заявления, и теми, кто стоял на интернационалистских позициях и выступал против такого решения. На заседании, как указывает тов. Швестка, царила обстановка истерии. Фактически, указал он, «руководство перестало существовать»; «...в атмосфере, которая была создана некоторыми политиками на том роковом заседании Президиума ЦК КПЧ и которая явилась итогом их авантюристической политики, их абсолютной неспособности, что проявлялось особенно в последние недели перед 20 августа, проиграл разум, и не только разум»...

Против заявления, содержавшего чудовищную клевету на братские социалистические страны, протянувшие руку помощи Чехословакии, голосовали члены Президиума ЦК КПЧ В. Биляк, Д. Кольдер, Э. Риго и О. Швестка. Характерно, что уже через несколько минут после голосования Ф. Кригель и Й. Смирковский, принадлежавшие к числу наиболее активных правооппортунистических деятелей, начали звонить по телефону из ЦК по всей Праге, сообщая о принятии заявления и называя членов Президиума, мужественно голосовавших против этого клеветнического документа, предателями!

Антисоциалистические силы превратили это заявление Президиума ЦК КПЧ, которое по своей сущности было беспримерным антипартийным актом, в свой щит. Правые оппортунисты шантажировали тысячи членов и руководящих работников партии, заставляя их руководствоваться этим заявлением. Они ссылались на то, что коммунисты должны дисциплинированно выполнять решение Президиума ЦК своей партии.

С помощью этого заявления они широко открыли шлюзы антисоветской истерии и привели в движение

* «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии». Госполитиздат. Москва, 1971, стр. 30.

лавину шовинизма, проявившегося в псевдопатриотических призывах и лозунгах. Люди были полностью дезориентированы. Контрреволюция продуманно с помощью захваченных ее людьми средств массовой информации вызвала невероятную панику. Она перевернула наизнанку все основные понятия и ценности. То, что было легальным, провозглашалось нелегальным, в то время как всем нелегальным действиям контрреволюция придавала видимость легальности.

В этой сложной, поистине драматической обстановке подлинную государственную мудрость и прозорливость проявил президент Чехословацкой Республики товарищ Людвиг Свобода. В ту же ночь с 20 на 21 августа 1968 года и в последующие дни президент ЧССР распорядился отдать важный приказ, в котором предписывалось воинам чехословацкой Народной армии сохранять спокойствие, не вызывать столкновений с войсками союзников. Выполнение этих указаний президента способствовало тому, что были предотвращены события, которые могли бы иметь тяжелые последствия.

Но антисоциалистические силы не унимались. И после 21 августа 1968 года они всячески стремились вызвать в Чехословакии хаос, разложение, создавали постоянную напряженную обстановку и недовольство. Правые оппортунисты развивали лихорадочную деятельность, чтобы любой ценой помешать нормализации положения в партии и в ее отношениях с братскими партиями.

События, происходившие в те дни в ЧССР, наглядно подтвердили, сколь своевременным и мудрым было решение братских социалистических государств оказать неотложную помощь чехословацкому народу в его борьбе с поднявшей в стране голову контрреволюцией, поощрявшейся империалистами из-за рубежа. Благодаря этому решению удалось упредить действия контрреволюции. Она вынуждена была раньше намечавшихся ею сроков раскрыть свои планы. Маскировка была отброшена, и все здравомыслящие люди увидели подлинное обличье тех, кто до поры до времени укрывался под маской сторонника «гуманизма» и «демократии».

Пресса, состоящая на службе у своих империалистических хозяев, выболтала в те дни немало сведений, раскрывавших опасные планы и действия контрреволюционеров. Американские агентства и газеты, явно

переоценивая возможности врагов чехословацкого народа и думая, что их победа близка, раскрыли, что эти враги давно готовились к захвату власти.

Газета «Вашингтон пост», например, 26 августа 1968 года назвала «одним из крупных чудес» то, как была заблаговременно организована подпольная сеть средств массовой информации. Оказывается, в подполье были заблаговременно созданы штаб-квартиры, были установлены тайные радиопередатчики, которые вступили в действие «уже через несколько часов» после того, как в страну вступили войска союзных социалистических стран, спешившие на помощь чехословацкому народу.

На эти штаб-квартиры были вывезены «всевозможные досье, материалы, канцелярское и техническое оборудование», туда же немедленно ушел заблаговременно подготовленный персонал специалистов. Газета добавляла, что «радиопередачи велись с помощью весьма поразительно (!) сильных радиосигналов». По словам «Вашингтон пост», нелегальные радиостанции полагались на «подпольную информационную службу, на целую сеть информаторов».

Столь же тщательно была подготовлена сеть подпольных типографий, заранее снабженных «тщательно сбереженными (!) запасами газетной бумаги».

Американское агентство ЮПИ 23 августа, французское агентство Франс Пресс 24 августа, английское агентство Рейтер 25 августа, со своей стороны, привели большое количество фактов, подтверждавших, что контрреволюция заранее и весьма обстоятельно организовала свою подпольную сеть для ведения подрывной пропаганды.

Заблаговременно была намечена и расстановка сил для организации контрреволюционной деятельности. 26 августа, например, шведская газета «Афгонбладет» опубликовала интервью с неким «лидером социал-демократов Пресил Яныром, которое он дал в своей подпольной штаб-квартире «где-то в Праге». Яныр заявил, что в «ночь вторжения» он и его люди покинули Прагу, но на другой же день вернулись, чтоб организовать подрывную деятельность. Из этой штаб-квартиры, по его словам, осуществлялись «контакты со многими нелегальными газетами» и «связь с подпольной радиостанцией».

Корреспондент «Афтонбладет», рисуя обстановку в этом подпольном логове, добавил от себя: «Время от времени он (Яныр) отрывается от разговора и дает указания проходящим людям, говорит и передает указания по телефону, инструктирует. Люди приходят и уходят».

Прочитав это сообщение, я вспомнил, что за шесть дней до этого агентство Франс Пресс сообщило из Праги о том, что «где-то в Западной Моравии» состоялась встреча 150 чехословацких социал-демократов, которые обсуждали вопрос «о возрождении их партии, не существующей в настоящее время», причем на этом собрании присутствовали коммунисты, исключенные из партии. Это было 20 августа, как раз накануне вступления союзных войск в Чехословакию.

Полностью раскрыли себя в те дни и некоторые представители правых ревизионистских сил, сомкнувшиеся с контрреволюцией и фактически поставившие себя ей на службу. Уже 23 августа агентство Рейтер сообщило из Праги, что небезызвестный Цисарж, выступая по нелегальному радио, объявил, что он «возглавляет подпольное движение», причем добавил: «Я готов выполнить любую (!) задачу».

Ушел в подполье и министр внутренних дел Павел, прикидывавшийся ранее сторонником «гуманизма» и «демократии». 25 августа нелегальное радио передало беседу с Павелом, которую он провел в «одном из своих подпольных бюро», откуда «направляется деятельность его агентов».

В те же дни усиленно активизировался самозванный «исполняющий обязанности первого секретаря ЦК КПЧ» политический авантюрист Шилган. До поры до времени он оставался в тени, занимая скромный пост директора одного из институтов в Праге. Теперь же он был провозглашен незаконным собранием, присвоившим себе имя «чрезвычайного съезда КПЧ», партийным лидером. Первой же его политической акцией было выступление по подпольному радио с требованием выхода Чехословакии из Варшавского пакта и провозглашения нейтралитета.

Но деятельность обнаглевшей, полностью раскрывшей свое лицо контрреволюции отнюдь не исчерпывалась пропагандой. Она готовила переход к вооруженной

борьбе против здоровых патриотических сил Чехословакии и пришедших к ним на помощь союзных войск. 26 августа американская газета «Балтимор сан» сообщила: «Среди новостей, транслируемых свободными (?!) чехословацкими радиостанциями, передаются и зашифрованные сообщения... Имеются многочисленные доказательства того, что сейчас создается подпольная армия». Да, в эти дни подпольные радиостанции то и дело передавали шифрованные сообщения, которые на первый взгляд звучат невинно и даже игриво, но в действительности прячут за собой зловещие замыслы: «Жорж, тебя зовет козочка», «Кто с Мираком?», «Милада сейчас придет на помощь Елене», «Ангел недалеко».

По этим же каналам передавались инструкции уже сформированным подпольным отрядам: им приказывали задерживать, останавливать и пускать под откос воинские эшелоны, нападать на солдат союзных армий, не давать им ни хлеба, ни воды, «не жалеть советских солдат». 26 августа одна из радиостанций передала указание отравлять воду и пищу, которой питаются военнослужащие союзных армий.

Судя по всему, силы контрреволюции готовились развернуть широкую вооруженную борьбу с применением методов белого террора. При этом они делали ставку на то, что их зловредная пропаганда сумеет отравить сознание населения и облегчит таким образом осуществление их коварных замыслов.

Подпольные передатчики передавали одно сообщение лживее другого. То они сообщали, будто арестован президент Свобода, то передавали: «Сегодня Московское радио сообщило, что Александр Дубчек присужден к смертной казни». И все это сообщалось в то время, когда руководители Чехословакии вели в Москве переговоры, причем в ходе этих переговоров они неоднократно связывались с Прагой и беседовали с оставшимися там государственными и партийными деятелями.

По этим проискам контрреволюционеров был нанесен сокрушительный удар, когда Пражское телевидение показало кадры о теплой встрече президента Свободы в Москве. Деловые переговоры были успешно завершены, и делегация ЧССР во главе с президентом Свободой вернулась в Прагу, чтобы приступить к осуществлению намеченных решений.

Большим ударом по расчетам контрреволюционных элементов явилось одобрение 18 октября 1968 года Национальным собранием договора о временном пребывании советских войск в ЧССР. Принятие этого договора явилось важным политическим и психологическим фактором, который придавал уверенность всем подлинным коммунистам и честным приверженцам социализма, поддерживал и вдохновлял их на дальнейшую борьбу за очищение и укрепление всех социалистических ценностей.

Обстановка в Праге начала постепенно изменяться к лучшему. И хотя остававшаяся еще в течение нескольких месяцев у руководства группировка А. Дубчека все еще продолжала проводить двурушническую политику и, в сущности, срывала деятельность партии, направленную на преодоление кризисных явлений, здоровые силы Чехословакии и прежде всего коммунисты, оставшиеся верными ленинизму, шаг за шагом продвигались вперед, добиваясь нормализации обстановки в стране, восстановления порядка и законности, упрочения завоеваний социализма.

Это был сложный и длительный процесс, осуществившийся в полном соответствии с нормами социалистической демократии. Выступая с отчетным докладом на XIV съезде Коммунистической партии Чехословакии в мае 1971 года, Генеральный секретарь ЦК КПЧ товарищ Густав Гусак так говорил об этих памятных днях:

«Марксистско-ленинские силы в партии и в обществе вели с августа 1968 года по апрель 1969 года тяжелую и сложную борьбу. Они постепенно познавали друг друга, объединялись и привлекали на свою сторону тех, кто в начале сложной ситуации не сумел правильно ориентироваться. В данном случае в первую очередь было нужно, чтобы как можно скорее все честные люди распознали подрывные планы правых, антисоциалистических и контрреволюционных сил... В результате нескольких месяцев тяжелой борьбы в партии и обществе, благодаря усилиям и самоотверженному труду сотен тысяч честных коммунистов марксистско-ленинские силы сформировались в нашей партии настолько, что в апреле 1969 года Центральный Комитет смог принять решения о принципиальных изменениях в руководстве партии и вступить в решительную борьбу за устране-

ние глубокого кризисного положения в партии и обществе» *.

Для того чтобы вывести партию и общество из кризиса, Центральный Комитет КПЧ во главе с избранным на пост Генерального секретаря ЦК товарищем Густавом Гусаком развернул решительную борьбу против правых, ревизионистских и антисоциалистических сил, политически разгромил их и лишил возможности вести подрывные действия. Он восстановил марксистско-ленинские принципы социалистического общества, укрепил ценности социализма, ленинские принципы внутрипартийной жизни и постепенно решил сложные проблемы, накопившиеся на всех участках.

Как отметил в своем документе декабрьский Пленум ЦК КПЧ 1970 года, во всей этой борьбе большую роль сыграл товарищ Густав Гусак.

«В сознании здорового ядра партии и всех честных граждан нашего социалистического государства, — говорилось в этом документе, — прочное место занял Г. Гусак благодаря своим энергичным и смелым действиям по отношению к контрреволюции и своей последовательной интернационалистической позиции при решении всех вопросов, связанных с восстановлением товарищеского сотрудничества и идейного единства с КПСС и другими братскими партиями. В связи с этим положительная роль товарища Г. Гусака особенно проявилась в ходе переговоров между делегацией ЦК КПЧ и руководителями КПСС в Москве (октябрь 1968 года) и Киеве (декабрь 1968 года), где вместе с президентом республики товарищем Л. Свободой он значительно способствовал восстановлению и укреплению взаимного доверия».

Правда победила!

«Правда победит» — этот вещий девиз, начертанный на гербе Чехословакии, вновь и вновь вспоминаешь сегодня, оглядываясь на путь, пройденный с памятного дня 21 августа 1968 года, когда союзные государства выступили на защиту социалистических завоеваний чехословацкого народа и безопасности всего содружества братских стран.

* «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии». Госполитиздат, Москва, 1971, стр. 31

Еще кипели котлы с антисоветским варевом на адской кухне «холодной войны». Еще стучали с маниакальным упрямством вражеские телетайпы, повторявшие в тысячу первый раз злобные наветы на социализм. Еще сочились в эфире сиплые голоса, подстрекающие чехов и словаков к братоубийственной борьбе. Еще мельтешил в Лондоне дохленький «Антибольшевистский блок наций», только что организовавший трехдневную антикоммунистическую конференцию. Еще орудовало в самой Чехословакии злобное контрреволюционное подполье — распространялась же в сентябре 1968 года на заводе «Мотор» в Ческе-Будейовице листовка анонимного «Антикоммунистического комитета в Чехии»: «Братья, восстанем все под знаменем Массарика и нанесем кровавый удар нашим коммунистическим бестиям!..»

Но все чаще проскальзывали в этом нестройном хриплом хоре нотки обреченности и безнадежности: подписанный в Праге советско-чехословацкий Договор об условиях временного пребывания советских войск на территории Чехословацкой Социалистической Республики положил конец расчетам и надеждам врагов социализма.

«Русский престиж растет», — скрепя сердце написал уже в октябре 1968 года обозреватель «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер. И тот же Герман Кан в уже упомянутой мною выше статье, опубликованной в журнале «Форчун», рекомендовал правящим кругам капиталистических стран сделать для себя важные стратегические выводы. Вот что он писал:

«В физике иногда проводят решающий эксперимент, который вносит ясность в спор, решает его исход или же ведет к его возобновлению уже после того, как его считали решенным. Для многих специалистов по политическим проблемам чехословацкий кризис сыграл именно такую решающую роль. И потому, что предсказания исхода этого «эксперимента» — иными словами, того, как поведут себя советские руководители при определенных обстоятельствах, — оказались столь далекими (!) от истины, сейчас возникла необходимость пересмотреть некоторые из наших основных представлений об СССР...»

Ударяя кулаком себя в грудь, профессор несколько раз повторял: **«Многие американские специалисты по**

Советскому Союзу, в том числе и я сам (!), по-прежнему недооценивали способность руководства [социалистических стран] действовать решительно в защиту своих интересов»; «Мы поистине фантастически (!) недооценивали решимость советских руководителей»; была допущена «баснословная недооценка крепости нервов и решимости русских».

Директор Гудзоновского института пытался составить, как он выражается, «бухгалтерский баланс» операции, подсчитывая «актив» и «пассив» «чехословацкого эксперимента», и гадал о том, что будет дальше. При этом он опять-таки сделал несколько небезынересных признаний.

Во-первых, Кан предупредил, что и впредь энергичные действия социалистических стран смогут «свести к минимуму или приостановить» развитие тех тенденций, на которые делали ставку покровители и вдохновители этого «эксперимента».

Во-вторых, он заявил, что эти действия являются «предупреждением», что «не следует заходить слишком далеко» и что Советское государство «не станет бездействовать под влиянием своего стремления добиться разрядки с Западом».

В-третьих, он признал, что «терпение и в то же время несгибаемая решимость», проявленные Советским Союзом при оказании помощи чехословацкому народу в борьбе с антисоциалистическими силами, «могут вызвать новое восхищение и уважение к русским». **«Многим странам советский строй может показаться лучше [капиталистического]», — писал Кан.**

Особенно тревожило этого теоретика то, к каким выводам приходят народы молодых государств Азии и Африки, с явными симпатиями наблюдавшие за тем, как дружно и решительно дают отпор империализму и его агентуре социалистические страны, действующие единым фронтом.

Он писал, что их пример «может показаться особенно соблазнительным развивающимся государствам» и что «коммунистам сейчас значительно легче, чем год назад, повторять и расширять некоторые из аргументов, которые они приводили прежде, адресуясь к странам «третьего мира»: мы можем показать вам, как соблюсти свое достоинство и самоуважение, как быстро и эффективно модернизировать свое общество, не посту-

паясь в то же время теми ценностями, которыми вы привыкли дорожить. Мы умеем приучать людей к труду и дисциплине, умеем накапливать капитал, умеем сохранять свое национальное единство. При нашем строе молодежь вносит конструктивный вклад в общество, а не разрушает его. Мы умеем справляться с центробежными тенденциями».

Кана все это беспокоило тем более, что народы молодых стран видели реальные успехи в жизни и дружной борьбе социалистических стран против происков империалистов, в то время как США и Западная Европа являют собой, по его признанию, «картину анархии и внутреннего распада с характерными для него непрекращающимися бунтами и беспорядками».

Утешая разочарованных и обескураженных таким оборотом событий американских поборников «эксперимента» в Чехословакии, директор Гудзоновского института пускался в мутные рассуждения на тему о том, будто отныне в социалистическом содружестве может возникнуть... «сдвиг в сторону изоляционизма — современного варианта «социализма в одной стране».

Но такие голословные утверждения, конечно же, не казались убедительными даже читателям журнала «Форчун», которые привыкли относиться к Герману Кану как к оракулу, чье слово имеет большой вес в правящих кругах Соединенных Штатов.

Вернемся, однако, к главной сути рассуждений этого виднейшего американского теоретика «холодной» и «горячей» войны. В чем она состояла?

Суть эта, во-первых, заключалась в том, что Кан с полной откровенностью признал: в Чехословакии был предпринят «эксперимент», в ходе которого проверялась возможность реставрации капитализма «тихим» путем с последующим выходом на путь открытой агрессии против СССР и других социалистических стран.

Суть эта, во-вторых, состояла в том, что он с той же откровенностью признал провал этого эксперимента, вызванный тем, что его организаторы, как он пишет, явно недооценили решимость социалистических государств сообща отстаивать завоевания социализма в каждой отдельной стране.

Вывод для нас был ясен: мы должны и впредь бдительно следить за опасными происками наших врагов, которые, конечно, отнюдь не ограничатся признанием

своего провала и будут искать новых путей к достижению своей коварной цели. И «Правда» писала в те дни: «Мистер Кан не зря занялся самокритикой — она, конечно же, предвещает очередной пересмотр стратегии и тактики. Будем же держать ухо востро!»

Большое политическое значение имело и то обстоятельство, как реагировали на события в Чехословакии широкие круги международной общественности. Позитивное развитие обстановки в стране ошеломило и обезоружило клеветников, пытавшихся сбить с толку многих честных, но политически наивных людей рассуждениями о том, будто пребывание союзных войск на чехословацкой территории «незаконно» и представляет собой «интервенцию» и «оккупацию». Люди, поддавшиеся этим злостным утверждениям, убеждались в том, что их обманули. Процесс их отрезвления и политического прозрения ускорился.

Передо мною сейчас лежит груда пришедших в те дни со всех концов земного шара откликов на статьи в «Правде» по поводу чехословацких событий. Среди них, конечно, есть и злобные послания откровенных врагов — они, как правило, анонимны.

А из далекого Куала-Лумпура (Малайзия) мне прислали опубликованное в газете «Малай мейл» злобное сочинение западногерманского «путешественника» Вальтера Штолля, посвятившего свой досуг пропаганде... претензий на Чешские Судеты, — уточнялось, что он объехал уже 89 стран. Сей Штолль утверждал, ссылаясь на пресловутый доклад лорда Ренсимена Чемберлену, будто чехи «угнетали» судетских немцев, а вот гитлеровцы поступали великодушно: «Когда в 1938 году Судетская область демократическим путем (!) перешла к Германии, там не было кровопролития. Мы не отнимали у чехов их достояния. Например, до того, как было закончено строительство моего дома, я жил в одном доме с чешским почтальоном». И теперь герр Штолль снова претендовал на захват Судет!

То, что писалось и даже публиковалось во враждебной нам прессе, конечно, не было удивительно. Тут сочетались и истоки, и следствия психологической войны, которую мир капитализма ведет против мира социализма уже более полувека. И столь же закономерно и понятно было, что вопреки этой неистовой, разнузданной кампании клеветников все большее число разумно мыс-

лящих людей в капиталистическом мире правильно расценивало суть дела и твердо поддерживало решительную акцию социалистических стран, пришедших на помощь чехословацкому народу.

«От действий «либералов», орудовавших в Чехословакии, за километр несло гнилью и разложением, — писал мне из Нью-Йорка тридцатитрехлетний специалист по электронике Р. Купер. — Их действия представляли собой законченный акт предательства. На гнусных лицах западногерманских милитаристов нетрудно было заметить самодовольные ухмылки по поводу того, что их подрывная деятельность в Чехословакии начинала приносить плоды... К счастью, страны Варшавского Договора вовремя пришли на выручку народу Чехословакии. Но империалисты будут продолжать свою подрывную деятельность; поэтому сейчас необходимо еще активнее их разоблачать».

С острова Мальта члены группы «Антиимпериалистический фронт» прислали письмо, в котором писали: «Мы здесь открыто продемонстрировали свою солидарность с Советским Союзом и другими социалистическими странами, выступившими на помощь чехословацкому народу в борьбе с контрреволюцией, хотя, как вы знаете, Мальта, к сожалению, является опорным пунктом империализма, и членам нашей группы угрожали безработицей и т. п. и т. д. ... Мы будем признательны, если вы при первой возможности предадите гласности нашу солидарность с тем, чтобы показать нашим товарищам за границей, включая русский народ, что Антиимпериалистический фронт (Мальта) солидарен с Советским Союзом».

А вот что написал мне старый рабочий Уильям Т. Макграс из Смитфилда (Австралия) после того, как прочел в газете «Сидней геральд», что тогдашний австралийский премьер-министр Д. Гортон, этот активный участник интервенции во Вьетнаме, выступил в защиту контрреволюционных сил, орудовавших в Чехословакии, во имя «заботы о демократии»:

«Пожалуйста, не воспринимайте Гортона как выразителя взглядов всех австралийцев! Если бы у нас военная служба была добровольной, никто не пошел бы в армию, чтобы умирать за империализм янки. Австралийский рабочий класс полностью, на сто процентов, против этой бессмысленной бойни, но его мнение игно-

рируется и не публикуется в нашей «свободной печати», которая, конечно, в руках империалистов. Время от времени наша молодежь устраивает демонстрации против войны во Вьетнаме, но их разгоняют силой и бросают в тюрьмы. Эта грязная работа делается вооруженными бандитами в полицейской форме.

Вот за какую «демократию» ратует Гортон!

Я надеюсь, что вы опубликуете мои взгляды в «Правде», указав полное имя и адрес...»

В октябрьском номере английского марксистского журнала «Лейбор мансли» за 1968 год под заголовком «Чехословакия — урок для всех нас» была опубликована большая статья его главного редактора Палма Датта, старого коммуниста, который был членом Исполкома Компартии Великобритании с 1922 по 1965 год.

Отметив, что действия пяти социалистических государств — членов Варшавского Договора вызвали серьезные споры, расхождения во мнениях и критику, в том числе и внутри международного коммунистического движения, Палм Датт подчеркивал, что «только исторический результат, проверка практикой служат конечным арбитром». Пока что сам он не преодолел своих сомнений в том, насколько закономерны были действия союзных стран, но, как он писал, «вполне возможно, что на эту критику пять членов Варшавского Договора ответили бы заявлением, что... немедленные действия с достаточными мирными гарантиями социалистической революции до того, как пожар разгорится, были самым дальновидным и гуманным курсом действий, который предотвратил тяжелые страдания и гибель людей позднее».

А в том, что именно такая угроза нависала над Чехословакией, у Палма Датта сомнений не было:

«Опасное положение, вызванное усилившимся наступлением реакционных сил под лозунгами «демократии» и «свободы печати», — писал он, — и частичный паралич руководства, которое вело борьбу с этим наступлением только посредством устных призывов и предупреждений (и обещаний будущего закона о печати, тогда как опасность создавала нынешняя практика), вызвали у Советского Союза и ряда других социалистических стран — членов Варшавского Договора серьезное беспокойство, что это представляет собой знаковый путь к подрыву изнутри социалистического ре-

жима, как это было в Венгрии, и поэтому предотвращение такого оборота событий, открывающего врагу весь социалистический фронт, стало международным долгом».

Как отмечал Палм Датт, зарубежные покровители и вдохновители антисоциалистических сил, действовавших все наглее внутри Чехословакии, с циничной откровенностью признали теперь, что эти силы вели дело именно к контрреволюционному перевороту.

Тот же Палм Датт, размышляя об уроках этих суровых дней, вспоминал, что путь мировой социалистической революции на протяжении уже более чем полувека никогда не был гладким и легким. «За это время, — писал он, — были резкие повороты, столкновения, мучительные решения, в ряде случаев — резкие разногласия и последующие переоценки. Но караван шел вперед, в то время как любой другой путь, предлагавшийся для достижения социализма, — будь то через социал-демократов, лейбористское движение или «чистую демократию» Веймарской республики, — кончался полным фиаско».

Во время каждого обострения обстановки враг вопил о «подавлении демократии», «о попрании гуманности», о «нарушении суверенитета», но всякий раз оказывалось, что дело демократии, гуманности и национального суверенитета лишь выигрывало в результате смелых и решительных действий революционеров, продиктованных заботой о классовых интересах трудящихся.

Палм Датт вспоминал, что так было и в дни роспуска большевиками Учредительного собрания, и в дни восстания в Кронштадте, которое Запад приветствовал как великую «народную революцию», когда Милюков выдвинул лозунг «Советы без коммунистов», а делегаты X съезда РКП(б) вышли с оружием в руках спасти революцию; и в период событий в Грузии, когда Красная Армия вступила туда, чтобы помочь рабочим свергнуть поддерживаемое Антантой меньшевистское правительство; и в дни февральской революции 1948 года в Чехословакии; и в период событий 1956 года в Венгрии, когда советские войска помогли венгерскому народу подавить контрреволюционное восстание...

«Таким образом, — заключал Палм Датт, — за последние 50 лет исторический результат суровой про-

верки практикой доказал оправданность многих действий Советского Союза, которые широко осуждались в свое время врагами и порою критиковались друзьями, но которые впоследствии были признаны необходимой частью стратегии единственного в мире руководства, которое доказало на протяжении пятидесяти лет свою способность защищать и провести сквозь все бури и ураганы современного мира победоносную и крепнущую социалистическую революцию».

В те дни, как, впрочем, и теперь, в мировой печати, в том числе и в прогрессивной, много говорили о взаимоотношении национальных и интернациональных интересов. Многие в этой связи вспоминали, какой решительный отпор в дни переговоров о Брестском мире в начале 1918 года дал В. И. Ленин «левым коммунистам», которые тогда заявили в «объяснительном тексте» к резолюции Московского областного комитета РСДРП от 24 февраля 1918 года: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной».

В статье «Странное и чудовищное», которой Владимир Ильич ответил на это заявление, он подчеркнул, что созреванию революции на Западе «мы явно не помогли бы, а помешали, идя на возможность утраты Советской власти» *.

Да, Ленин был интернационалистом до мозга костей. Он призывал бороться против мелкобуржуазной узости, замкнутости, обособленности за счет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего. Но ему были глубоко чужды и неприемлемы рассуждения о «возможности утраты Советской власти». Он решительно и беспощадно боролся против носителей этих тенденций и добился победы, опираясь на поддержку русских большевиков, рабочего класса, всего трудового народа России и революционеров всех стран.

И здоровые силы Коммунистической партии Чехословакии, всего народа страны не поддались на хитрые маневры враждебных сил, делавших ставку на разжигание националистических настроений и на противопоставление их пролетарскому интернационализму.

«Уроки, извлеченные из больших испытаний, борьбы

* В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 403.

и упорных боев, — заявил декабрьский Пленум ЦК КПЧ 1970 года, — обязывают нашу партию, каждого коммуниста, каждого честного, верного социализму гражданина нашей страны оберегать и развивать социализм и уже впредь никогда и ни с какой стороны не допускать возникновения угрозы социализму, какими бы прекрасными словами и лозунгами это ни прикрывалось. Это наш революционный, национальный, классовый и интернациональный долг».

«Мы являемся прочной составной частью мирового социалистического содружества, — подчеркивалось в документе. — Наши успехи в прошлом и наш путь вперед тесно связаны с первой страной социалистической революции — Советским Союзом. Без его помощи мы не могли бы решать такие сложные и большие задачи, которые ставило и ставит развитие социализма в нашей стране. Наученные горьким опытом прошлого, мы как зеницу ока будем беречь святые заветы прогрессивных сил наших народов и союз с Советским Союзом — гарантию нашей национальной, социальной и государственной стабильности».

В отчетном докладе ЦК КПЧ XIV съезду партии было подчеркнуто особое значение этого решения. «Наша партия и общество, — заявил товарищ Гусак, — хорошо знают этот документ и согласны с ним».

И съезд в своей резолюции выразил искреннюю благодарность КПСС, Советскому правительству, советскому народу и остальным социалистическим странам, которые в трудные дни августа 1968 года пришли на помощь Чехословакии, за то, что они поняли обоснованные опасения чехословацких коммунистов и социалистически сознательных граждан за завоевания социализма и удовлетворили их просьбу о помощи.

Так завершилась эпопея борьбы за спасение социалистических завоеваний народа Чехословакии, которые были поставлены под угрозу коварными и хитрыми организаторами «тихой» контрреволюции, уже не выступавшими в открытую против идей социализма, а лишь лицемерно твердившими, будто они хотят «улучшить» его и придать ему «человеческое лицо».

Так был разоблачен до конца миф о «демократическом социализме», под флагом которого антисоциалистические силы рассчитывали осуществить фактическую реставрацию капитализма.

Эти господа явно недооценили силы и решимость преданного ленинским заветам рабочего класса Чехословакии и его авангарда — коммунистической партии, честных и мужественных деятелей этой партии, смело поднявшихся на защиту социалистических завоеваний.

Они явно недооценили силы и решимость социалистических стран, которые, выполняя свой интернациональный долг, протянули руку помощи своим братьям, попавшим в беду.

Пусть снова и снова изощряется их злобная пропаганда, пытаясь с помощью бесчисленных фальсификаций сбивать с толку людей, доказывая, будто подрывные действия против социалистических стран — это благо, а их братское сотрудничество в защите социалистических завоеваний — это зло.

Как бы ни вопили, как бы ни изворачивались они, дело их безнадежное!

Отравители



системе манипуляции сознанием народных масс, которая сейчас все шире применяется капитализмом и о которой теперь уже без всякого стесне-

ния открыто говорят представители буржуазной науки, печать, радио и телевидение занимают исключительно важное место.

Было время, когда буржуазия скрывала это подлинное назначение своей пропаганды, утверждая, будто хозяева информационных средств преследуют благородную цель объективного осведомления народа о том, что делается на свете. Но уже тогда В. И. Ленин, разоблачая эту уловку, показывал, что пресса нужна монополистической буржуазии для того, чтобы вводить в заблуждение массы и заставлять их мириться с эксплуатацией, а этого нельзя добиться, как подчеркивал он.

Владимир Ильич предупреждал при этом, что по мере того, как идейное влияние буржуазии слабеет, она везде и всегда прибегает и будет прибегать к «самой отчаянной лжи и клевете»*. Сейчас это предупреждение звучит особенно актуально: созданная буржуазией «широко разветвленная, систематически проведенная, прочно оборудованная система лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками» работает с полной нагрузкой и даже с перегрузкой, ревностно служа своим хозяевам.

Буржуазная пресса, радио и телевидение были в авангарде «холодной войны», которая на протяжении

* В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 352.

десятилетий велась против СССР и других социалистических стран. И даже сейчас, когда стало ясно, что политика «отбрасывания коммунизма», конфронтации потерпела провал и руководители крупнейших капиталистических государств, меняя политический курс, идут на установление отношений мирного сосуществования с миром социализма, на разрядку и деловое сотрудничество, инерция «холодной войны» по-прежнему даст о себе знать, и средства информации буржуазного мира с полным напряжением своих сил действуют в прежнем духе.

Приведу конкретный пример. Вспомним, как отчетливо вырисовывался этот контраст между конструктивным развитием международных отношений и деятельностью средств информации капиталистических стран осенью 1973 года — в канун второго тура Общевропейского совещания. Казалось бы, события тогда развивались благоприятно для дела мира и сотрудничества в Европе — в ходе подготовки к этому совещанию, а затем в ходе его первого тура, когда в Хельсинки встречались министры иностранных дел всех европейских государств (за исключением Албании, руководители которой предпочли сотрудничеству самоизоляцию), а также США и Канады, был достигнут существенный прогресс в деле упрочения европейской безопасности и расширения общеевропейского сотрудничества.

Министры решили провести второй тур переговоров в Женеве, где ответственные представители всех стран-участниц должны были выработать с учетом тех положений, которые уже выкристаллизовались в ходе подготовительных консультаций и сформулированы министрами иностранных дел, проекты документов. Окончательное утверждение их должно будет произойти на третьем этапе совещания, который, как считали многие его участники, должен был быть проведен безотлагательно еще в 1973 году, и притом желательно на высшем уровне.

Казалось бы, все благоприятствовало быстрому и успешному завершению переговоров, тем более что министры иностранных дел социалистических стран представили на рассмотрение совещаний тщательно разработанные проекты итоговых документов, в которых самым внимательным и лояльным образом были учтены соображения всех сторон. Эти документы, в особенно-

сти внесенный Советским Союзом проект «Генеральной декларации об обеспечении безопасности в Европе и общеевропейском сотрудничестве», были высоко оценены мировой общественностью.

И что же? В самый канун второго тура переговоров загремела во всю мощь канонада пропагандистской артиллерии буржуазных средств информации. Словно по команде, газеты, радио, телевидение капиталистических стран возобновили ветхозаветные утверждения о «советской угрозе» и начали твердить, будто разрядка опасна, поскольку она-де укрепляет позиции Советского Союза, давая ему передышку для подготовки... нападения на западные страны.

Знаменательно, что в эту кампанию тут же включилась пекинская пропаганда, которая с некоторых пор действует в унисон с самыми реакционными органами буржуазной прессы. Она, в свою очередь, начала высказывать деланные опасения, доказывая, что разрядка опасна и что западные державы, вместо того чтобы договариваться на деловой основе с социалистическими государствами, должны укреплять НАТО и западноевропейское экономическое сообщество и усиливать свои вооружения.

И тут мы увидели новое подтверждение мудрого замечания В. И. Ленина о том, что, когда позиции буржуазии ослабевают, она прибегает к «самой отъявленной лжи и клевете». Ухватившись за безответственные интервью, которые дали иностранным корреспондентам в Москве вставшие на враждебные позиции по отношению к собственной стране любимцы буржуазной прессы Сахаров и Солженицын, буржуазные пропагандисты начали поистине отчаянно вопить, что разрядка приносит страшный вред, поскольку-де она позволяет Советской власти «угнетать инакомыслящих», хотя всем известно, что этих «инакомыслящих» никто и пальцем не тронул.

Газеты, радио и телевидение западных стран дружно заговорили о том, что с социалистическими странами ни в коем случае нельзя договариваться о безопасности и сотрудничестве, пока они не изменят свою внутреннюю систему и не предоставят полной свободы антигосударственной деятельности для «инакомыслящих» и распространения антикоммунистической литературы.

Во всем этом не было ничего нового: с таких позиций буржуазная пресса выступает уже более полувека, с момента Октябрьской революции. Бросалось, однако, в глаза вот что: во-первых, точный расчет проведения очередной антисоветской кампании во времени — как раз накануне проведения второго тура Обще-европейского совещания; во-вторых, поразительная синхронность, с которой были взяты интервью у Сахарова и Солженицына и поднята в небывалых масштабах волна антисоветской пропаганды, выдержанной в духе худших образчиков «холодной войны».

Все это лишний раз подтверждает, что мощная пропагандистская машина буржуазии отнюдь не действует стихийно и вовсе не играет роли зеркала, в котором отражаются текущие события, как нас пытаются убедить теоретики и практики западных информационных служб; нет, буржуазная пропаганда, когда ей это необходимо, сама весьма ловко организует «информационные события» и ловко их эксплуатирует.

В этой главе, отнюдь не претендуя на исчерпывающую полноту освещения, я расскажу об отдельных сторонах деятельности этих отравителей общественного мнения, как справедливо именуется их прогрессивная пресса Запада.

Свобода печати?

О, до чего же любят буржуазные политики говорить о свободе печати! Они записали упоминания об этой свободе в конституциях своих государств, они прославляют ее на всех перекрестках, они уверяют, что в их странах любой человек может начать издавать свой печатный орган и писать в нем все, что ему вздумается, — совсем не то что в Советском Союзе, например, где частное лицо не может приобрести типографию, купить бумагу и начать печатать газету.

Всякий раз, когда мы встречаемся с журналистами буржуазной прессы, они заводят старый, как мир, разговор о свободе печати: вот, мол, западная печать, радио и телевидение свободны распространять любую информацию, какая вздумается их сотрудникам, а печать социалистических стран следует партийным уста-

новкам. Сколько раз нам подсовывали газету «Нью-Йорк таймс», рядом с заголовком которой печатается демагогическая фраза: «Все новости достойны опубликования».

Давайте же посмотрим, что представляет собой на практике эта «свобода печати», которая превозносится в капиталистическом мире как высшее благо буржуазного общества.

Точнее всего сформулировал сущность этой «свободы» В. И. Ленин, когда он написал: «Свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода покупать газеты, покупать писателей, подкупать и покупать и фабриковать «общественное мнение» в пользу буржуазии»*. Ленин говорил, что капиталистическая пресса является орудием наживы для богачей и орудием «обмана и одурачения для массы трудящихся»**. «Мы в «абсолюты» не верим», — подчеркивал он, полемизируя с оппортунистами, пытавшимися уже в те годы навязать партии буржуазное толкование «свободы печати», и требовал, чтоб в каждом конкретном случае ставился вопрос: «...какую свободу печати? для чего? для какого класса?»***. Эти вопросы и сейчас звучат остро и актуально.

Давайте же поглядим, «для какого класса» обеспечена «свобода печати» на Западе, кто там покупает газеты, чьим голосом они говорят.

Передо мной лежит документ, подготовленный факультетом журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, опирающийся на авторитетные статистические данные, которые были опубликованы ЮНЕСКО, официальными справочными изданиями США и Канады и другими источниками. Называется этот документ строго и спокойно: «Средства массовой информации капиталистических стран». Какие же сведения он содержит?

Начнем с того, что в капиталистическом мире почти половина всех средств массовой информации принадлежит всего лишь пятидесяти фирмам. Эти пятьдесят монополий владеют газетами, которые печатаются общим тиражом в 75 миллионов экземпляров, сорока

* В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 79.

** В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 329.

*** В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 78.

процентами еженедельников и подавляющим большинством радио- и телевизионных станций. Как указывал В. И. Ленин, «финансовый капитал создал эпоху монополий. А монополии всюду несут с собой монополистические начала» *, причем «издание газеты есть доходное и крупное капиталистическое предприятие, в которое богатые вкладывают миллионы и миллионы рублей» **.

Машина буржуазной пропаганды — это огромная и, надо отдать ей должное, мощная машина. В ее распоряжении газеты с миллионными тиражами, радио- и телевизионные станции дальнего действия, мощные кинофабрики. И вот что знаменательно: чем более мощной становится эта машина, тем сильнее ее концентрация. Хозяева пропагандистского аппарата стремятся сосредоточить все средства информации в руках кучки монополий, которые кормили бы читателя, слушателя, зрителя одной и той же унифицированной духовной пищей.

Помнится, когда я впервые приехал в США в 1946 году, в Нью-Йорке выходило 9 ежедневных газет (в начале века там было еще больше газет — 15!). Весной же 1969 года я застал в Нью-Йорке лишь три газеты: «Нью-Йорк таймс», издаваемую семейством Оксов — Сульцбергеров, «Нью-Йорк дейли ньюс», принадлежащую чикагской монополии Маккормика — Паттерсона, и «Нью-Йорк пост», находящуюся на содержании у миллионерши Шифф.

Аналогичный процесс концентрации происходит и в других капиталистических странах. В Англии, например, на моей памяти исчезли многие газеты, пользовавшиеся в прошлом большой популярностью как солидные и независимые органы печати. Вот хотя бы знаменитая либеральная газета «Ньюс кроникл», она продавалась в количестве свыше миллиона экземпляров (ниже я расскажу о ней подробнее). И все же даже при таком тираже она не смогла выдержать конкуренции с более мощными монополиями.

18 августа 1974 года финская газета «Хювюдстадс-бладет» опубликовала красноречивые данные: «Только с 1955 по 1971 год число газет во Франции сократилось

* В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 362.

** В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 210.

на 77 *, в ФРГ — на 135, в Швеции — на 35, в Дании — на 47, в Швейцарии — на 86. В Финляндии за это время «умерли» 24 газеты».

Весной 1967 года в бундестаге ФРГ состоялись необычные дебаты, темой которых было «вымирание газет». Выступивший от имени правительства статс-секретарь министерства внутренних дел Эрнст сообщил, что в ФРГ осталось 173 «самостоятельные редакции», а остальные 1059 газет представляют собой лишь филиалы или местные издания этих «самостоятельных» органов печати — они получают от своего центра готовый текст и добавляют к нему лишь местную хронику и объявления. В этой связи выступивший в бундестаге социал-демократ Зенгер напомнил, что когда-то в Германии было четыре тысячи газет.

В чем же тут дело? В ФРГ происходил тот же процесс, что в США и Великобритании: здесь выросла, например, крупнейшая в континентальной Европе газетно-журнальная монополия Шпрингера. Ей принадлежало 90 процентов тиража (90 процентов!) всех воскресных и 39 процентов общего тиража ежедневных газет. При этом на долю концерна Шпрингера приходилось четыре пятых тиража «надрегиональных» газет, то есть таких, которые читаются за пределами того города, где они издаются, и, следовательно, наиболее влиятельных. Остальные западногерманские газеты также были разделены между концернами прессы более мелкого масштаба.

Так мало-помалу крупнейшие монополии становятся безраздельными хозяевами буржуазной прессы.

Как бы признаваясь в этом, один из крупнейших «королей» буржуазной прессы, канадский мультимиллионер Рой Томсон, говорил: «Лично мне нравится (!) монополия. Я всегда предпочитаю монополии, если я ими управляю, потому что они, без сомнения, очень прибыльны». А другой — английский — король прессы Сесиль Кинг, оправдывая скупку и концентрацию газет, в свою очередь, утверждал: «Я думаю, что в газетном деле действуют те же силы, что и, скажем, на предприятиях химической промышленности и в портняжном деле. Мир входит в полосу уменьшения числа и увеличения размера предприятий».

* В 1974 году во Франции прекратили свое существование еще две газеты: орган деголлевской партии «Насьон» и газета «Комба».

Идя по этому пути, могучие газетные империи обеспечили себе высокие нормы прибыли: в газетном деле США — 14 процентов, Канады — 12—17 процентов, на американском телевидении — 90—100 процентов (1), на канадском — 90—98 процентов. Недаром тот же Томсон, располагающий сейчас капиталом не то в 300, не то в 350 миллионов долларов, похвально, что владение телевизионной станцией равнозначно получению «лицензии на печатание денег».

Эти баснословные барыши представляют собой главным образом доход от рекламы, в изобилии публикуемой в газетах и передающейся по телевидению. Доходы от рекламы в американских газетах почти утроились за последние двадцать лет, а доходы американского телевидения за этот же период выросли в двадцать один (1) раз. В 1970 году хозяева американских газет получили за публикацию рекламы 5,8 миллиарда долларов, а хозяева телевидения — 3,6 миллиарда. В ФРГ владельцы всех средств массовой информации в 1968 году заработали на публикации рекламы 15,5 миллиарда марок, причем значительную часть этих прибылей положил в свой карман все тот же Аксель Шпрингер, владелец разветвленной империи реакционнейших изданий*.

Как же выглядит расстановка сил в буржуазной прессе сегодня?

В Англии число газет сократилось с 1920 по 1970 год почти на 35 процентов. Теперь основные органы англий-

* Реклама является основным источником дохода буржуазной прессы. Поступления от розничной продажи газет покрывают не более одной трети, в лучшем случае около 40 процентов расходов, а подписка на газеты в капиталистических странах практически не существует. Между прочим, Аксель Шпрингер вторгся и в Западный Берлин, хотя по четырехстороннему соглашению эта территория не принадлежит ФРГ. Он построил на границе столицы ГДР огромный высотный дом, на крыше которого постоянно мигает световая газета, обращенная к ГДР, — она передает антикоммунистическую пропаганду. В Западном Берлине Шпрингер прибрал к рукам четыре ежедневные газеты, на долю которых приходится семьдесят процентов всего тиража прессы, распространяемой там. Каждый второй житель Западного Берлина покупает его бульварный листок «БЦ» — самую низкопробную и злобную антикоммунистическую и антисоветскую газету, отравляющую сознание людей.

«Никто и никогда не имел столько власти в Германии до Гитлера и после Гитлера, за исключением, быть может, Бисмарка и обоих императоров», — писал об Акселе Шпрингере в 1966 году гамбургский еженедельник «Дер шпигель».

ской прессы зажаты в железных руках «большой четверки» (1) издательских монополий — «Интернэшнл паблшинг корпорейшн», «Ассошиэйтед ньюспейпарз», «Бивербрук ньюспейпарз» и «Томсон организейшн».

Во Франции газетами владеют 11 издателей в Париже и 61 в провинции. Но львиная доля прессы принадлежит группам Ашетт, Пруво, Амори, Буссак — они контролируют восемьдесят процентов (1) парижских ежедневных газет, 23 еженедельника и 21 издание иной периодичности.

В ФРГ главным монополистом в прессе по-прежнему является Аксель Шпрингер — годовой оборот его концерна сейчас приближается к миллиарду марок. Общий разовый тираж его изданий — 15 миллионов экземпляров.

В Соединенных Штатах существует 157 так называемых «газетных цепей» — мощных трестов, владеющих газетами во многих городах. Над ними возвышаются десять основных монополий, контролирующих значительную часть общего тиража американских газет и извлекающих из этого бизнеса валовой доход в сумме 2,2 миллиарда долларов, что составляет четверть доходов всей американской прессы. Аналогичный процесс концентрации наблюдается и на телевидении, которое в условиях американской действительности является наиболее сильным орудием «манипулирования общественным мнением». Только три корпорации — Си-Би-Эс, Эн-Би-Си и Эй-Би-Си — контролируют почти шестьсот телевизионных станций!

Но и этого королям буржуазной пропаганды кажется мало. Им становится тесно в национальных границах, и вот уже щупальца их империй протягиваются далеко за рубежи метрополий. Тот же канадец Томсон, которому, по его выражению, «нравится монополия», контролирует средства массовой информации не только в Канаде, но и в Англии, Австралии, Канаде, Нигерии, Либерии, Таиланде и в других странах. В Англии, которая когда-то претендовала на роль законодателя в области прессы, он скупил уйму газет, в том числе даже «Таймс» — газету, которая долгое время кичилась своей мнимой независимостью, крупнейшие воскресные газеты «Санди таймс» и «Санди сан», пятнадцать ежедневных и более чем двадцать еженедельных газет, выходящих в провинции, и шотландское телевидение.

Большую предприимчивость на мировом рынке информации (да, информация теперь откровенно котируется на Западе как рыночный товар!) проявляют американские корпорации. Во-первых, необычно активизировались телеграфные агентства, которые своими целенаправленными сообщениями и комментариями как бы задают тон прессе многих десятков стран. Агентство Ассошиэйтед Пресс, например, торгует своей информацией более чем в ста странах, продавая ее четырем тысячам клиентов, а Юнайтед Пресс снабжает 6580 клиентов в шестидесяти пяти странах. Во-вторых, в последние десятилетия на мировую арену вышли многие американские журналы, распространяющие по всему миру свою пропаганду. На первом месте среди них находится рассчитанный на широкую публику «Ридерс дайджест», содержащий умело подобранные перепечатки из многих изданий, — он распространяется уже тиражом в 29 миллионов (!) экземпляров, причем большая часть этого огромного тиража уходит за границу. «Ридерс дайджест» выходит на 13 языках и распространяется более чем в ста странах.

Журнал «Тайм» обладает тиражом свыше пяти миллионов экземпляров — это детище покойного журнального короля Генри Люса, которым ныне умело руководит назначенный им самим преемник Доновен, — рассчитан на более узкий круг читателей, но политическое влияние его огромно. Между прочим, в какую бы страну вы ни поехали, вы обязательно увидите этот журнал на столах министров, депутатов, политических обозревателей. «Тайм» выходит шестью изданиями — американским, европейским, канадским, тихоокеанским, латиноамериканским, азиатским. Вслед за «Таймом» идет «Ньюсуик», который имеет три издания — американское, европейское и тихоокеанское. Его общий тираж — более трех с половиной миллионов экземпляров.

Я уж не говорю о радио- и телевизионной пропаганде, она приобрела поистине глобальные масштабы, причем деятельность ряда радиочастот, созданных в капиталистических странах, в первую очередь так называемых «Свобода» и «Свободная Европа», приобрела поистине пиратский характер. К этой теме мы еще вернемся.

Такова реальная действительность. Она убедительно подтверждает, что пресловутая «свобода печати» в ка-

питалистических государствах, сказками о которой буржуазная пропаганда прожужжала нам все уши, в действительности сводится лишь к «свободе покупать газеты, покупать писателей, подкупать и покупать и фабриковать общественное мнение в пользу буржуазии», как указывал В. И. Ленин.

Иной раз наши коллеги из буржуазной прессы, уязвленные тем, что их рассматривают как наемников, вынужденных фабриковать у большого газетного конвейера стандартные изделия буржуазной пропаганды, ссылаются на то, что в их контрактах предусматривается право излагать свое мнение. Но кому не ясно, что контракты заключают только с теми, кто заранее занял такие позиции, какие угодны хозяевам газеты?

Кстати, миф о том, будто руководители корпораций, которым принадлежат средства массовой информации, рассматривают их исключительно как машины для делания прибылей, предоставляя свободу действий журналистам и не влияя на содержание газет, давно развеян. Я не раз, например, бывал в редакции «Нью-Йорк таймс» и видел, что ее главный хозяин Сульцбергер отнюдь не довольствуется получением прибылей от этого мощного газетного предприятия, стоимость которого оценивается примерно в двести миллионов долларов, а самым активным образом участвует в делании газеты. Недаром говорит пословица: «Кто платит, тот и заказывает музыку...»

Нам говорят еще: все это так, но зато любой человек в США, Англии, Франции может основать газету и печатать в ней все, что ему вздумается. Но вот вопрос: сколько денег должен иметь в кармане этот «любой человек», чтобы начать издавать свой печатный орган и укрепиться на газетном рынке? Тысячу долларов? Миллион? Или еще больше? Вот какой ответ дает на это глубоко изучавший проблемы издательского дела на Западе Спартак Беглов в своей книге «Монополии слова»:

«Основание любого нового пропагандистского предприятия невозможно без вложения крупного капитала.

Вот как рос этот «задаток» с течением времени. В 1896 году Нортклифу понадобилось 15 тысяч фунтов стерлингов для основания в Англии газеты «Дейли мейл». В 1916 году Бивербруку уже пришлось вложить

57 тысяч в газету «Дейли экспресс»... Какой же капитал понадобился бы ныне, 40 лет спустя, для основания подобного предприятия, скажем, в той же Англии? Одни специалисты называют сумму в четыре миллиона фунтов стерлингов, другие — еще более высокую, однако большинство сходится на том, что в нынешних условиях концентрации газетного капитала и насыщения газетного рынка в Англии или любой другой стране капиталистического Запада всякое новое начинание обречено на неудачу даже при самых щедрых вложениях капитала». (Вот почему количество газет там не растет, а из года в год сокращается!)

В США для того, чтобы основать даже небольшую газету, потребовалось бы сейчас, по расчетам специалистов, от пяти до десяти миллионов долларов, во Франции — от двадцати до тридцати миллионов франков, в ФРГ — не менее 10 миллионов марок. Время от времени некоторые богатые предприниматели пытаются рискнуть и пробиться на газетный рынок с новым изданием. Но, как правило, эти попытки терпят крах. Так, во Франции в послевоенные годы умерли, не успев расцвести, газеты «Вэн-катр эр» («24 часа»), «Тан де Пари» («Парижское время»), «Пари-жур» («Парижский день») и другие. А ведь все эти газеты основывались богатейшими предпринимателями!

А если какой-нибудь бойкий американец в беседе с вами будет все же настаивать на своем и доказывать, что под сенью статуи Свободы любой человек может стать издателем газеты, попросите его припомнить историю некоего Маршалла Филда, который около тридцати лет тому назад, получив по наследству 184 миллиона долларов, вообразил, что на эти деньги он сможет издавать две независимые либеральные газеты — одну в Нью-Йорке («П. М.»), другую в Чикаго («Чикаго сан»); он хотел противопоставить их газетам известных своим мракобесием издателей Паттерсона и Маккормика.

Филд заявил, что это будут независимые газеты, дающие беспристрастную информацию. Он демонстративно отказался от приема платных объявлений, заявив, что рекламодатели душат свободу печати, навязывая зависящим от них газетам угодный им политический курс. Но с первых же шагов Филд убедился, что его 184 миллиона — сущая безделица в сравнении с тем,

что требуется для завоевания позиций в газетном мире Америки.

Прежде всего встревожившиеся конкуренты закрыли перед ним обычные каналы информации. Когда чикагские информационные агентства отказались обслуживать «Чикаго сан», Филд вышел из положения, создав собственную службу репортеров. Но для получения информации из-за рубежа такой прием спасти его не мог: было бы немыслимо пытаться создать собственную всемирную корреспондентскую сеть — на это не хватало денег. Между тем агентство Ассошиэтед Пресс наотрез отказалось обслуживать газеты Филда, а агентство Юнайтед Пресс заломило двойную цену. Потом начались трудности с рекламой газет, их распространением: ни одна фирма не хотела браться за это...

В конце концов Маршалл Филд, увидев, что его капитал быстро истощается, а успеха впереди не видно, охладел к своему делу. Осенью 1946 года он опубликовал заявление о том, что не намерен вечно тратить деньги на дотации «Чикаго сан» и «П. М.» и отказывается от принципа издания газет без объявлений. Тем самым он поставил обе свои газеты вровень с остальными буржуазными изданиями.

Год спустя Филд продал газету «П. М.» издателю Маккиннону, который немедленно уволил всех сотрудников, заявив, что примет их обратно лишь в том случае, если они выйдут из союза журналистов. Еще некоторое время спустя газета прекратила свое существование. А «Чикаго сан»? Она слилась с реакционной газетой «Чикаго таймс», причем опять-таки были уволены восемьдесят пять сотрудников, которых сочли «слишком либеральными».

Так закончился этот эксперимент, дающий убедительный ответ на вопрос о том, может ли «любой человек» издавать газету в капиталистическом мире даже в том случае, если он располагает солидным капиталом. Монополии, безраздельно контролирующие газетный рынок, беспощадно сокрушают всякого новичка, который туда сунется.

Еще более свирепо эти монополии ведут борьбу против оппозиционной прессы, прежде всего против газет, выступающих в защиту трудового народа. Пример: исчезновение в середине шестидесятых годов крупной и весьма популярной в прошлом газеты «Дейли геральд»

в Лондоне. Я расскажу о некоторых подробностях этого поучительного события.

Газета «Дейли геральд» была основана 25 января 1911 года рабочими одной лондонской типографии, которые, стремясь добиться поддержки общественности в своей борьбе за сокращение рабочего дня, начали публиковать листок под этим названием. Он достиг тиража в 20 тысяч экземпляров, но через три месяца был задан. Однако год спустя рабочие организации создали комитет, который, преодолевая огромные трудности, вновь начал издавать «Дейли геральд».

К 1922 году эта газета стала официальным органом конгресса тред-юнионов (английских профсоюзов) и лейбористской партии. Рабочие читатели поддерживали «Дейли геральд». И год спустя она приобрела самый большой по тем временам тираж среди всех ежедневных газет мира — свыше трех миллионов экземпляров.

В дальнейшем, как известно, лейбористская партия не раз обманывала надежды рабочего класса, и всякий раз избиратели охладевали к ней: все чаще на выборах к власти приходили консерваторы. Газета «Дейли геральд», отражавшая политические позиции лейбористов, в свою очередь, разочаровала своих читателей, и ее тираж снизился до 1 миллиона 300 тысяч экземпляров.

Конечно, и эта цифра немалая; казалось бы, в нормальных условиях такая газета должна жить безбедно. Но в том-то и заключается хитрость организаторов газетного рынка в капиталистическом мире, что они проводят такую политику цен, которая позволяет владельцам газет даже с большим тиражом избегать дефицита лишь в том случае, если они получают от торговых фирм для публикации на своих страницах достаточное количество высокооплачиваемых рекламных объявлений.

Газеты продаются, как правило, ниже себестоимости, доход от их продажи не покрывает издержек производства. И делается это, конечно, отнюдь не в интересах читателя, не ради того, чтобы он покупал газету подешевле, а только потому, что владельцам монополий надо, чтобы пресса не выходила из-под их контроля! Если та или иная газета вдруг займет «неподходящую» линию, над ней немедленно будет занесен карательный меч: ей перестанут давать рекламные объявления, и она окажется на мели.

Лейбористская партия и профсоюзы не захотели или

не сумели поддержать свою газету. И вот сначала хозяева «Дейли геральд» продали 51 процент акций этой газеты одной капиталистической фирме и, по существу, утратили свой контроль над ней, а осенью 1964 года, когда дела «Дейли геральд» ухудшились еще больше, ее попросту закрыли.

Место «Дейли геральд» на газетном рынке немедленно заняла новая буржуазная газета «Сан» («Солнце»), созданная всемогущим газетным королем Сесилем Кингом, которому принадлежит множество других газет и журналов. Сесиль Кинг объявил, что «Сан» явится «независимым органом, который будет обращаться к восходящим поколениям».

Какой же политический смысл скрывался за этим маневром крупнейшей монополии, который, бесспорно, обошелся ей безумно дорого? Смысл заключался в том, чтобы перехватить всех читателей покойной «Дейли геральд», а затем расширить влияние и на других членов английских профсоюзов и сторонников лейбористской партии. Впрочем, несколько лет спустя скончалась и газета «Сан»: как и многие другие, она не выдержала конкуренции с более сильными соперниками.

Таким образом, даже крупным политическим партиям подчас оказывается трудно, если не невозможно, сохранить, а тем более создать свою ежедневную газету. Не смогла до сих пор создать такую газету социал-демократическая партия ФРГ, у нее лишь еженедельник «Форвертс». Нет своих газет у социалистической, радикальной и ряда других партий во Франции.

Только коммунистические партии, наиболее сплоченные и организованные, следуя примеру Ленина и его учеников, сумели ценой поистине героических усилий создать на деньги, собираемые рабочими-коммунистами буквально по копейке, свою рабочую прессу. Ее существование необычайно трудное: рекламы коммунистические газеты почти не получают, бумага необычайно дорога, типографские расходы также высоки, органы распространения прессы, находящиеся в руках мощных трестов, бойкотируют коммунистическую прессу, и коммунисты часто, как, например, во Франции, сами выходят на улицы, чтобы продавать газеты. Но можно ли все это назвать свободой печати?!

Я уж не говорю о таких важнейших средствах массовой информации, как радио и телевидение, — овла-

деть этими наиболее дорогостоящими предприятиями для прогрессивных сил в капиталистической стране — дело поистине невысказанное.

Но вернемся к вопросу о том, как функционирует буржуазная печать, именуемая себя вопреки всем очевидным фактам свободной. Как я уже говорил, кадры журналистов, работающих в этой печати, подбираются в соответствии с политическим курсом того или иного органа прессы, той или иной «цепи» радио или телевидения и действуют соответственно. Ориентацию они получают от специально созданных соответствующими органами инструктивных центров, именуемых органами «по связи с общественностью».

Вот как действует, к примеру, соответствующая служба Пентагона, американского министерства обороны, которое было и остается важнейшим центром сопротивления политике разрядки международной напряженности. В 1970 году американский сенатор Фулбрайт, выступавший за прекращение войны во Вьетнаме, опубликовал сенсационные данные о том, как Пентагон организует свою пропаганду.

Выяснилось, что в недрах этого гигантского ведомства была создана целая сеть рекламных отделов и специальных служб, связанных со средствами массовой информации. Оказалось, что Пентагон расходует миллионы долларов на подготовку нужных ему статей, радиопередач, телевизионных программ, кинофильмов. Только на постановку кинофильмов, пропагандирующих войну и гонку вооружений, Пентагон расходовал шесть с половиной миллионов долларов в год. В адрес 2700 радиостанций и 546 телевизионных студий рассылалось двенадцать тысяч записей в год. Пресс-бюллетени направлялись в редакции шести с половиной тысяч газет. А всего на пропаганду Пентагон тратил кругленькую сумму — тридцать миллионов долларов в год!

Если же говорить об общем направлении деятельности буржуазной прессы, то, что бы нам ни говорили о ее мнимой свободе, она определяется руководством страны. Об этом с полной откровенностью написал 28 декабря 1972 года хорошо знающий «кухню новостей и комментарий» обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Том Уикер. Он заявил, что «фельетонисты и авторы редакционных статей могут брюзжать, жаловаться, анализировать и дискутировать», но «заголовки и

основные информационные сообщения» определяют руководители США. Они, писал Уикер, «играют на прессе, словно это орган, и извлекают из этого инструмента те звуки, какие им хочется слышать».

«Им это удается, — разъяснил Уикер, — по двум основным причинам: во-первых, когда речь идет о вопросах, затрагивающих национальную безопасность, например, о переговорах о мире, им удается сделать имеющуюся в их распоряжении фактическую информацию тайной, в которую посвящено лишь очень небольшое число должностных людей. Во-вторых, в силу традиции и морали (?!) американская печать уделяет первоочередное внимание информации, полученной из официальных источников, в частности «конфиденциальной» информации, поступающей из самых высоких правительственных сфер». Эта информация обычно обозначается так: «Высокопоставленный представитель Пентагона сказал...», «Как заявил хорошо информированный дипломат...», «По словам осведомленного должностного лица...» и еще туманнее: «Как полагают в информированных кругах...»

«Поскольку только эти «анонимы» могут сообщить «информацию», — продолжал Том Уикер, — журналистам приходится добиваться к ним доступа. Получив такой доступ, приходится соглашаться не называть источники. Даже тогда, когда оказывается, что сохранение тайны источника информации служит ширмой, под прикрытием которой вводится в заблуждение общественность, даже в этом случае приходится хранить эту тайну, если корреспонденты хотят и впредь иметь доступ к этим должностным лицам, которые остаются единственными людьми, располагающими «официальной» информацией, которой так жаждет американская печать».

Правда, бывает, хотя и весьма редко, и так, что буржуазная печать или, по крайней мере, ее наиболее влиятельные органы вдруг, словно по команде, начинают штурмовать руководство своей страны, как это случилось в США в 1973 году, когда вдруг из архива было поднято пресловутое «Уотергейтское дело», о котором я уже упоминал в начале этой главы, и начались самые яростные атаки против Белого дома, длившиеся весь год.

Было бы наивно, однако, думать, что такие кампа-

нии начинаются по инициативе какого-то смелого репортера. (А в случае с «Уотергейтским делом» была пущена в ход именно такая легенда: писали, будто это дело было раскрыто репортерами газеты «Вашингтон пост».) Нет, дело обстоит значительно серьезнее. Такие кампании предпринимаются по воле весьма влиятельных и сильных монополистических кругов, для которых правительство — лишь «лояльный управляющий», как когда-то выразился покойный лидер французских социалистов Леон Блюм. И если они начинают сомневаться в его «лояльности» или послушании, то тут же сложный и мощный механизм пропаганды, который до этого работал на правительство, обращается его хозяевами против правительства.

Главным центром пропагандистского механизма Пентагона было бюро помощника министра обороны «по общественным делам» некоего Артура Сильвестера. Это была поистине грандиозная машина. В течение шести лет Сильвестер возглавлял пропагандистский аппарат Пентагона, который при нем особенно разросся. Под ударами его пропагандистского хлыста американская печать послушно прославляла американский империализм, пыталась обелить агрессию США в Юго-Восточной Азии, Панаме, Доминиканской Республике, Африке и других районах земного шара. Это Сильвестеру принадлежат знаменитые слова о том, что «содержание информации, поставляемой правительством, является частью арсенала оружия (!), которым располагает президент... Он может использовать это оружие наряду с военными и другими средствами для решения политических проблем. Информация — это наше оружие». Больше того, этот представитель Пентагона позволил себе с циничной откровенностью заявить, что «правительство имеет право лгать», и на практике широко использовал это изобретенное им «право».

Именно с именем Сильвестера было связано рождение в начале шестидесятых годов так называемой политики «управления новостями». В соответствии с этой политикой печати представлялись лишь выгодные для Пентагона факты и скрывались невыгодные. Больше того, Сильвестер был автором многочисленных заявлений Пентагона, которые преднамеренно вводили в заблуждение общественность относительно целей и методов США во вьетнамской войне. Именно он упорно пы-

тался опровергнуть сообщения о том, что американская авиация сбрасывает бомбы на гражданское население Вьетнама.

И что же? Когда фигура Сильвестера стала поистине одиозной и в январе 1967 года ему пришлось уйти, тогдашний президент Джонсон в письме к нему выразил «огромную благодарность» за проделанную в Пентагоне работу, «за абсолютную лояльность, решительность и смелость». И никого не удивил тот факт, что преемник Сильвестера, бывший его заместитель Фил Гоулдинг, продолжал действовать в том же духе...

Вот так и живет, так и действует «свободная пресса» «свободного мира», запряженная в колымагу монополий и обузданная уздой специальных служб вроде службы «по общественным делам» Пентагона.

Нет, господа, вам не удастся черное выдать за белое. Вам никуда не уйти от того бесспорного факта, что в капиталистическом мире свобода слова принадлежит миллиардерам, да и то не всем, а лишь тем, которые ухитрились прибрать к рукам одну-другую сотню газет, радио- и телевизионных станций.

Ядовитый товар

Бывший редактор покойной английской газеты «Дейли геральд» Френсис Уильямс заметил однажды, что газеты в капиталистических странах «стали коммерческими предприятиями», а журналистика «превратилась в отрасль коммерции». Он сказал в связи с этим, что журналист в Англии превратился в «ремесленника, нанимаемого для того, чтобы изготавливать изделия, приносящие прибыль, словно речь идет о производстве бисквитов и мыла».

Уильямс, конечно, не договаривал до конца. Коммерция коммерцией (издание газет, бесспорно, приносит огромные доходы монополиям), а политика политикой. И тот «бисквит», который приобретает покупатель в газетном киоске где-нибудь у Трафальгар-сквер в Лондоне, на Больших бульварах в Париже или на Бродвее в Нью-Йорке, как правило, пропитан ядом. Это яд дезинформации, лжи и клеветы, сфабрикованный в соответствии с последними установками тех, кто уже без малого полвека ведет политическую и психологическую вой-

ну против нового, свободного мира, кто неустанно воюет с рабочим классом собственной страны, кто всеми силами противится социальным переменам, кто все еще отчаянно сопротивляется окончательной ликвидации прогнившей колониальной системы.

Подойдем же к рядовому газетному киоску — ну, например, на Бродвее, — к киоску, за стойкой которого стоит скромный продавец, вряд ли имеющий представление о том, какая роль предназначена ему в планах тех, кто занят отравлением общественного мнения. Подойдем к нему и внимательно рассмотрим его пестрый товар...

Вот перед вами рассчитанные на «массового читателя», богато иллюстрированные пухлые газеты объемом до семидесяти-ста страниц. Всю первую страницу какой-нибудь «Нью-Йорк дейли ньюс» занимает аншлаг, напечатанный дюймовыми буквами, и самое сенсационное фото текущего дня — труп очередной жертвы бандитов, пылающий самолет, портрет только что арестованного убийцы. Именно эти газеты обладают наибольшим тиражом.

Заголовки ошарашивают вас: за ваши центы вас до отвала накормят описаниями убийств, катастроф, мошенничеств, свадеб, великосветских балов. Если просматривать все эти газеты номер за номером, то можно невольно подумать, что, кроме убийств и катастроф, громких судебных процессов, в США ничего не происходит: их страницы буквально испещрены безукоризненно выполненными с технической точки зрения фотографиями разбитых автомобилей, трупов, драк. Чем страшнее и отвратительнее эти снимки, тем более удачным считается здесь номер газеты — ведь он должен **ошеломить** читателя.

Вот передо мной газета «Франс-суар», принадлежащая, как я уже писал, всемогущей фирме «Ашетт». На первой странице две фотографии, снятые крупным планом: человек падает с головокружительной высоты, сейчас он разобьется насмерть. Над ним надпись: «Ужасный прыжок самоубийцы. Сейчас он разобьется, прыгнув в ледяную воду с высоты 80 метров». И подпись: «Питтсбург, 23 ноября (агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл)». Это драматическая фотография, показывающая самоубийство. Отчаявшемуся Джорджу Р. Славину было 60 лет... В воскресенье он

решил покончить с собой. Он поднялся на один из быков моста Форт-Питт в Питтсбурге. За ним шел фотограф телевидения.

Этот фотограф, видимо, неплохо заработал на своем снимке!

Вот еще одна сенсация из той же газеты. На снимке вы видите хорошо одетого господина, который ведет на поводке двух мохнатых собачонок. Пояснительный текст гласит: «Граф де Тюрто сам прогуливает своих собак: его прислуга убита. Начиная с воскресенья граф де Тюрто вынужден сам прогуливать своих двух маленьких собак: его прислуга Луиза Алляр, 40 лет, исчезла. Сегодня утром труп служанки был найден в подвале дома № 21 по улице Джорджа Пятого. Она была задушена во время сцены ревности ее другом, лакеем графа де Тюрто, Виктором Трусе, 38 лет».

Подумайте только, бедный граф! Газете жалко его до слез, он вынужден сам выводить своих собак на прогулку. А убитая прислуга? Ну что ж, ей не повезло...

Ради сенсации репортер идет на все. Вот передо мной газета «Пари-пресс», принадлежавшая той же всемогущей фирме «Ашетт» (и она, бедняга, скончалась, ее проглотила «Франс-суар», принадлежащая тому же тресту «Ашетт»). Аншлаги на восемь колонок гласят: «Мадам Рене Бушье была на каникулах в Трувилле со своими четырьмя детьми. Жена пилота узнает о его смерти по радио, находясь в автомобиле нашего специального корреспондента. До этого от нее скрывали важную новость».

И далее — обильно иллюстрированный рассказ; репортер Робер Жуайо (кстати, по-русски его фамилия означает «Веселый») во всех подробностях описывает, как он первым из всех журналистов разыскал несчастную вдову убитого пилота, которая еще ничего не знала, и сделал так, чтобы она в его присутствии узнала трагическую весть: было страшно важно во всех деталях расписать, как она отреагирует.

Для начала репортер сказал этой женщине, что самолет ее мужа «находится в трудном положении». Она заметалась, начала звонить куда-то по телефону, чтобы узнать, в чем дело. Репортер сфотографировал ее охваченное предчувствием беды лицо. Вот этот снимок — он здесь, на газетной странице. Попутно корреспондент снял оставленную на столе для папы, которого ждала

семья, записку шестилетнего сынишки, которого уже уложили спать: «Папочка, я сплю хорошо, я ем хорошо, я послушный». Но впереди было самое сенсационное: репортер хотел увидеть, как поведет себя жена пилота, когда она узнает, что он мертв. И вот его рассказ об этой долгожданной минуте:

«Она уже сходила с ума от тревоги, но держала себя в руках. Часом раньше в Трувилле супруга командира воздушного корабля Робера Бушье попросила меня отвезти ее в Париж...

Она знала, что самолет, летевший в Браззавиль, исчез, — не больше.

Мы мчались в ночи. Она захотела послушать радио.

И правда грубо открылась этой 30-летней женщине, матери четырех детей: «Самолет разбился. Никто не спасся».

Мадам Рене Бушье узнала о своем несчастье с судорожным стоицизмом, более волнующим, чем истерика со слезами.

Застыв на сиденье, глядя прямо перед собой сухими глазами, она приняла этот удар в присутствии чужого человека, каким я был для нее».

Бесстрастный репортер регистрировал все эти детали ради сенсации, и он добился успеха. Впоследствии рассказанная им история легла в основу фильма. Правда, авторы фильма оказались более человечными: они повернули эту историю против тех, кто в погоне за сенсацией готов, что называется, с сапогами влезть в душу к человеку. Но ни «Пари-пресс», ни другие подобные ей газеты от этого ни на йоту не изменились.

Высоко котируются на бирже газетных сенсаций истории из интимной жизни королевских семей и кинозвезд, крупных промышленников (правда, не всех, а лишь тех, кто сам заинтересован в рекламе). Вот характерные заголовки, взятые только из одного номера воскресной газеты «Франс-диманш», выходящей тиражом около полутора миллионов экземпляров:

«Тони должен был жениться на мне» (рассказ некой Джекки Хан о том, как английская принцесса Маргарет разбила ее счастье, выйдя за придворного фотографа, с которым у нее был роман).

«Сорейя: я не жду больше никого» (Сорейя — бывшая жена иранского шаха).

Еще одна сенсация. Ежегодно 14 июля французы

празднуют свой национальный праздник — день взятия Бастилии. Многие вспоминают, как в 1940 году, когда гитлеровцы хозяйничали во Франции, парижане в этот день, рискуя жизнью, вышли на демонстрацию — это был их ответ на состоявшийся за несколько дней до этого визит Гитлера в Париж. И вот теперь еженедельник «Франс-диманш» в такой день не находит более актуальной и разумной темы, чем вот этакая дрянь. Аншлаг на всю полосу — «Единственная подлинная любовница Гитлера наконец говорит: «Гитлер дал мне мой первый поцелуй». И дальше следуют любовные письма, рассказы о встречах влюбленных. Герой этих рассказов — Гитлер: «У него был нежный голос... Он мне говорил: «Вы моя судьба...»

И так далее, и тому подобное. Нет нужды в том, что мутный поток этих грязных сенсаций развращает людей, уродует их психику, поощряет рост преступности. Зато тираж обеспечен!

Излюбленная тема прессы, рассчитанной на массового читателя, — жизнь королевских семей и миллиардеров. Из номера в номер эти газеты расписывают малейшие детали из жизни сильных мира сего, разжигая обывательский интерес к ней.

Подлинной находкой для манипуляторов общественного мнения явилась сенсационная женитьба греческого миллиардера-судовладельца Онассиса на вдове покойного американского президента Кеннеди. Этому сюжету были посвящены бесчисленные статьи, фотографии, книги. Неожиданная сенсация позволила проделать ловкую политическую операцию: затушевать зловещую роль этого миллиардера в жизни Греции. Онассис не только беспощадный эксплуататор моряков, он еще и покровитель пресловутой хунты «черных полковников», захватившей власть в этой стране. Теперь же он выглядел в глазах читателей газет лишь как благородный седовласый муж вдовы американского президента.

Когда интерес к самому факту этой странной женитьбы, в основе которой, как походя признавались некоторые газеты, лежали чисто материальные соображения, рассеялся, буржуазная пресса начала искать побочные сенсации, подчас самого дурного пошиба. Парижская газета «Паризьен либере», например, в канун 1972 года посвятила целые две страницы «мемуарам»... бывшего метрдотеля Онассиса, описывавшего пикант-

ные подробности интимной жизни своего бывшего хозяина. Любопытно, что он сам признался во вступлении к этим писаниям: «Я — иуда». А редакция, комментируя свою публикацию, писала: «Большая часть лакеев может многое рассказать о жизни своих хозяев. Что это, сплетни? **Может быть!**» Это «может быть» не помешало редакции опубликовать все сплетни, какие мог собрать этот «иуда».

Прошел год, и мир желтой журналистики был потрясен новой сенсацией, связанной с жизнью семьи Онассиса: в декабре 1972 года итальянский порнографический журнал «Плэймен» (а надо вам сказать, что с некоторых пор на Западе порнография вошла в моду и в прессе, и в кино, и в театре и теперь в «высшем свете» отнюдь не считается зазорным держать на виду журналы с непристойными фотографиями и рисунками) опубликовал 38 (тридцать восемь!) фотографий обнаженной жены Онассиса — бывшей Джекки Кеннеди.

Ловкие фотографы журнала «Плэймен» сумели незаметно подобраться к «частному» острову греческого миллиардера — Скорпио, где он, его супруга и их гости не считают нужным стесняться кого-либо и чего-либо, и нащелкали целую коллекцию сенсационных снимков. Издательница журнала, богатая и весьма популярная в итальянском «высшем свете» синьора Аделина Таттило, решила их опубликовать. «Я видела, — заявила она, — что эта чета ведет очень свободную жизнь, показывая себя без всяких комплексов и стеснений. Поэтому я приняла решение напечатать эти снимки».

Публикация вызвала сенсацию. Журнал «Плэймен», выходящий обычно тиражом 450 тысяч экземпляров, на сей раз разошелся в 750 тысяч экземпляров. Снимки, изображающие Джекки Кеннеди-Онассис в чем мать родила, были перепечатаны во многих странах. Шум поднялся невероятный. Ну а какова была реакция самой четы миллиардеров?

«Я думаю, что это был выдающийся подвиг — сделать эти снимки с далекого расстояния», — заявила Джекки представителям прессы. А ее супруг добавил: «Я тоже раздеваюсь». И это все!

Видимо, Онассис и его супруга сочли, что эта публикация явилась для них хорошей рекламой...

В погоне за сенсацией, которая могла бы пощeko-

тать нервы обывателю, буржуазная журналистика не останавливается ни перед чем. Вспоминается такой случай. В последние дни 1971 года в парижской больнице Неккер агонизировал тяжело больной Морис Шевалье, весьма популярный французский певец и актер. И вот газета «Франс-диманш», стремясь опередить своих конкурентов, 27 декабря вышла со специальным номером, на первой полосе которого аршинными буквами было напечатано: «Душераздирающий конец Мориса Шевалье». И через всю полосу шел аншлаг: «Мама, мама», — пробормотал он, и его глаза медленно закрылись».

Газета сообщала, что артиста перед смертью в течение часа исповедовал овященник, — она даже опубликовала фотоснимок этого священника, привела трагические детали мучительной смерти Шевалье, ссылаясь на беседу с сиделкой, которая не отходила от его смертного одра. И тут же было помещено подробнейшее описание «трагических и счастливых любовных историй Мориса Шевалье, рассказанных им самим», — это был гвоздь номера.

К несчастью для издателей и редакторов газеты «Франс-диманш», к моменту выхода их газеты в свет Шевалье еще не умер. Более того, ему на некоторое время стало легче, и 28 декабря газета «Пари-жур» (между прочим, вскоре закрывшаяся, не выдержав конкуренции, как и многие другие) написала: «Это почти чудо: Морис Шевалье уселся в кресло».

Номер «Франс-диманш», описывавший его смерть, а заодно историю его «трагических и счастливых любовных историй», якобы рассказанную им самим, ему, конечно, не показали. Газета «Юманите» зло высмеяла нравы желтой журналистики. Но издателям «Франс-диманш» все было как с гуся вода. Они выпустили второе издание этого злополучного номера своей газеты, заменив материалы о «смерти Шевалье» другими, и на том дело и кончилось. Что возьмешь со «свободной прессы»?..

В более сложном положении оказались американский журналист Клиффорд Ирвинг и его жена Эдит, которые задумали опубликовать «мемуары» американского миллиардера Говарда Хьюза, известного своими эксцентрическими выходками. В последние годы этот миллиардер перестал появляться на публике и жил

где-то в полном уединении. Все начали думать, что он умер: его никто не видел с 1958 года.

И вот Ирвинг решил сочинить апокрифические мемуары Хьюза и дорого продать их жадным до сенсаций издателям. Увидев автограф Хьюза, опубликованный в одном из журналов, он мастерски овладел его почерком и научился виртуозно копировать его подпись. Остальное было пустяком: он сам сочинил несколько писем, якобы полученных им от Хьюза, причем в одном из них как бы мимоходом были брошены такие фразы:

«Я не хотел бы умереть, не рассеяв некоторых недоумений и не сказав правды о моей жизни... Я очень сожалею о некоторых вещах в моем прошлом, но я их не стыжусь. Я был бы вам признателен, если бы вы сообщили мне, когда и как вы намерены начать писать мою биографию, о чем вы мне сообщили. В дальнейшем, когда будете мне писать, шлите корреспонденцию по адресу, который написан на прилагаемом листке. Ваши письма мне будут переданы очень быстро. Я надеюсь, что вокруг этого не будет никакого паблисити, по крайней мере пока что. Мне было бы очень неприятно, если бы дело обстояло иначе. Ваш Хьюз».

С этими письмами Ирвинг явился в крупнейшее американское издательство. Его руководители, ослепленные таким сенсационным предложением, тут же выдали ему аванс 150 тысяч долларов и обещали держать все в секрете. Имелось в виду, что контракт будет заключен с самим Хьюзом — от его имени Ирвинг запросил за несуществующие мемуары сначала полмиллиона, потом 850 тысяч долларов. Он представил издателям даже договор, подписанный якобы самим Хьюзом, графологи подтвердили, что это была его подпись, — Ирвинг оказался виртуозом по части подделки почерка.

Мемуарами миллиардера заинтересовался журнал «Лайф», издававшийся многомиллионным тиражом (полгода спустя и этот журнал закрылся, оказавшись убыточным). Он предложил издательству Макгроу-Хилл, которое приобрело мнимые авторские права, 100 тысяч долларов. Издательство потребовало 250 тысяч — половину себе, половину автору.

Казалось, все шло отлично у Ирвинга. Он уже сдал свою рукопись, издатели ее одобрили, заявив, что она написана в неподражаемом стиле Хьюза и является

аутентичной. «Лайф» начал публикацию отрывков, и... тут случилось то, на что совершенно не рассчитывал Ирвинг, думавший, что Хьюза уже нет в живых: миллиардер подал свой голос с Багамских островов, где, оказывается, он находился.

Хьюз вызвал семь виднейших американских журналистов, своих старых знакомых. Их заперли в номере гостиницы. Хьюз видел их по внутренней системе телевидения, но журналисты его не видели; они лишь слышали его голос, но этот голос был им хорошо известен. Старый миллиардер сказал, что он никакого отношения к мемуарам, приобретенным издательством Макгроу-Хилл, не имеет и что Ирвинг мошенник.

Возник очередной скандал, Ирвинга судили, но он в общем отделался довольно дешево: 16 июня 1972 года его присудили к двум с половиной годам тюремного заключения. Сейчас он находится в тюрьме, но времени там даром не теряет: пишет книгу, в которой собирается рассказать историю о том, как ловко ему удалось провести за нос маститых издателей. Он рассчитывает на большой литературный успех...

А тем временем вся эта история под крупнейшими заголовками публикуется в сотнях буржуазных газет, рассчитанных на массового читателя, поражая его воображение.

Но вы глубоко ошиблись, если бы подумали, что вся эта муть публикуется лишь для того, чтобы пощекотать нервы обывателю и побудить его покупать газету, которая следует придуманной ловким дельцом из Гамбурга Акселем Шпрингером формуле «**пяти Б**»: «**блут**» (кровь) — успокаивает нервы, «**бузен**» (женский бюст) — увеличивает тираж, «**бэби**» (ребенок) — предмет обожания молодых супружеских пар, «**бист**» (животное) — привлекает внимание сентиментальных людей, «**бетен**» (молиться) — тематика, заставляющая покупать газету набожных людей.

Нет, замысел этих господ куда более серьезный и опасный. Тираж им нужен не только ради тиража, и более чем сомнительная приманка в виде «**пяти Б**» применяется для того, чтобы читатель попался на крючок политической пропаганды. Когда-то, уже давно, один из королей британской прессы, лорд Нортклиф, в минуту откровения произнес слова, которые впоследствии стали хрестоматийными:

— Если собака кусает человека — это не новость. Вот если человек укусит собаку, тогда это новость... Война есть бестселлер, то есть лучший двигатель газетной торговли... Следом за войной идут сексуальный момент и преступления... В мирное время первоклассное сексуальное убийство является лучшим возбуждающим средством...

Да, эти «возбуждающие средства» помогают владельцам газет манипулировать сознанием своей аудитории в нужном им духе. И не случайно пресса, рассчитанная на массового читателя, которая, как правило, замалчивает важнейшие события международной жизни, выбирает из потока сообщений на международные и внутренние темы только такие сообщения — чаще всего почерпнутые на свалке дезинформации, — которые бросали бы тень на Советский Союз, на коммунистические партии.

Какая-либо аргументация отсутствует. О каких-либо убедительных фактах и речи нет. Наемные сочинители попросту мажут дегтем чужие ворота, рассчитывая, что их неразборчивый читатель все примет на веру.

С наибольшей яростью нападают эти чернильных дел мастера на Советский Союз. Техника их незамысловата: главное в ней — изобрести крикливые формулы и повторять их до бесконечности. Скажем, такие: «советский империализм», «коммунистическая опасность», «бюрократический тоталитаризм» и т. д. и т. п. В противовес этим «черным» формулам с таким же упорством бесконечно повторяются «розовые» формулы: «свободный мир», «западная демократия» и т. д. и т. п.

Нет нужды доказывать, что все эти формулы лживы, а зачастую просто бессмысленны. Техника «большой лжи», изобретенная еще Геббельсом, по убеждению хозяев капиталистических средств информации, работает, если такие формулы будут повторять с утра до вечера пресса, радио и телевидение.

Бросается в глаза, что специалисты буржуазной пропаганды демонстративно игнорируют происходящие сейчас на международной арене коренные перемены — отказ от конфронтации и переход к урегулированию спорных проблем путем переговоров, нормализация межгосударственных отношений на основе принципов мирного сосуществования и признания политических и

территориальных реальностей, являющихся результатом второй мировой войны; развитие широкого международного взаимовыгодного сотрудничества. Похоже на то, что мощные реакционные силы, владеющие значительной частью этих средств массовой информации, видят в наступающей разрядке серьезную угрозу своим замыслам и хотели бы сделать все, чтобы помешать ее развитию.

Во всяком случае, перелистывая буржуазные газеты, адресуемые массовому читателю, я не мог заметить в подавляющем большинстве их существенных изменений в тоне и направленности их тенденциозно подобранной информации и комментариев по сравнению с предыдущими десятилетиями, когда международная обстановка была совершенно иной, куда более напряженной.

Картина была бы неполной, если бы я не сказал, что с бешеной злобой и ненавистью буржуазная печать атакует не только Советский Союз, но и все другие социалистические государства. Ее страницы изо дня в день заполняются фантастическими сообщениями о жизни стран социалистического содружества. И уж вовсе бесцеремонно реакционная пресса Запада набрасывается на народы стран Азии, Африки и Латинской Америки. Характерно, что расистская травля распространяется и на «цветных», живущих в метрополиях.

Иной раз прочтешь что-нибудь в этом духе и просто глазам своим не веришь: неужели журналисты, работающие в такой прессе, могут пасть столь низко? Вот я беру в руки популярную в свое время парижскую вечернюю газету. На меня смотрит с ее страниц миленькая девочка с собачкой. Но что тут напечатано? Заголовок, набранный жирным шрифтом, гласит: «Эта маленькая девочка обвиняет: съели ее собаку. Муниципальный советник пишет префекту полиции: «Это африканцы»».

Под фотографией прямо-таки рыдающая подпись: «Маленькая Дениз никогда не увидит больше свою собаку. Это фото фигурирует в досье бывшего комиссара полиции Дидса». А рядом статья о том, что муниципальный советник XI округа Парижа Дидс, бывший депутат парламента, представитель самой черной реакции, пользующийся во Франции скандальной извест-

ностью, обратился с запросом к префекту полиции по поводу того, что у этой девочки пропала собака:

«Как говорят коммерсанты нашего района, мусорщики неоднократно обнаруживали в помойных ямах шкуры и кости собак. «Похоже (!) на то, что их едят негры» (?!), — заявил один угольщик из проезда Бафруа. В районе существует несколько мерзких отелей, живут там в жалких условиях. Поистине скандально, что в Париже могут происходить такие факты. Муниципальная полиция должна обеспечить защиту собак, призвание (!) которых, конечно, заключается не в том, чтобы служить пищей черной колонии, пользующейся нашим гостеприимством».

Это не пародия, нет. Дидс на полном серьезе требует защиты собак — вы не ошиблись, читатель, — а вовсе не тех несчастных «цветных людей», которые живут в «мерзких отелях» его округа!

Парижские журналисты, быть может, скажут: ну, это мелкий и к тому же старый факт, стоит ли обращать внимание на него, мало ли что может попасть в газету! Нет, господа, это не мелочь, это образчик того стиля, в котором буржуазная пресса рассказывает о людях, которые вчера еще были рабами колонизаторов, но сейчас решительно и твердо борются за свою свободу и человеческое достоинство.

Пример, который я привел, лишь иллюстрирует обычную практику буржуазной пропаганды, рассчитанной на массового потребителя. Как писал в своей книге «Пропаганда становится зрелой» американский социолог М. Чукас, видящий в пропаганде «исключительно функцию манипулятивного воздействия», «игра на нервах и эмоциях людей — один из способов нейтрализации (!) присущей человеку способности разумно мыслить».

Обратимся к более серьезным фактам. Поглядим, например, в каком духе преподносила буржуазная печать ну хотя бы всем памятные драматические события в Конго, когда колонизаторы пытались взять реванш, опираясь на свою марионетку Чомбе. В те дни там происходили кровавые расправы так называемых «наемников», якобы легально поступивших на службу к этому палачу. Я имею в виду, в частности, памятные события в Стэнливиле, куда вторглись доставленные на американских самолетах бельгийские парашютисты, а за ни-

ми бандиты Чомбе, учинившие кровавую расправу с тысячами конголезцев, требовавших свободы.

Сколько усилий приложила в те дни буржуазная печать, чтобы изобразить эту поистине кровавую авантюру как некую «спасательную экспедицию», предпринятую ради того, чтобы вывезти из Стэнливила интернированную «мятежниками» горсточку «белых», среди которых были люди, плененные повстанцами в борьбе с оружием в руках!

Обратимся к подшивке популярной в то время парижской газеты «Пари-пресс». Вот ее номер от 25 ноября 1964 года: огромное фото, на котором изображены танцующие африканцы в каких-то карнавальных костюмах, с подписью: «Быть может (!), это последний ужасный образ, который представился взорам заложников Стэнливила перед тем, как их казнили». Под фотографией дичайшая статья некоего Альберта Царка с чудовищным заголовком: «Эти странные «симба» хотят съесть (!!)

2000 белых». («Симба» значит «львы» — так называли себя конголезские партизаны.)

Вот следующий номер «Пари-пресс» от 26 ноября, еще более дикий. На первой полосе на восемь колонок огромными буквами набран сенсационный аншлаг: «Потрясающий рассказ спасшихся заложников. Каждый день бунтовщики съедали сердце человека перед статуей Лумумбы».

Лихо придумано? Лихо! Но тщетно вы искали бы в размещенном на двух страницах газеты рассказе бесовестного специального корреспондента «Пари-пресс» — все того же Альберта Царка, вылетевшего в Брюссель для встречи с этими «спасшимися заложниками», каких-либо документальных свидетельств «зверств симба». «Спасшиеся заложники» рассказали ему, что они находились в отеле «Виктория» и не испытывали никаких неприятностей, пока в Стэнливиле не нагрянули бельгийские парашютисты; когда же те первыми открыли огонь, начался бой, и тут в суматохе было убито несколько заложников.

Альберт Царка записал даже такую довольно сентиментальную историю, рассказанную ему монахами. «С вами плохо обращались?» — спросил он. «Нет, — ответили они. — Мы из братства святого Винцента, все время находились в своем монастыре в Стэнливиле. Повстанцы прислали даже часовых, чтобы они нас

охраняли. У нас была черная кошечка. Симба считали, что она приносит счастье. Они спросили, где мы достали кошечку, и взяли под охрану также дом, жильцы которого нам ее подарили...»

А как же насчет зверств? Специальный корреспондент «Пари-пресс» был обязан написать нечто, позволяющее дать приведенный мной выше сенсационный аншлаг, и он, махнув рукой на свою журналистскую честь, вписал коротенький абзац: «Другой бельгиец (кто именно? Автор об этом, конечно, умалчивает. — Ю. Ж.) рассказывает мне, как бунтовщики обращались со своими же конголезцами: «Перед монументом Патриса Лумумбы в Стэнливиле — огромное пятно крови. Каждый день бунтовщики приводили сюда конголезцев. Они казнили их у основания монумента, потом вскрывали им грудь ударом ножа, вырывали сердце и съедали его, чтобы стать храбрыми и иметь больше крови».

И это все!

Вот так, буквально на пустом месте, день за днем давно потерявшая совесть и честь пресса колонизаторов создавала миф о «кровожадных людоедах», истребляющих «невинных белых».

Самые неправдоподобные истории кочевали в те дни из газеты в газету. Эти клеветнические выдумки были разоблачены, и весь мир узнал, что в действительности в Конго погибла лишь горсточка белых, зато колонизаторы и их наемники истребили многие тысячи конголезцев, включая стариков, женщин и детей. Но что за дело расистам из буржуазной печати до негров!

Еще пример. В июле 1974 года мировое общественное мнение было взбудоражено тревожными вестями, поступившими из Восточного Средиземноморья. Милитаристские круги НАТО, попирая международное право и Устав ООН, пытались тогда ликвидировать Республику Кипр как независимое и суверенное государство. Естественно, во всем мире поднялось движение протеста против империалистического вмешательства в дела республики, движение солидарности с ней.

И вот, пытаясь как-то ослабить это движение, внести путаницу и замешательство в развитие событий, специалисты по дезинформации предприняли очередную провокационную акцию — пустили по белу свету утку,

будто... Советский Союз (!) готовит военное вторжение на Кипр. Ни больше и ни меньше!

Вот как рассказывала об этой пропагандистской кампании газета американских коммунистов «Дейли уорлд». Я приведу здесь ее сообщение как улику против газетных плутов из буржуазной прессы:

«Перемены в Греции и на Кипре позволили — в который раз — убедиться, какими грязными приемами пользуется буржуазная журналистика.

В субботу 20 июля Джон У. Финни, один из корреспондентов «Нью-Йорк таймс», сообщил из Вашингтона, что согласно данным официальных представителей министерства обороны Советский Союз привел в состояние боевой готовности семь воздушно-десантных дивизий. «Нью-Йорк таймс» опубликовала это сообщение на первой полосе и под истерическим заголовком. Читатель узнает, что «Советы привели в боевую готовность 49 тысяч солдат, объединенных в 7 воздушно-десантных дивизий». Насчитав 49 тысяч солдат, «Нью-Йорк таймс» продолжает «открытия»: «Полагают (?!), что СССР... в состоянии перебросить по воздуху 7 дивизий за пределы своей территории на 2 тысячи миль».

«2 тысячи миль» подогревают воображение. При таких масштабах 49 тысяч красноармейцев способны достичь не только Кипра, Греции или Турции, но и всей Северной Африки — вплоть до Геркулесовых Столбов, до Марокко, через Ливию в Нигер и Чад, а через Египет — в Судан. Так что вторая тысяча миль, а вместе с ней и 7 воздушно-десантных дивизий уже глубоко вклинились в Африканский континент.

Таковы некоторые фальсификации, содержащиеся в сообщении, которое Финни получил от «высокопоставленных чиновников министерства обороны». Пытаясь придать ему видимость правдоподобия, «Нью-Йорк таймс» «напоминает», что минувшей осенью Советский Союз якобы привел в состояние боевой готовности семь дивизий во время арабско-израильской войны. Финни указывает, что часть из них «перебрасывалась по воздуху».

В «Нью-Йорк таймс», по-видимому, рассчитывают на плохую память читателей, успевших, по мнению газеты, забыть, что сообщение о приведении в «боевую готовность советских 7 дивизий» в октябре 1973 года было грубой ложью, состряпанной, чтобы оправдать в глазах общественности подъем по тревоге американских вооруженных сил, базы которых разбросаны по всему миру.

Но вернемся к кипрским событиям. В воскресенье 21 июля «Нью-Йорк таймс» поместила — на 22-й полосе — малозаметное сообщение, в котором говорилось, что советское информационное агентство ТАСС разоблачило и нынешнюю басню о 7 дивизиях как грубую фальшивку. Цель фальшивки, отмечалось в заявлении ТАСС, — попытаться содействовать дальнейшему осложнению обстановки, в чем заинтересованы определенные агрессивные круги. Вооруженные Силы СССР, заключило ТАСС, находятся в обычном состоянии и не приводились в состояние боевой готовности.

Тогда наконец-то появляется номер «Нью-Йорк таймс», в котором очередной миф о «семи дивизиях» оказывается похоронен. Однако нет и намека на признание, что «Нью-Йорк таймс» лгала. Зачем же сознаваться во лжи?

Ведь «семь десантных дивизий» не появлялись ни в 1973, ни в 1974 году, а «тревога» была. Эта тревога, изобретенная определенными американскими кругами, стала «тревогой, о которой сообщалось», — журналистский эвфемизм для несуществующего события.

Подобная «журналистика» выглядит весьма низкопробно».

Комментарии, как говорится, излишни. Вся эта история лишней раз убедительно напомнила о том, что старая идея иезуитов «Клевещи, клеветы, что-нибудь да останется» продолжала находить свое воплощение в делах газетных буржуазных волков, которые не верят ни в бога, ни в черта.

С тех пор как буржуазные средства информации вели свою разбойничью — иначе ее и не назовешь! — кампанию против Конго, прошло около десяти лет. Колонизаторы потерпели оглушительный провал в своих попытках взять реванш. Их ставленник Чомбе вынужден был сойти с политической арены и бежать из Конго; несколько лет спустя он умер, всеми проклятый и забытый. Народ Конго после трудных и мучительных поисков своего пути обрел наконец свой покой. Его страна нынче называется Заир, а ее столица — бывший Леопольдвиль — именуется Киншаса. Буржуазная пресса утратила тот острый интерес к этой стране, который она питала раньше, и сообщения о Республике Заир редко появляются на ее первых полосах.

Но дух и направленность этой прессы в освещении событий в Африке несколько не изменились — с той же яростью и ненавистью она атакует ныне народы, все еще не освободившиеся от ига колонизаторов и продолжающие национально-освободительную борьбу, — народы Анголы, Мозамбика, Юго-Восточной Африки.

Так вновь и вновь становится очевидным, что издателей интересует сенсация не сама по себе, они преследуют совершенно определенные политические цели. Это хорошо подметил еще в начале века А. М. Горький, когда записал в своих американских очерках, что такая шумиха «оглушает общество, не позволяет ему слышать правду».

«Если в реку набросать мелких щеп, — среди них может незаметно для вашего глаза проплыть большое бревно, — говорит один из героев американских очерков Горького. — Или если вы неосторожно вытащили бумажник из кармана вашего соседа, но своевременно обратили внимание публики на мальчишку, который

украд горсть орехов, — это может спасти вас от скандала. Только кричите громче — вор!.. Крупная кража засыплется кучей мелких краж, и вообще все крупные преступления подавляются горами мелочей. Народ находится всегда в состоянии гипноза, ему нет времени думать самостоятельно, и он только слушает газеты. Газеты принадлежат миллионерам... Вы понимаете?»

Но наряду со средствами массовой информации, рассчитанными на массового читателя, с которым буржуазная пропаганда не церемонится, стряпая для него свои дурно пахнущие блюда по рецепту «лишь бы было погорячее, а какой вкус — это неважно», существует еще так называемая «большая», или «серьезная», пресса. В каждой крупной капиталистической стране есть несколько газет, рассчитанных на элиту — на интеллигенцию, студенчество, предпринимателей, дипломатов. Эта пресса, как принято говорить, «делает политику». Она не часто прибегает к грубым приемам, какие свойственны так называемой бульварной прессе, — работает тоньше, осторожнее, но вы глубоко ошиблись бы, если бы подумали, что она действительно объективна и беспристрастна, как это пытаются изобразить буржуазные исследователи. Напротив, тщательно пригнанная маска мнимой объективности лишь помогает ей более эффективно и ловко проводить ту же политическую линию, верой и правдой служа правящему классу.

В Англии это «Таймс» и «Дейли телеграф»; в Соединенных Штатах — «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Лос-Анджелес таймс»; во Франции — «Монд» и «Фигаро»; в ФРГ — «Ди вельт». Такие газеты не гонятся за пестрым нарядом. На их полосах вы не встретите аршинных заголовков и огромных фотографий на первой полосе, изображающих зарезанных людей, разбившиеся автомобили или же самоубийцу, бросающегося с десятого этажа. И новостей в них побольше — надо же создать видимость осуществимости формулы, которую «Нью-Йорк таймс» ежедневно публикует рядом со своим заголовком.

Но вот вопрос: как преподносятся новости, в каком тоне они излагаются и как истолковываются?

Та же «Нью-Йорк таймс» могла сообщить, например, 8 ноября 1917 года, что в России совершилась революция, которая была победой трудового народа, как

о том писал американский журналист Джон Рид, но она предпочла изобразить это событие как слепой бунт без завтрашнего дня и заявить, что новая власть падет со дня на день.

Та же «Таймс» могла во второй половине сороковых годов информировать своих читателей о том, что целая плеяда народов Европы и Азии, избрав социалистический путь развития, вступила в совершенно новый этап своей истории, но она предпочла упрямо повторять нелепые выдумки мастеров «психологической войны» о том, что эти страны стали жертвами «агрессии коммунизма».

Все эти газеты могли в семидесятые годы объективно сообщить своим читателям о коренных благотворных переменах в международной обстановке, явившихся прямым следствием упорной борьбы СССР за осуществление Программы мира, принятой XXIV съездом нашей партии, — борьбы, опиравшейся на мощную поддержку братских социалистических стран и всех миролюбивых сил, — но они предпочли развернуть кампанию против разрядки, ссылаясь на то, что разрядка-де будет содействовать укреплению позиций СССР, который якобы вынашивает какие-то дьявольские планы.

Идут годы, идут десятилетия, а антисоветизм и антикоммунизм остаются главными направляющими линиями во всей деятельности этой так называемой «большой», или «серьезной», буржуазной прессы. Удивляться тут нечему — в этом сказывается проявление классовой борьбы. Только безнадежно наивные люди либо заведомые мошенники могут утверждать, будто эта пресса и впрямь в состоянии соблюдать объективность, — она была и остается защитником классовых интересов своих хозяев.

Давайте посмотрим, к примеру, как орудует флагман буржуазной журналистики «Нью-Йорк таймс». Несколько лет тому назад в Соединенных Штатах вышла в свет книга Гея Тализа под ироническим заголовком «Королевство и власть», посвященная деятельности этой газеты. Как справедливо отметил орган американских коммунистов «Дейли уорлд», хотя Тализ и не является марксистом, ему удалось создать «немаловажный социальный документ, обнажающий исторические корни и классовую анатомию» крупнейшего защитника

американского капитализма, скажем точнее — финансового капитала Соединенных Штатов.

«Нью-Йорк таймс» печатается тиражом около миллиона экземпляров в будни и около полутора миллионов по воскресеньям. В будни она выходит примерно на восьмидесяти страницах, по воскресеньям — около четырехсот, пожирая ежегодно «свыше пяти миллионов деревьев», идущих на изготовление бумаги. (Кстати сказать, у «Нью-Йорк таймс» есть собственные бумажные фабрики.) Штат «Нью-Йорк таймс» превышает пять тысяч человек. Чистый ежегодный доход этого предприятия составляет около десяти миллионов долларов в год, главным образом за счет рекламы, которая занимает больше половины площади газеты.

Редакторы «Нью-Йорк таймс» кичатся тем, что их газету «читает половина ректоров колледжей в США», что она «поступает во все семьдесят посольств в Вашингтоне» и что «ее выписывает большинство конгрессменов».

«Одним словом, — замечает газета «Дейли уорлд», — «Нью-Йорк таймс» стала главным журналистско-идеологическим оружием в арсенале американского капитализма». Она вознеслась до такого статуса, прикрываясь «объективностью» своей информации. Но какова в действительности цена этой мнимой объективности?

Отвечая на этот вопрос, Тализ в своей книге рассказывает, например, о любопытном совещании, которое состоялось в редакции «Нью-Йорк таймс» 6 апреля 1961 года, когда ЦРУ через своих наемников готовило агрессию против Кубы в заливе Свиней. Один из самых опытных сотрудников газеты, Тэд Шульц, выполняя свой профессиональный долг, в тот день передал из Майами обстоятельную корреспонденцию, документально и обстоятельно рассказывавшую о ходе приготовлений к высадке интервентов на Кубе.

Но его рвение не только не порадовало редакторов, но, напротив, удручило их. Сотрудники, ответственные за очередной номер, полагали, что забота о пресловутой «объективности» газеты требует публикации этой корреспонденции на первой полосе. Они предложили поместить ее на самом видном месте — справа вверху под заголовком на четыре колонки. Корреспонденция была уже заверстана. Однако тут же вмешался стоявший тог-

да у руководства Орвил Драйфус, зять Артура Хейса Сульцбергера, который сам стал зятем и преемником издателя и владельца газеты Адольфа Окса.

Орвил Драйфус и редактор Тэрнер Кэтлидж категорически воспротивились такой подаче корреспонденции Шульца и потребовали вообще «смягчить» ее, что практически означало — выхолостить. Из этой корреспонденции вычеркнули все, что касалось ЦРУ и разработанных им планов вторжения. Из обстоятельной корреспонденции получилась какая-то невразумительная заметка, из которой ничего нельзя было понять, и ее загнали на незаметное место.

Как известно, авантюра, затеянная ЦРУ против Кубы, потерпела оглушительный провал, и год с небольшим спустя президент Джон Кеннеди грустно сказал редактору «Нью-Йорк таймс» Кэтлиджу: «Если бы вы больше напечатали об этой операции, вы спасли бы нас от колоссальной ошибки». Кэтлидж смолчал. Конечно, все крепки задним умом, но редактор твердо понимал, что в тот момент, когда готовилась агрессия, классовый инстинкт диктовал хозяевам «Нью-Йорк таймс» единственное решение: не мешать ЦРУ делать свое дело. Где уж тут до соблюдения формулы «Все новости пригодны к опубликованию»!

Тализ в своей книге на большом фактическом материале показал, что «Нью-Йорк таймс», прикрывающаяся мнимой «объективностью» своей информации, остается классовым органом, весьма сильным и гибким пропагандистским рычагом финансового капитала. Хорошо зная кухню этой газеты, он наглядно показал, как искусная обработка информации позволяет сотрудникам этой газеты изображать действительность в ложном свете. Делается это настолько ловко, что читатель даже не замечает, как искусно его вводят в заблуждение. Среди основных приемов такой хитрой обработки фактов Тализ выделяет подбор, подчеркивание и выделение фактов. Такая фальсификация медленно, но верно отравляет читателя. И Тализ приводит горькие слова бывшего сотрудника «Нью-Йорк таймс» Гарет Гаррета:

— Доказать это за один какой-нибудь день невозможно. Это продолжительный эффект, получающийся от повседневного подсознательного усвоения читателем оценок, которые газета дает событиям, то есть от чтения

того, что преподносится броско и привлекает большее внимание, нежели то, что менее выделяется газетой.

При этом главное внимание руководителей газеты и послушного им аппарата сейчас, как и полвека тому назад, уделяется воздействию на читателя в антисоветском и антикоммунистическом духе. «Например, — указывает «Дейли уорлд», комментируя работу Тализа, — готовя информацию о профсоюзах или о Советском Союзе, «Нью-Йорк таймс» отбирает отдельные тенденциозные факты за период в несколько месяцев и в результате рисует отрицательную картину, которая прочно фиксируется в мозгу читателей».

Так обстоит дело с «обработкой» информации. Не меньшее внимание уделяют руководители «Нью-Йорк таймс» и комментариям. В аппарате редакции есть весьма опытные политические обозреватели; среди них я знаю некоторых журналистов с мировым именем, вроде Джеймса Рестона, которые, являясь убежденными сторонниками капиталистической системы, в то же время считают необходимым выступать с критических позиций, когда считают, что та или иная государственная акция или акция деятелей бизнеса ошибочна и может нанести существенный ущерб интересам правящего класса.

Хозяева газеты мирятся с такими критическими выступлениями своих обозревателей, поскольку, во-первых, они содействуют распространению мифа о беспристрастности и объективности газеты, а во-вторых, полагают, что такая критика может оказаться полезной правящему классу. Они не исключают и целесообразности критики, и притом подчас весьма острой, в адрес руководящих деятелей Вашингтона в редакционных статьях, если когда и считают, что их действия по тем или иным причинам могут нанести ущерб интересам финансового капитала.

Читатели помнят, в частности, что, когда стал ясен провал авантюры Пентагона в Индокитае и когда эта затяжная неудачная для США война начала губительно влиять на экономику и финансы страны, «Нью-Йорк таймс» активно поддержала антивоенное движение в стране и предала гласности ставшие знаменитыми секретные документы Пентагона, раскрывшие подноготную этой грязной войны.

Но все это отнюдь не означало, что «Нью-Йорк таймс» вдруг прониклась любовью к борьбе народов

Вьетнама, Лаоса и Камбоджи против агрессии и стала сочувствовать социалистическим идеалам. Нет, она и в данном случае защищала классовые интересы американского финансового капитала, который решил, что пора «списать» неудачную войну со счетов и поискать другие, более подходящие пути к сохранению и укреплению «присутствия» США в Юго-Восточной Азии.

Еще одно весьма многозначительное обстоятельство. Летом 1973 года, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев прибыл с визитом в Соединенные Штаты и начались важнейшие переговоры на высшем уровне, которые, как все это видели, вели к крутому повороту в американско-советских отношениях в сторону разрядки, «Нью-Йорк таймс» буквально поднялась на дыбы. Она выступала против делового сотрудничества с Советским Союзом, как бы задавая тон реакционерам, пытавшимся организовывать в эти дни поистине жалкие антисоветские демонстрации.

Эту линию газета повела и дальше, игнорируя общее стремление американской общественности и даже промышленного бизнеса к нормализации американско-советских отношений. находкой для нее явились в августе 1973 года выступления вставшего на антисоветские позиции академика А. Сахарова, который в интервью с западными корреспондентами выступил против разрядки, заявив с чужого голоса, будто в этом случае страны Запада «рискуют оказаться лицом к лицу с Советским Союзом, вооруженным до зубов, который будет представлять опасность для своих соседей, если они согласятся на мирное сосуществование».

«Нью-Йорк таймс» в целой серии выступлений подняла на щит этого человека, а законные протесты советских граждан против его клеветы истолковала, как... «террор» властей, пытаясь доказать вновь и вновь, что Соединенные Штаты и другие западные державы совершают глубокую ошибку, нормализуя отношения с СССР и другими социалистическими странами.

Это лишний раз напоминает о том, что под внешней маскировкой респектабельного, «объективного» органа печати в действительности оказывается все та же классово враждебная странам социализма пропагандистская машина крупной американской буржуазии.

Работники больших буржуазных газет гордятся своей осведомленностью — они не пропустят ни одного

сколько-нибудь значительного события, конечно, при том условии, что редакторам будет выгодно его осветить (иначе подробнейшая информация об этом событии погибнет в редакционной корзине). Издатели не жалеют миллионов на содержание обширной корреспондентской сети, на монопольное приобретение новейших средств связи, на технику, обеспечивающую небывало быстрые темпы набора, изготовления клише, стереотипирования и печати.

Вся эта мощная машина служит единственной цели — оказывать ежедневное, ежечасное давление на психику читателя и фабриковать для него духовную пищу по рецепту, преподанному хозяевами. Мудрено ли, что миллионы людей, потребляющих эту ядовитую пищу, оказываются полностью дезинформированными, не знают подчас элементарных фактов и живут ложными представлениями об окружающем мире?

Война в эфире

В этой главе мне хотелось бы поделиться с читателями своими впечатлениями от этой войны, за ходом которой приходится как советскому журналисту наблюдать уже долгие годы.

Мне вспоминаются сейчас первые телевизионные американские передачи, которые довелось видеть в Нью-Йорке в 1946 году. Это был период детства телевидения. На него смотрели тогда еще лишь как на курьезную новинку — примерно так же, как смотрели на кинематограф в начале века. Телевизоры стояли главным образом в кафе, закусочных, в холлах гостиниц — предприимчивые хозяева использовали эту новинку для привлечения любопытной публики. На небольших экранах мерцали движущиеся изображения, телевидение передавало без конца бейсбольные матчи, эстрадные концерты; информации отводилось немного времени.

С тех пор много воды утекло в Потомаке и Гудзоне и роль телевидения коренным образом изменилась. Оно стало самым могучим и, я бы сказал, грозным оружием воздействия на психику американцев. Три крупнейшие корпорации, разделившие между собой телевизионный рынок («Нэйшнл бродкастинг систем», или Эн-Би-Си,

как ее сокращенно именуют, контролирует 217 телевизионных станций; «Коламбиа бродкастинг систем», или Си-Би-Эс, — 192; «Америкэн бродкастинг систем», или Эй-Би-Си, — 150), во многом ориентируют общественное мнение, питая его соответствующим образом подобранными и направленными передачами.

Влияние американских телевизионных корпораций простирается далеко за рубежи Америки: как указывается в опубликованном ЮНЕСКО докладе, «доминирование Соединенных Штатов Америки на телевизионном рынке является неопровержимой реальностью», — эти корпорации поставляют в другие страны от ста до двухсот тысяч часов телевизионных программ в год.

Что касается радиопередач в западных странах, то они также в значительной мере контролируются американскими корпорациями.

Так же как и в области прессы, деятельность телевизионных и радиовещательных монополий преследует две цели: во-первых, извлечение прибылей из этого бизнеса, который оказался весьма прибыльным, а во-вторых, сугубо политическая работа, цель которой — идеологическая обработка слушателей и зрителей в интересах правящего класса.

Что касается чисто коммерческой стороны, то прибыли обеспечиваются доходами от рекламы, которая выбрасывается на волны эфира поистине в фантастическом объеме * — нынче «ночной зефир» струит в эфире колоссальные потоки всякого рода прохладительных напитков, виски, соусов, соков, моющих средств, несет груды зубных паст разных сортов, кофеварок, бюстгальтеров, патентованных лекарств и прочих товаров, чудодейственные свойства которых расхваливаются с красноречием Мюнхгаузена и Тартарена из Тараскона.

Предприимчивые рекламодатели, расходующие на рекламу поистине баснословные капиталы, сообразили, что публиковать ее по каналам телевидения — дело гораздо более эффективное, нежели печатание ее в газетах. Специалисты подсчитали, что в наше время рядовой американец просиживает перед своим телевизором примерно пять-шесть часов в день, и если за это время ему десять-двадцать раз повторять, что приобретение

* В американском телевидении, которое выручает за показ рекламы разного рода товаров 4,5 миллиарда долларов в год, норма прибыли достигает 90—100 процентов!

той или иной, пусть даже совершенно ненужной ему вещи жизненно необходимо, он в конце концов плюнет на все, поедет в магазин и приобретет эту вещь.

Рекламой фаршируются буквально все передачи. Она вклинивается даже в последние известия. Диктор читает важные сообщения, но вдруг они прерываются и вам сообщают, что вы обязательно должны пойти в универмаг «Мэйси» и приобрести там подтяжки нового образца, или же немедленно выписать по почте ружье новой модели, либо запастись мыльной пастой сверхмодной марки. Я уже не говорю о передаче телевизионных спектаклей или фильмов: нужно иметь поистине воловье терпение, чтобы досмотреть их до конца — так часто они прерываются рекламами.

Французский артист Жан-Пьер Омон, которому довелось играть роль Раскольников в американском телевизионном спектакле по роману Достоевского «Преступление и наказание», горько жаловался: «Там есть сцена, когда я собираюсь убить старую квартирную хозяйку, которая грубо потянула меня за руку. Но я должен был уступить место господину, который, расплываясь в улыбке перед телеобъективом, сказал примерно следующее: «Уважаемые телезрители, почему Раскольников так нервничает? Объяснение очень простое. Он до сих пор незнаком с жевательной резинкой «Мехотин», которая успокаивает нервы». За двадцать минут показа этой сцены Омону пришлось четыре раза покидать экран, уступая место пропагандисту жевательной резинки*»

Мне вспоминается, как крупнейшая телевизионная станция передавала концерт классической музыки Нью-Йоркского филармонического оркестра. И вдруг оказалось, что этот концерт тоже подчинен целям рекламы: прозвучал заключительный аккорд симфонии, знаменитый дирижер положил свою палочку в футляр, спустился по служебной лестнице и уселся в автомобиль новейшей марки. И тут же диктор ликующим голосом возвестил, что этот дирижер ездит только на машинах, изготовляемых данной фирмой, и что все уважающие себя американцы должны следовать его примеру и покупать лишь эту, а не какую-либо другую машину.

На всем этом, повторяю, монополии, хозяйничающие

* С. Беглов, Монополии слова.

в эфире, зарабатывают колоссальные барыши. Но так же, как это происходит в газетном мире, рекламодатели заботятся не только о сбыте своих товаров. И здесь оправдывается старая истина: «Кто платит деньги, тот заказывает и музыку».

Как отмечал в свое время американский профессор Г Скорина, «поскольку руководители вещательных средств в целом представляют линию корпораций и бизнеса, они особенно заинтересованы в сохранении существующего порядка (!). Поэтому они расценивают как разрушительные, радикальные и даже непатриотичные те материалы и программы, которые могут, пусть окольным путем, разрушить существующее устройство. Естественно, что рупоры этих вещательных средств **должны говорить языком бизнеса, ибо большой бизнес — их хозяин**» (подчеркнуто мною. — Ю. Ж.).

Рекламодатели, в свою очередь, нередко обуславливают предоставление своих заказов политическими условиями. Так, крупнейшая американская фирма «Проктер энд Гэмбл» составила специальную инструкцию для тех радио- и телестанций, через которые она рекламирует свои товары: «Программы (составленные по заказу фирмы) не должны содержать ни прямых, ни косвенных намеков, которые могли бы в какой-либо мере ущемить интересы коммерческой организации, создавать хотя бы малейшее представление о том, что бизнес связан с расчетом, жестокостью и лишен всяких эмоций и духовных мотивов».

Вот как!

В Западной Европе несколько иная структура средств массовой информации, действующих в эфире. Там, как правило, главные каналы радиовещания и телевидения находятся под строгим и непосредственным контролем правительств (пример — Би-Би-Си в Англии и ОРТФ во Франции), хотя параллельно все шире развивается сеть так называемых «коммерческих», или «частных», радио- и телевизионных станций.

Средства массовой информации, находящиеся под контролем правительств, все еще пытаются избегать вторжения рекламы на свои волны эфира, но «коммерческие» каналы быстро американизируются. Но что касается политической стороны дела, то, как всем известно, чувство классовой солидарности тесно роднит правительственные каналы вещания капиталистических

стран с «коммерческими» — они выступают единым фронтом на защиту «существующего устройства», как выразился американский профессор.

Техника обработки общественного мнения, применяемая этими орудиями обработки народных масс, в сущности, немногим отличается от того, что делается в области печатной пропаганды, если говорить о существе дела, а не о специфике жанра. Так же как и пресса, радио и телевидение капиталистических стран к разным слоям народа обращаются по-разному. «Простонародью» предлагаются более примитивные передачи с упором на развлекательные программы, зачастую весьма низкого пошиба. Как откровенно заявлял некий Г. Шишков, подвизающийся в ФРГ в роли социолога, манипулировать сознанием людей легче, если «держат массу в игривом напряжении, подавлять любое чувство скуки и удовлетворять ее потребительские интересы».

Подчеркивая «непосредственную связь средств массовой информации с классовой борьбой», английская журналистка Джудит Тодд писала в своей работе «Бизнес новостей», опубликованной в июльской тетради журнала «Проблемы мира и социализма»: «Монополисты новостей стремятся и будут стремиться к укреплению буржуазного строя. Для этого они стараются представить безупречным существующий порядок вещей, чтобы отвлечь внимание масс от пороков буржуазного общества, культивируют сенсационность, ажиотаж вокруг исполнителей модных песенок и других радио- и телевизионных знаменитостей, ставят на конвейер массового выпуска любую тривиальность».

В качестве иллюстрации Джудит Тодд приводит свидетельство специалиста по вопросам телевидения Г. Грина, который в своей книге «Универсальное око», изданной в Лондоне в 1972 году, отмечает, что в этом потоке развлекательных программ, используемых для психологического давления на массового зрителя, широко используются стандартные стереотипы. В качестве примера он приводит «новеллы», заполняющие телевидение стран Южной Америки: «Каждая из новелл написана, по существу, на одну и ту же тему — в большой город попадает бедная деревенская красотка, ее соблазняют, появляется незаконнорожденный ребенок. Но героиня процветает, открывает лавку мод-

ных товаров или же выходит замуж за «светского льва» с миллионным состоянием».

Таким «новеллам», пишет Грин, отводится самое популярное время; ловкие сочинители без конца варьируют этот сюжет; один из вариантов его, пользующийся особым успехом, насчитывает уже 400 (четыре-ста!) серий. Один продюсер из Буэнос-Айреса, специализировавшийся в данной области, заявил: «Новеллы держат их (телезрителей) под гипнозом (!). На час или два они забывают о том, как живут сами, и вполне вероятно, что это удерживает их от революционных действий».

Один из виднейших деятелей английского радиовещания, сэр Джон Рит, биография которого под лирическим названием «Слушать будет только ветер» была опубликована в Лондоне в 1972 году к пятидесятилетию Би-Би-Си, в свою очередь, заявлял, как пишет его биограф А. Бойл, что аудиторию прежде всего завоевывают развлекательные программы. В то время, когда Рит возглавлял эту радиокорпорацию, он всячески поощрял комбинацию назидательных радиодрам и эстрадных концертов. Соединяя их, он, как иронически отмечает Джудит Тодд, стремился, «приправив первые вторыми, сделать более привлекательной пресную модель проповедей чистых помыслов и разумности скромного житья. Это вполне отражало интересы «истэблшмента», которым, несмотря на формальную независимость, служил сэр Рит. Комбинация «содержания» и развлекательной «упаковки» — отличительная черта современной массовой информации в капиталистических странах».

Общеизвестна и другая, еще более социально опасная форма радио- и телевизионных передач — использование волн эфира для разжигания низменных инстинктов людей. Эти передачи без конца ведут пропаганду войны, насилия, показывают преступность. Пытаясь оправдаться, некоторые деятели американского телевидения говорят, что сцены насилия, по оценке специалистов, наиболее притягивают зрителя, а рекламодатели щедрее дают заказы тем радио- и телевизионным компаниям, которые в состоянии собрать у телезрителей наибольшую аудиторию.

(Для учета популярности тех или иных передач в США разработана хитрая электронная система:

в выборочном порядке на приемниках нескольких тысяч «наиболее типичных» американцев установлены специальные электронные приставки, регистрирующие, какие программы смотрел хозяин радиоприемника или телевизора, а какие его не интересовали. Данные, полученные этими «электронными глазами и ушами», суммируются и предоставляются начальству.)

Думается, однако, что дело тут не только в коммерции. Те, кто составляет программы передач радио и телевидения капиталистических стран, явно хотели бы привить молодежи, которой предстоит служить в армии и участвовать в заморских акциях Пентагона, иммунитет к виду льющейся крови, приучить ее легко смотреть на расправы с людьми, не жмуриться при виде страшных пыток, а при случае и самой взяться за такое кровавое дело в интересах Америки, которые «превыше всего».

Так или иначе, но насилие было и остается сюжетом номер один американского радиовещания и телевидения; все шире распространяется оно и в вещательных программах других капиталистических стран. Американские политики и социологи сейчас как будто бы начинают соображать, что в этом корпорации, ведающие новейшими средствами массовой информации, явно переборщили, и начинают критиковать их: такая пропаганда, словно бумеранг, бьет по самому американскому обществу. Даже Збигнев Бжезинский в своей работе «Между двумя веками», с которой вы познакомились в первой главе этой книги, с явно тревожной ноткой в голосе сообщил:

— В 1969 году Пенсильванский университет, выполняя заказ Национальной комиссии по изучению причин и мер предупреждения насилия, подсчитал, что за две недели показа развлекательных программ по трем основным сетям телевидения в часы наиболее массового присутствия телезрителей — от 4 до 10 часов вечера — было показано **790 убийств** (не считая программ новостей, в которых также показывались убийства).

Своего рода рекордом цинизма явился разрекламированный заранее показ по каналам корпорации Эн-Би-Си «исключительного интервью» с убийцей Роберта Кеннеди Сирхан-Сирханом «через день после того, как он был приговорен к смерти», — подчеркивает Бжезин-

ский. Между прочим, этот приговор до сих пор не приведен в исполнение...

Надо быть в США и регулярно смотреть американское телевидение, чтобы в полной мере представить себе, какую важную роль играет там показ насилия. Весьма красочно рассказал об этом американский журналист Джером Эллисон в журнале «Нэйшн» еще 21 декабря 1964 года. Послушайте его:

«Насилие начинается в воскресенье в 5 часов дня с некоего таинственного убийства. В этот вечер демонстрируются еще два убийства, два ковбойских боевика с кровопролитием и резней, сенсационный фильм о юном головорезе, история одного мошенника, военная драма и фильм ужасов. В понедельник неделя открывается демонстрацией ужасов в 9 часов 30 минут утра. В 6 часов вечера они прокрутят две военные драмы, две передачи об убийствах и три ковбойских боевика с пальбой и драками, причем один из них рекламируется как «кровавая история с насилием и ужасами». В понедельник вечером программа будет воистину отборной: две передачи ужасов, два военных фильма, два ковбойских боевика, четыре истории о мошенниках и шесть убийств. Во вторник, среду, четверг и пятницу демонстрируются в среднем четыре убийства, три истории о мошенниках и одна или две передачи, посвященные войне, головорезам, ужасам и ковбойским похождениям. Неделя заканчивается в субботу, когда в одни только вечерние часы демонстрируется пять ковбойских боевиков, пять историй о мошенниках, два фильма ужасов и драма о головорезах. В каждом из этих «произведений» фигурируют мужчина, готовый в любую минуту совершить насилие, и женщина, все повадки которой пронизаны самой откровенной сексуальностью. Передача прерывается рекламой, которая соблазняет вас покупать автомобили, пиво, сигареты и другие товары из нашего богатого ассортимента коммерческой продукции. Эта неизменно кровавая, сексуальная, воинственная, мучительная агония повторяется час за часом, вечер за вечером, неделя за неделей, год за годом, управляя страхом сознание нашего народа. Школьники проводят от 10 до 70 часов в неделю у телевизоров, вперив взор в экран, который кажется им окном в большой мир».

Каждый раз, когда я приезжаю в Нью-Йорк или

в Вашингтон, я слышу одни и те же тревожные сетования жен наших корреспондентов и дипломатов — телевидение стало грозным противником воспитания детей. Чуть-чуть не углядишь за сыном, и он уже включил телевизор, забросив домашние задания, полученные в школе, и с напряженным вниманием следит за очередными приключениями фантастического Батмэна или Дракулы — вампира с волчьими клыками. Многие предпочитают обходиться без телевизора, лишь бы спасти ребят от этого губительного наставника.

«Наши дети, — говорил возглавлявший в начале шестидесятых годов подкомиссию сената по изучению влияния телевизионных передач на рост преступности среди молодежи сенатор Додд, — прильнув к телевизорам, проходят интенсивную тренировку по всем фазам совершения преступления». Газеты пошумели по этому поводу, подкомиссия снискала некоторую популярность, но некоторое время спустя сам Додд был обвинен во взяточничестве, и расследование спустило на тормозах. А тем временем в уголовной хронике все чаще публикуются сообщения о том, как молодые преступники совершают лихие преступления, в точности воспроизводя сценарии фильмов, увиденных ими по телевидению.

В других капиталистических странах показ разбоя и бандитизма по телевидению и по радио, пожалуй, еще не достиг рекордного американского уровня. Однако и там это пагубное влияние начинает ощущаться все с большей силой.

Однако нас с вами, читатель, сегодня в большей мере интересует деятельность буржуазных средств массовой пропаганды в эфире, направленных на границу и в первую очередь на СССР и братские социалистические страны, нежели те их передачи, которые предназначены для внутреннего употребления. Все мы в той или иной мере знакомы с радиоинтервенцией, которую все с большим размахом осуществляют капиталистические страны против стран социализма, используя новейшие электронные средства.

Сейчас ученые капиталистического Запада ищут технические пути, которые позволили бы передавать телевизионные программы в любую точку земного шара через спутники связи непосредственно на экран домашнего телевизора.

Нетрудно понять движущие мотивы таких изысканий — империалисты хотели бы бесцеремонно, не спрашивая разрешения хозяев, вторгаться на чужие телевизионные экраны со своим гнилым идеологическим товаром так же, как они пытаются сейчас это делать в области радио. Характерная деталь: зная, что те, против кого будет направлена эта интервенция, будут ей активно противодействовать, они, забегая вперед, заранее объявляют такое возможное противодействие «нарушением свободы слова».

Мне вспоминается сейчас острая дискуссия по этому поводу на заседании Совета межпарламентского союза в Каракасе (Венесуэла). Представители социалистических стран и стран Азии и Африки, высказывая законную тревогу по поводу планов западных держав, требовали регламентации телевизионных передач, которые будут вестись через космос на индивидуальные телевизоры, запрещения пропаганды войны и насилия по этим каналам, признания права каждого государства ограждать себя от этой идеологической интервенции.

Представители капиталистических государств категорически отвергали эти требования, ссылаясь все на ту же пресловутую «свободу слова», и заявляли, что они считают себя вправе передавать на весь мир любые телевизионные программы без всякого ограничения.

В дальнейшем эта дискуссия возобновилась в ЮНЕСКО, где было принято решение с требованием ограничить вещание через космос просветительными целями, причем было сказано, что «каждая страна имеет право принимать решение о содержании просветительных программ, передаваемых с помощью спутников для ее народа». В октябре 1972 года Советский Союз внес на рассмотрение сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект конвенции о принципах использования искусственных спутников Земли для прямого телевизионного вещания, которые исключают возможность ведения «холодной войны» через космос.

С какой яростью ополчились против него те, кто связывал с планами прямого телевизионного вещания через спутники замыслы, не имеющие ничего общего с пропагандой культуры! Вот что писал, например, 22 октября 1972 года в газете «Нью-Йорк таймс» ви-

це-президент корпорации «Коламбия бродкастинг систем» Ф. Стэнтон:

— На рассмотрении Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций стоит предложение, бросающее вызов (!) тому принципу, который был доктриной нашей демократии, основным символом веры (!) с самого ее начала, — свободе слова (!!!)...

Стэнтон требовал, чтобы ООН отвергла советский проект конвенции, а заодно рвал и метал против ЮНЕСКО, откровенно заявляя, что рекомендуемое ею решение «означает, что никто не может вести на законном основании передачи на СССР без согласия СССР», а именно в этом и состоит основная суть замысла тех, кто тратит миллионы долларов на научные исследования в области прямого телевизионного вещания через спутники. Впрочем, как это указывали многие участники дискуссий в Межпарламентском союзе, ЮНЕСКО и на Генеральной Ассамблее ООН, планы использования таких передач направлены не только против СССР, но и против всех социалистических стран, а также молодых государств, завоевавших независимость в упорной борьбе с колониальным господством.

Вот почему Генеральная Ассамблея отвергла возражения американской делегации и поддерживавших ее представителей других капиталистических держав, и в итоге упорной борьбы здравый смысл одержал победу: Генеральная Ассамблея одобрила документ, отвечающий законным интересам всех народов, протестующих против попыток распространить на весь мир пропаганду насилия и человеконенавистничества, которой сейчас подвергаются телезрители капиталистических стран и прежде всего Соединенных Штатов. Однако монополии, занятые подготовкой этой телевизионной интервенции, и ухом не повели. Они продолжают свои технические исследования, подчиненные такому замыслу.

Пока же капиталистический мир вынужден ограничиваться радиовторжениями своей пропаганды буквально во все страны земного шара, но прежде всего, конечно, в социалистические государства. Самым мощным голосом в этом хоре обладает небезызвестный «Голос Америки», являющийся главным органом так называемого Информационного агентства США —

ЮСИА. Этот радиоцентр располагает 115 радиопередатчиками; их общая мощность уже в 1967 году составляла 15 500 киловатт, причем 60 процентов этих передатчиков расположено за пределами США: в ФРГ, Англии, Марокко, Греции, Либерии, Южном Вьетнаме, Таиланде, на Филиппинах. Программы передаются на 50 языках 845 часов в неделю. Их готовит штат в 2300 человек.

К этому надо добавить еще три мощных американских радиоцентра, направленных против социалистических стран: второй орган ЮСИА — радиостанцию РИАС, расположенную в Западном Берлине, а также созданные Центральным разведывательным управлением США для подрывной деятельности, направленной против СССР и других социалистических стран, радиостанций под фальшивыми вывесками «Свобода» и «Свободная Европа».

Одни из зарубежных радиоцентров, направленных против нас, используют грубый, провокационный тон и содержат открытые призывы к подрывной деятельности. Другие, как это делают в последнее время «Голос Америки» и Би-Би-Си, предпочитают вкрадчивый, порой даже мнимо дружественный тон, однако и в том и в другом случае общая классово враждебная направленность этих передач, по сути дела, одинакова.

Но обратимся к деятельности наиболее одиозных центров враждебной социалистическим странам пропаганды — пресловутых станций «Свободная Европа» и «Свобода».

Эти центры подрывной деятельности были созданы Центральным разведывательным управлением в разгар «холодной войны» — в конце сороковых и в начале пятидесятых годов, когда США и их союзники приняли на вооружение пресловутую доктрину «отбрасывания коммунизма» и начали лихорадочно сколачивать систему военных блоков, нацеленных против социалистических стран. В их планы входило также сколачивание пресловутых «пятых колонн» из предателей внутри социалистических государств, которые в подходящий момент смогли бы по сигналу с Запада поднять восстания и ударить с тылу по этим государствам.

Радиостанция «Свободная Европа» начала свои подрывные передачи с 1949 года из Мюнхена, вещая на польском, болгарском, чешском, словацком и венгер-

ском языках. Она выдавала себя за орган «частной организации», именовавшей себя так: «Национальный комитет для свободной Европы». Как заявил впоследствии американский «специалист по антикоммунизму» Р. Холт, этот комитет был «призван выполнять такие операции, которые официальные правительственные агентства (США) могли бы считать затруднительными, если не невозможными, для выполнения».

Вскоре вышла в эфир другая радиостанция с той же подрывной направленностью, но нацеленная на Советский Союз, под названием «Освобождение». Свое вещание она также начала из Мюнхена. Вскоре к ней добавился передатчик, вещавший с острова Тайвань. Часто станция «Освобождение» выдавала себя за нелегальный передатчик, якобы созданный на территории СССР людьми, борющимися за свержение Советской власти. (Впоследствии, когда стало ясно, что замыслы «освобождения России от большевизма» потерпели оглушительный провал, хозяева этого радиоцентра переименовали его в станцию «Свобода», но характер и направленность передач не изменились.)

Как и «Свободная Европа», эта радиостанция выдавала себя за орган «частной организации», созданной в США в том же 1949 году. Эта «частная организация» с циничной откровенностью именovala себя «Американский комитет освобождения от большевизма».

В действительности обе станции финансировались Центральным разведывательным управлением США за счет секретных фондов и всю свою работу вели под его руководством. Ключевые посты на обеих радиостанциях заняты кадровыми сотрудниками американской разведки. Под их руководством работают тысячи служащих, из которых примерно одна десятая часть — американцы, около половины — эмигранты из тех стран, на которые направляется подрывная пропаганда, а остальные — граждане тех государств, с территории которых действуют эти станции.

Поскольку деятельность этих двух подрывных центров успеха не имела и, более того, терпела серьезные провалы, наносившие ущерб престижу США, как это было во время памятных событий в Венгрии в 1956 году, когда передатчики «Свободной Европы» открыто призывали венгерский народ к восстанию,

обещая помощь с Запада, некоторые американские деятели заинтересовались ими и начали искать, кто же в действительности стоит за «Национальным комитетом для свободной Европы» и «Американским комитетом освобождения от большевизма» и откуда берутся те огромные деньги, которые они выпускают в трубу.

И вот в начале 1971 года разразился грандиозный скандал: сенатор Клиффорд Кейс заявил вслух о том, что, в сущности, было очевидно всем уже давно, но о чем в США предпочитали не говорить: эти «частные комитеты» являются лишь вывеской ЦРУ. «Основную часть бюджетов радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода», или больше 30 миллионов долларов в год, — сказал сенатор Кейс, — составляют прямые субсидии Центрального разведывательного управления. За последние двенадцать лет на них были израсходованы сотни миллионов долларов из правительственных средств». Он потребовал прекратить деятельность этих станций, которые только зря транжирят казенные деньги. Его поддержали другие сенаторы, в том числе влиятельный председатель комиссии по иностранным делам сенатор Уильям Фулбрайт.

— Сенаторы, вероятно, помнят, — иронически заявил он, выступая в сенате, — что эти радиостанции финансировались «сборами среди школьников», по крайней мере, так нам говорили многие годы. Но, как выяснилось, эти «сборы», достигающие сотен миллионов долларов, на самом деле предоставлялись Центральным разведывательным управлением и были частью обмана с целью внушить американским налогоплательщикам, а также народам Восточной Европы, что эти радиостанции — частные организации, существующие только на пожертвования.

Если бы эта деятельность была основана на жизнеспособной политике, тогда, может быть, следовало бы подумать о создании радиостанции «Свободная Греция», или «Свободный Китай», или, может быть, «Свободная Бразилия», — сказал сенатор. — Правительства этих стран пользуются довольно сомнительной репутацией поборников строгой цензуры, так же как и правительства многих других стран. И тем не менее, насколько мне известно, органы исполнительной власти не финансируют радиовещательной деятельности, направленной на то, чтобы «донести правду» до гражд-

дан этих стран... Если так, то почему правительство не довольствуется передачами «Голоса Америки» на страны Восточной Европы и Советский Союз? Чем вызвана дополнительная потребность в радиостанциях «Свободная Европа» и «Свобода»?..

И Фулбрайт заключил:

— Я считаю, что этим радиостанциям надо предоставить возможность занять достойное место на кладбище останков «холодной войны».

Эта дискуссия вызвала отзыв в ФРГ, на территории которой находится основная база подрывных радиостанций. Восемь депутатов бундестага обратились к президенту Никсону и канцлеру Брандту с призывом прекратить деятельность разоблаченных подрывных центров. Они потребовали, чтобы правительство ФРГ аннулировало лицензии на передачи «Свободной Европы» и «Свободы» и разделило используемые ими диапазоны радиоволн между другими станциями.

Тем временем разоблачения подрывной деятельности этих подрывных центров все усиливались. Словно взрыв бомбы прозвучали облетевшие всю мировую прессу статьи капитана Анджея Чеховича, который по заданию польских органов безопасности шесть лет провел в штаб-квартире «Свободной Европы». С фактами и документами в руках капитан Чехович доказал, что деятельность этой радиостанции «давно уже и прочно срослась со шпионажем и прямой диверсионной деятельностью» против социалистических стран и что «всеми отделами радиостанции руководят кадровые офицеры американской разведки».

В Будапеште в 1972 году была опубликована книга «Венгры на американских хлебах». Ее автор Иштван Пинтер, в свою очередь, за пятнадцать лет собрал обширные сведения о подрывной деятельности радиостанции «Свободная Европа» и о ее зловещей роли в подготовке контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 году.

Осенью 1973 года австрийская газета «Фольксштимме» опубликовала важные разоблачительные сведения о радиоцентре «Свобода». Она сообщила, что функции этого центра отнюдь не ограничиваются радиовещанием. Среди существующих в его аппарате девяти секторов и тридцати трех отделов имеются, например, такие: отдел «Особые проекты», занимаю-

щийся засылкой в СССР подрывной литературы; другие отделы пытаются вербовать иностранных туристов, едущих в Советский Союз, для выполнения «особых заданий»; несколько отделов занято слежкой за советскими гражданами, находящимися за границей; есть и отделы, засылающие в СССР своих агентов со шпионско-диверсионными заданиями.

Газета «Фольксштимме» сообщила о том, что возглавляющий этот центр подполковник американской разведки Скотт использует в качестве сотрудников многих бывших гитлеровских агентов и нацистских коллаборационистов. В их числе:

П. Дудин, который в оккупированном немцами Киеве явился к гауптшарфюреру СС Андерсу и выдал трех советских патриотов, которые были тут же повешены; эсэсовцы послали его на обучение в Берлин, и он стал шпионом. После войны Дудина подобрала американская разведка;

В. Шубинский, который незадолго до войны был осужден советским судом как уголовный преступник; во время оккупации пошел на службу к гитлеровцам, состоял в особой команде и казнил советских людей;

Л. Павловский — бывший агент гестапо и участник массовых казней советских людей;

В. Цвирко, который помогал гитлеровцам осуществлять карательные операции в Белоруссии; после войны руководил бандой предателей, именовавших себя «Молодежный союз народов СССР в изгнании»;

Меншуков, который дезертировал из Красной Армии зимой 1941 года и предложил свои услуги фашистам; работал у них в газете «Нойес ворт»;

А. Тенсон — еще в тридцатые годы участвовал в подготовке покушения на советского дипломатического представителя в Таллине; во время войны служил в гестапо, в «Зондерштабе К», руководившем расправами над советскими патриотами в оккупированных городах Эстонии; обучался в школе разведчиков, находившейся в Австрийских Альпах...

Вот какие господа претендуют на роль защитников свободы советских людей!

19 сентября 1973 года эти разоблачения продолжила советская «Литературная газета». Вот что она сообщала:

Оказывается, в числе сотрудников мюнхенской ра-

диостанции «Свобода» насчитывается более 300 (трехсот!) изменников Родины. Отъявленные националисты, убийцы и предатели, бежавшие с Родины, — от «русских солидаристов» и «украинских самостийников» до «казачьего национального народного движения» и власовцев — вот ядро подрывной радиостанции в Мюнхене.

Сотрудник «азербайджанской» редакции радио «Свобода» **Исмаил Акперов** прошел подготовку в разведшколе абвера в Аушвице (Освенцим)... Несколько лет назад на Северном Кавказе судили прислужников немецко-фашистских оккупантов. На скамье подсудимых свое место должен был занять и каратель Исмаил Акперов. На суде его не было. Палач, повинный в расправах над советскими людьми, готовил очередную радиопередачу о «гуманном социализме».

Долгое время одним из руководителей «азербайджанской» редакции является **Сулейман Текинер**. Когда-то, живя в Советском Азербайджане и будучи студентом, он назывался Сулейманом Мамедовым. В войну дезертировал, закончил школу агентов-пропагандистов, был замечен гитлеровцами и назначен редактором фашистской газетенки под названием «Азербайджан»... После войны его подобрала американская разведка.

Комментатор «Свободы» **Илья Кучухидзе** в довольно зрелом возрасте перебежал на сторону врага, добровольно пошел служить в «грузинский национальный легион германской армии». Был ответственным секретарем фашистского листка, издававшегося на грузинском языке в Берлине, активным членом националистической организации «Тетри Гиорги», лектором школы гитлеровских агентов-пропагандистов в Потсдаме.

Так называемое «туркестанское отделение» этого подрывного центра возглавляет изменник Родины **Абдулла Туляганов** (он же Вели Зуинун). С ним сотрудничают предатели и изменники из так называемого «Туркестанского национального комитета», руководителями которого являются **Вали Каюмхан** и его заместитель **Баймирза Хаит**.

Другой руководящий деятель радиостанции «Свобода» — руководитель «татарской» редакции некий **Нигматуллин** (он же Йозеф оглы-Аksam, он же Нигмати Шигаб). Он добровольно сдался в плен гитлеров-

цам в первом же бою. Вместе с фашистскими карателями прибыл в феврале 1943 года в Витебскую область для борьбы с партизанами. За «особые заслуги» был повышен в чине до унтерштурмфюрера. После войны остался на территории ФРГ. Неоднократно задерживался полицией за махинации на «черном рынке». В тюрьме его и «откопали» деятели из так называемого «Американского комитета за освобождение от большевизма», позднее переименованного в «Комитет радио «Свобода». В гитлеровских архивах, кстати, сохранились документы, характеризующие «личные качества» агента Нигмати: «...лжив, труслив, завистлив и тщеславен, авантюрист по натуре».

Разоблачение деятельности этих подрывных центров вызвало замешательство в Вашингтоне. Однако хозяева подрывных центров и не подумали прислушаться к благоразумным советам сенаторов, требовавших закрытия дискредитировавших себя радиочентров. Напротив, сторонники идеологической «инфильтрации» в социалистические страны перешли в контратаки, обвиняя, в частности, Фулбрайта в том, что он действует против национальных интересов. Они утверждали, будто прекращение деятельности радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода» было бы трагедией.

Начались поиски новой вывески для этих подрывных центров. Был создан специальный «Комитет 40», который должен был решить, как с ними поступить. Некоторые предлагали подчинить их... «Национальному научному фонду», основанному конгрессом «с целью финансирования научных и просветительных исследований». Этому воспротивился конгрессмен Огден Рейд, который сказал, что такое решение «поставит под удар репутацию Соединенных Штатов». Другие рекомендовали передать «Свободную Европу» и «Свободу» официальному информационному агентству — ЮСИА. Однако руководители ЮСИА отказались от этого сомнительного подарка.

В конце концов для прикрытия их деятельности был издан специальный орган под названием «Американский совет по делам частных (?) международных средств коммуникаций», который будет располагать солидным бюджетом за счет казенного финансирования. А пока этот вопрос окончательно не решен, конгресс большинством голосов из года в год продлевает вре-

менное финансирование этих фабрик лжи и клеветы. Всякий раз, когда утверждаются кредиты, поднимается шум, сенатор Фулбрайт и другие бурно протестуют, но их протесты остаются тщетными, хотя у защитников подрывных станций нет решительно никаких аргументов в их защиту.

Мне вспоминается сейчас, как 7 июня 1972 года тогдашний заместитель государственного секретаря Алексис Джонсон, выступая в сенатской комиссии по иностранным делам в защиту законопроекта S-3645 «Об ассигновании ссуд на радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», со смущенным видом говорил, что он рад тому, что в отношениях с СССР достигнут поворот к лучшему, что заключены Договор об ограничении противоракетных систем, Временное соглашение о некоторых мерах по ограничению стратегического наступательного оружия, четырехстороннее соглашение по Западному Берлину и другие соглашения, которые, как он сказал, «являются важными вехами на пути к более мирному и стабильному миру и к более стабильной Европе», но... но... но...

Но Джонсон уверял скептически настроенных сенаторов, что утверждение законопроекта S-3645, предусматривающего правительственные субсидии на общую сумму 38 520 000 долларов в 1973 финансовом году «двум важным организациям по общению в Европе» (придумали же словечко — «общение»! — Ю. Ж.) — радиостанциям «Свободная Европа» и «Свобода», — является жизненно необходимым делом.

Пытаясь как-то аргументировать это требование, Джонсон уверял не моргнув глазом, будто «эти радиостанции содействовали взаимопониманию» (!) между странами. В качестве самого веского довода в пользу их деятельности он привел похвальный отзыв о деятельности подрывной станции «Свобода», высказанный небезызвестным А. Солженицыным, не упускающим случая поддержать противников социалистического строя в нашей стране.

Удивительнее всего, что, требуя предоставления государственных средств на финансирование за счет бюджета США пропагандистских центров «Свободная Европа» и «Свобода», Джонсон заявлял, будто «это независимые (?) органы информации». «Их комментаторы и обозреватели (под руководством ЦРУ! —

Ю. Ж.) представляют только самих себя или ту радиостанцию, которая предоставила им микрофон».

Несмотря на полную несостоятельность этой, с позволения сказать, аргументации, американский сенат вопреки резким возражениям ряда сенаторов удовлетворил большинством голосов законопроект, позволивший этим подрывным центрам продолжать свою вредоносную деятельность на протяжении 1973 бюджетного года.

Летом 1973 года, когда обсуждался бюджет финансового года, начинающегося 1 июля 1974 года, баталия в сенате возобновилась. Сенатор Фулбрайт и его единомышленники вновь пошли в контратаку, требуя закрытия радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». И вновь большинство сената с ним не посчиталось, и было решено продолжить их финансирование. Более того, суммы, расходуемые на содержание этих подрывных центров, увеличиваются.

Восьмого августа 1973 года сенатор Фулбрайт в сердцах послал вдогонку этому решению злую статью, которая была опубликована в газете «Вашингтон пост». В ней он писал:

«Известие о том, что Россия организовала радиостанцию «Освобождение Америки» с целью демонстрации наших недостатков и разжигания недовольства в нашей стране, едва ли было бы встречено в эти дни в Соединенных Штатах с особым удовольствием. Этот шаг был бы воспринят как свидетельство того, что, разглагольствуя о разрядке напряженности, русские тем временем сохраняют решимость покончить с нами...

Должен сразу же с удовлетворением оговориться, что радиостанции «Освобождение Америки» не существует, но тем не менее сама мысль о подобной возможности весьма полезна, когда мы задумываемся о последствиях сохранения нами самими под своей опекой радиостанций, выполняющих именно такую роль».

Пока что, однако, похоже на то, что протестующий голос этого сенатора остается гласом вопиющего в пустыне. Многочисленный аппарат подрывных центров, по-прежнему остающихся под фактическим контролем ЦРУ, отделавшись испугом, продолжает свою тлетворную деятельность, отравляя эфир ядом человеконенавистничества. Американский конгресс и в 1974 году отпустил

средства на их содержание, несмотря на протесты многих сенаторов.

Вот что писал, например, о деятельности радиостанции «Свобода» издающийся в ФРГ журнал «Диалог», который, как говорят, отражает взгляды оппозиционной партии «Христианско-демократический союз», — я цитирую его мартовский номер за 1973 год:

— «Свобода», — указывает этот журнал, — является чисто американской (!) радиостанцией, которая действовала до 1955 года в ФРГ в соответствии с оккупационным правом, а затем на основании лицензий министерства почт ФРГ. Основным источником финансирования радиостанции является американская секретная служба.

Такова весьма лаконичная и вместе с тем убедительная справка о нынешней деятельности этого подрывного центра, составленная — я повторяю это еще раз — журналом, близким к «Христианско-демократическому союзу», то есть журналом единомышленников и доброжелателей тех, кто им руководит.

А вот как несколько ранее живописал деятельность второго подрывного центра — «Свободной Европы» специальный корреспондент реакционной французской газеты «Фигаро» Эдуард Тевенон.

— «Холодная война» не умерла — так начинался его репортаж, разместившийся на двух полосах газеты под набранным жирным шрифтом аншлагом «Повседневная война волн». — Каждый день, каждый час державы, к какому бы блоку они ни принадлежали, сталкиваются в глухой, но беспощадной борьбе. Благодаря умелой деятельности специалистов по «отравлению» старые радиоприемники превратились в столь же мощное оружие, каким является баллистическая ракета...

После этого рекламного введения спецкор «Фигаро» с предельной откровенностью заявил, что хозяева «Свободной Европы» добиваются свержения руководства социалистических стран, подчеркнув, что передачи этой радиостанции подобны «пулям». «Война волн, — продолжал он, — повседневная реальность... В этой игре все средства хороши».

Эдуард Тевенон побывал и в радиоцентре «Свободная Европа», также находящемся в Мюнхене. «Это одновременно американский анклав и своего рода лагерь беженцев — так резюмировал он свое первое впечатление. — Сорок процентов персонала — выходцы из Восточной

Европы. В коридорах царит невероятное оживление. Радио «Свободная Европа» — это пять цепей, которые каждый день вещают 20 часов на чешском, словацком, 19 часов на венгерском и польском, 12 часов на румынском и 8 часов на болгарском; это двадцать одна студия; это дискотека с 47 000 записей; это руководители передач; это зал телеграфных аппаратов, функционирующих день и ночь; это, наконец, много хитрости».

Каждое утро, к примеру, поясняет он, «Варшава IV», как именуется передатчик этого радиоцентра, направленный на Польшу, начинает свою передачу, сообщая сведения о погоде и температуре в главных польских городах — она заимствует эти сведения из передачи подлинного Варшавского радио, принятой за три минуты до этого.

Когда генерал де Голль наносил свой визит в Польшу, радио «Свободная Европа», маскируясь под польский передатчик, красочно живописало оказанную ему встречу. «Но, — заметил Тевенон, — комментатор Войтех Трояновский, бывший репортер Варшавского радио, не находился, конечно, в Варшаве. Он вел свою передачу из... Западного Берлина, глядя на передачу «коммунистического телевидения».

Подобные ухищрения нужны самозванной «Варшава IV» для того, чтобы внушить наивным, неопытным в политическом отношении людям, будто это и впрямь польская радиостанция. А затем под сурдинку даются информация и комментарии, цель которых — посеять сомнения в социалистическом строе и подсказать желательность той «эволюции» назад к капитализму, о которой мечтает «мудрец», беседовавший со специальным корреспондентом «Фигаро».

Факты свидетельствуют о том, что американские спецслужбы даже после того, как было разоблачено финансирование их подрывных радиостанций Центральным разведывательным управлением, не намерены выпускать из своих рук отравленное оружие. Они продолжают и даже усиливают деятельность своих радиоцентров, пытаясь сохранить климат «холодной войны».

Наряду с этим следует отметить, что и многие из тех влиятельных деятелей США, которые сейчас требуют закрытия скомпрометировавших себя передатчиков, созданных Центральным разведывательным управлением, делают это вовсе не из желания положить конец антисо-

ветской и антикоммунистической пропаганде, а, напротив, заботясь об усилении ее эффективности.

Яркий свет на эти мотивы проливает опубликованная в газете «Вашингтон пост» 28 июля 1973 года статья ее московского корреспондента Роберта Кайзера, принадлежащего к категории тех, о ком говорят обычно — «из молодых, да ранний». В этой статье Р. Кайзер охотно признает то, чего не признавать уже невозможно.

«В нынешнюю эпоху разрядки напряженности, — пишет он, — трудность заключается в том, что в Советском Союзе и его империи (!) эти две станции считаются непримиримо враждебными. Хотя это крайне неприятно признавать (!), они заслужили такую репутацию. В течение многих лет радиостанция «Свободная Европа» действительно играла роль органа антиправительственных и антикоммунистических сил, которые надеялись свергнуть (!) коммунистические режимы в Восточной Европе. Радиостанция «Свободная Европа» также передавала провокационные программы, зачастую подготовленные русскими эмигрантами».

Все правильно! Но какие выводы предлагает сделать Р. Кайзер? Прекратить антисоветскую и антикоммунистическую радиоинтервенцию? Избави бог! Он рекомендует лишь действовать более ловко и умело закамуфлировать эту интервенцию. Послушайте его — я снова цитирую:

«Возможно, наступило время для перемен. Это не означает, что Соединенные Штаты должны отказаться от своих информационных (?) радиопередач на коммунистические страны... Преимущества передач, ведущихся на коммунистические страны, ведущихся на коротких волнах, можно сохранить и без радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» в их традиционной форме (!). (Подчеркнуто мною. — Ю. Ж.) И действительно, коренная реорганизация этих радиостанций, изменение их названий (!) и состава их сотрудников, а также их взглядов может способствовать увеличению числа их слушателей. (Ой ли? — Ю. Ж.) Та дурная слава, которую они завоевали, очевидно, наносит ущерб их популярности в настоящее время».

Кайзер предлагает сохранить «исследовательские бюро» обоих подрывных радиоцентров, — «материал, который они получают, можно будет передавать всем западным радиостанциям, ведущим передачи на коммуни-

стические страны. С целью экономии средств реорганизованные радиостанции могли бы работать в более скромных масштабах, чем радиостанции «Свободная Европа» и «Свобода» работают сейчас. «Свобода» ведет передачи 24 часа в сутки — больше, чем какая бы то ни было советская внутренняя станция».

Таким образом, сейчас, попросту говоря, предлагается изменить лишь формы и методы радиointервенции, ничего не меняя в сущности дела. Приноравливаясь к новой обстановке, организаторы «психологической войны» постепенно начинают переходить от приемов «лобового убеждения» («hard sell») к технике «ненавязчивого убеждения» («soft sell»), но этим новизна и ограничивается. Ставка по-прежнему делается на «эрозию» устоев нашего строя, на все ту же стратегию «наведения мостов», по которым можно было бы перебрасывать в социалистические страны гнилой идеологический товар, стратегию, которая, как помнит читатель, широко рекламировалась еще во времена президента Джонсона.

Любопытно в этой связи, что пропаганда, нацеленная на социалистические страны, теперь все чаще воздерживается от критики социализма вообще, а всячески стремится противопоставить «советскому образцу», как выражаются отравители эфира, «истинно социалистические идеалы», причем все чаще превозносится «китайский образец». Мотивы этой нехитрой раскольнической тактики очевидны для всех.

Еще в 1968 году американский профессор Эплтон опубликовал работу «Внешняя политика Соединенных Штатов», в которой так охарактеризовал тактику американской внешнеполитической пропаганды на современном этапе: «Цели пропаганды Соединенных Штатов могут варьироваться от оказания поддержки существующему правительству до содействия его свержению или призыва к его гражданам покинуть свою страну; от подталкивания общественного мнения к тому, чтобы правительство дружественной страны направило войска на войну во Вьетнаме до поощрения коммунистических государств в Восточной Европе к большей независимости от Советского Союза; от содействия положительному отношению к экономическому развитию в новом африканском государстве до сведения к минимуму поддержки кастроизму в различных частях Латинской Америки».

Мы видим, что американский пропагандистский ап-

парат и прежде всего та часть его, которая орудует в эфире, старательно пытается выполнять сей обширный план, причем осью его была и остается антисоветская и антикоммунистическая деятельность. Факты показывают, что организаторы этой «психологической войны» терпят поражение за поражением. Они оказались не в силах задержать благотворный процесс оздоровления международной обстановки, который разворачивается все шире благодаря целеустремленным усилиям СССР, братских социалистических стран и всех миролюбивых сил.

«Предпоследнее ремесло»

Французский публицист Рене Пюшо в своей книге «Газета, мифы и люди» назвал современную буржуазную прессу «колдуном больной цивилизации». Призывая читателей не доверять этому колдуну, он предупреждает: «Задача газеты — увести читателя из окружающего его мира и времени».

Да, одна из задач «колдуна больной цивилизации» заключается именно в этом: отвлечь миллионы людей от того, что происходит в окружающем их мире капитализма, помешать им думать над жгучими проблемами реальности, не допустить их участия в борьбе за изменение этой реальности. Но это еще не все. Как это было показано выше, буржуазная пресса упорно и настойчиво работает над тем, чтобы привить своим читателям чуму антикоммунизма, возбудить у них ненависть к народам, борющимся за свое национальное освобождение, сделать из них послушных исполнителей воли своих хозяев, и это самое гнусное, самое мерзкое в деятельности буржуазной печати.

И когда думаешь об этом, невольно задаешься вопросом: какую же тяжкую ответственность за все это несут журналисты, работающие в буржуазной прессе, на радио и телевидении, — ведь они играют роль прямых пособников империализма; больше того, часто они выступают в роли непосредственных организаторов «психологической войны»!

Весной 1971 года в Страсбурге собрался исполком федерации журналистов буржуазной прессы. Он обсудил возможные последствия принятой ООН Декларации о гражданских свободах, 19-й и 20-й параграфы которой

предусматривают запрещение пропаганды войны, ненависти между народами, расовой ненависти и т. п. И что же вы думаете? Эти журналисты приветствовали благородное решение Организации Объединенных Наций?

Ничего подобного! Они увидели в нем угрозу своей деятельности, которая зачастую состоит в том, чтобы пропагандировать выступления поджигателей войны, разжигать ненависть между народами, поддерживать расизм и т. д. И они приняли резолюцию, которая лучше любого комментария рисует облик буржуазной журналистики, — приведу ее здесь целиком:

«Исполнительный комитет Международной федерации журналистов, собравшийся в Страсбурге с 24 по 28 мая 1971 года, настоятельно призывает все страны, которые намерены ратифицировать Международную конвенцию о гражданских и политических правах, сделать оговорку (!) относительно статьи 20. Международная федерация журналистов считает, что в некоторых обстоятельствах (?) эта статья может вызвать ограничение свободы прессы (!!)

и ограничение свободы слова (!!).

Международная федерация журналистов требует, чтобы парламенты стран, правительства которых предложат поправки к уголовному кодексу, соответствующие статье 20, использовали свое влияние, чтобы эти законопроекты были сняты с обсуждения или отклонены.

Международная федерация журналистов предостерегает против всякой новой регламентации, какими бы добрыми намерениями она ни вдохновлялась, которая могла бы нанести урон жизненной роли (?) прессы в области информации и свободных комментариев».

Итак, да здравствует пропаганда войны и ненависти во имя... «свободы информации и комментариев»! Какое?

Не случайно сами журналисты, работающие в прессе Западной Европы и Соединенных Штатов, не только в частных беседах, но и публично заявляют нередко о том, что они стыдятся своей профессии.

В середине шестидесятых годов в Париже были опубликованы почти одновременно две книги маститых буржуазных журналистов и обозревателя газеты «Фигаро» Луи-Габриэля Робине, печально знаменитого своими грубыми, тенденциозными антисоветскими и антикоммунистическими статьями, и Жозефа Фолье, директора ка-

толической «Социальной хроники Франции». Обе книги были обращены к молодым людям, стремящимся стать журналистами. И вот что написали эти буржуазные журналисты.

«Знайте, — заявил Робине в своей книге «Я журналист», — что журналистика — это ремесло, которое часто приносит больше неприятностей, чем радостей, которое плохо кормит человека и делает трудной всю жизнь его семьи».

«Бедный мальчик, — написал еще определеннее Фолье в книге «Ты будешь журналистом», — ты не знаешь, на какой путь ты вступаешь — крутой, вязкий, неудобный, окаймленный колючим кустарником и изобилующий ухабами... Журналистика — это предпоследнее ремесло». («Последним ремеслом» именуют проституцию. — Ю. Ж.)

Еще определеннее и резче выразился о своей профессии американский журналист, обозреватель «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон. «Журналист, — писал он, — подобно врачу, имеет возможность отравить своего пациента, с той лишь разницей, что он может отравить больше людей и сделать это быстрее, чем врач».

Поистине страшен и чудовищен мир, где врач может отравить своего пациента и где печать превращается в средство духовного отравления миллионов людей!

Мое первое знакомство с этим миром состоялось вскоре после окончания войны, в ноябре 1945 года, в Лондоне. В любой час туманного зимнего дня я встречал на улицах города маленькие юркие желтые фургончики, облепленные яркими плакатами. Они мчались во весь дух, лавируя среди огромных двухэтажных автобусов, высоких старомодных такси, солидных машин финансистов. Эти фургончики везли самый свежий и самый скоропортящийся товар: они были забиты до отказа кипами газет.

Фургончики в подавляющем большинстве своем мчались с узенькой, горбатой улицы Флит-стрит, являющейся преддверием Сити — делового района города. Круглые сутки эту улицу оглашает глухой рокот ротаций, ежедневно поглощающих сотни тонн бумаги. Там расположились многие важнейшие газеты Англии. Напротив солидного, несколько старомодного особняка агентства Рейтер высится дом «Дейли экспресс» в современном стиле — весь из черного и белого стекла. Чуть по-

одаль — массивный темно-серый дом «Дейли телеграф». В переулках — «Дейли мейл», «Обсервер», «Ньюс оф уорлд» и другие газеты. Неторопливо шагают усатые курьеры с гвардейской выправкой. Подкатывают к подъездам на автомашинах фоторепортеры. Позванивают в вестибюлях телетайпы — телеграфные аппараты.

Без малого двести лет издаются здесь газеты — первый номер «Таймс» был отпечатан на Флит-стрит в январе 1785 года. Здесь же рассматривал первый номер своей газеты Чарлз Диккенс — в XX веке эта газета называлась «Ньюс кроникл», и я успел побывать в ней и увидеть бюст великого английского писателя, установленный в вестибюле редакции. Пишу «успел», потому что этой газеты давно уже нет: ее, как и многие другие, задушили газетные тресты, о которых я уже рассказывал.

Фургончики с газетами уходят с улицы Флит-стрит во все концы Лондона по строгому расписанию: что бы ни стряслось на земле, первое издание завтрашнего номера должно начать печататься ровно в десять часов вечера, точно по расписанию будут выходить и все последующие издания, — ни в коем случае нельзя отстать от конкурентов...

Где-то в переулке, на перекрестке объемистые пачки газет на ходу принимали владелец хилого киоска, мальчуган-велосипедист, солидный продавец в белоснежном, хоть и заштопанном, воротничке. Газетчик откладывал в сторону оставшийся нераспроданным товар более ранних выпусков, бегло окидывал взором заголовки, и в суетоке, гаме и шуме толпы уже слышался его громкий голос:

— Найден семейный альбом Гитлера! Найден семейный альбом Гитлера! Двадцатилетняя Алиса Даусон из Блэкпула выиграла семнадцать тысяч фунтов на двухпенсовый билет, предсказав итог футбольного матча! Семнадцать тысяч фунтов на двухпенсовый билет! Человек убил женщину, которой боялся! Человек убил женщину, которой боялся!..

И вот уже останавливались люди, звенели медяки, шуршали еще пахнувшие краской листы газет, и каждый, заплатив всего лишь один пенс, мог узнать подробности того, как под сундуком с драгоценностями, принадлежавшими любовнице Гитлера, сыщики американской секретной полиции нашли семейный альбом фюрера, а

заодно и поглазеть на огромные идиллические снимки из этого альбома, воспроизведенные на половине газетной страницы. Каждый мог прочесть, что восьмимесячный ребенок, сын американского офицера, без билета пролетел через океан и никого не побеспокоил плачем в полете, а неутомимые следователи Скотленд-Ярда напали на след еще одного убийцы.

Все это было чуждо нам, советским журналистам, привыкшим делать совершенно иные газеты, и мы немного наивно спрашивали своих лондонских коллег: зачем все это? Помнится, директор агентства Рейтер, пожал плечами, лаконично сказал: информация — это товар. Но товар этот, как мы убедились, имел совершенно особые свойства: те, кто его продавал, явно стремились отвлечь читателей от животрепещущих проблем послевоенного устройства жизни, отравить их, по выражению Рестона, рассказами о мнимой агрессивности Советского Союза — сколько нелепых небылиц о нашей стране мы прочли в те дни в английской прессе! — исподволь, постепенно приучить их к мысли о том, что западные страны рано или поздно должны будут примириться с недобитыми гитлеровцами и вступить с ними в союз против нас...

Как-то в одном из многочисленных мелких книжных магазинчиков, которые в изобилии представлены на Флит-стрит, я купил учебник газетного дела, составленный неким Уорреном и многозначительно названный «Журнализм от А до Z». В главе «Влияние на общественное мнение» я прочел:

«Газеты оказывают на общественное мнение гораздо большее влияние, чем это обычно сознают... Человек с улицы, может быть, этого не захочет признать, но он, безусловно, покупает уже готовыми все свои мнения. Как в былые времена, так и сейчас газета осуществляет свое влияние прежде всего в политической области и главным образом с помощью руководящей редакционной статьи. Автор передовых статей должен уметь с одинаковой легкостью писать на любую тему. Он является орудием редакторской политики, и в первую очередь у него не должно быть личных мнений по вопросу, по которому он обязан высказать уже взвешенное суждение своей газеты. Если же у него есть свое особое мнение, то он должен его самым тщательным образом скрывать. У него не должно быть внутренних возражений против

основных тезисов своей передовой. Он тогда не будет насиловать свою совесть».

Еще определеннее выразился на этот счет видный деятель американской журналистики Луис М. Лайонс, хранитель «Фонда Лайонса», предназначенного для повышения квалификации журналистов. «Газета представляет собой коммерческое предприятие, — заявил он, — и те, кто выполняет в ней профессиональную работу, являются наемными работниками, подчиненными администрации фирмы».

Я вспомнил эти назидательные рекомендации несколько лет спустя, когда в печати появились красочные сообщения, описывавшие двойную жизнь известного в то время в США публициста Маури, редактора двух изданий — нью-йоркской газеты «Дейли ньюс» и журнала «Кольерс» (и этот журнал потом «скончался»). Оба эти издания были архиреакционными, но принадлежали они разным хозяевам, интересы которых далеко не всегда совпадали. Однако Маури взялся быть слугой двух господ. Ему хорошо платили: он зарабатывал свыше 50 тысяч долларов в год. За эти деньги он писал все, чего требовали от него хозяева, причем сплошь и рядом в «Кольерсе» он выступал против того, что писал в «Дейли ньюс», и наоборот.

Владельцы обоих изданий знали, что их наймит двурушничает, но это их нисколько не беспокоило: главное, по их мнению, заключалось в том, что у Маури бойкое перо и он мог писать все, что угодно, лишь бы ему платили. Издатель «Дейли ньюс» Паттерсон заявил, что человеку, который пишет по заказу, незачем выражать свои мысли, коль скоро он излагает то, что ему заказывают. Примерно в том же духе высказался издатель «Кольерса» Ченери: «Мы наняли Маури не из-за его личных взглядов — мы не знаем, каковы его личные взгляды, и, по правде говоря, нас это и не интересует».

Комитет, присуждающий в США премии журналистам, в свою очередь, солидаризировался с такой точкой зрения и выдал Маури премию «За отличное писание передовых»...

С тех пор мне довелось побывать во многих странах Запада, и всюду я встречался с той же, до конца обнаженной, циничной концепцией «предпоследнего ремесла». Лишь очень немногим умудренным опытом публицистам вроде Уолтера Липпмана или того же Джеймса Рестона

хозяйева прессы капиталистического мира разрешают говорить правду, независимо от того, нравится ли она им или не нравится. Это нечто вроде предохранительного клапана или своеобразной отдушины, пропускающей свежий воздух в затхлое помещение. С одной стороны, публикация статей, идущих вразрез с официальной линией, создает иллюзию свободы печати, о которой так любят говорить на Западе. С другой стороны, это полезно и тем, кто вырабатывает официальную линию: а вдруг в этих критических статьях найдется какой-либо полезный аргумент, сигнализирующий о допущенном просчете?

Ради создания видимости свободы печати в капиталистических странах предпринимаются самые различные шаги. Во Франции, например, власти давно уже терпят существование воинственной еженедельной сатирической газеты «Канар аншенэ», что значит по-русски «Скованная утка». (Говорят, что это экстравагантное название имеет свою историю: когда-то газета просто называлась «Утка», потом ее начали преследовать, и на утку надели кандалы; так газета теперь и выходит с изображением скованной утки в титуле. Впрочем, ей давно уже не приходится жаловаться на репрессии...) Эта газета смело атакует всех и вся, для нее нет никаких табу: захочет — высмеет и самого президента. Но вот что бросается в глаза: с особой яростью «Канар аншенэ» атакует левые силы Франции и в первую очередь коммунистов.

Вспоминается, как молодой научный работник Ален Шиффр на факультете права и экономических наук Парижского университета подготовил диссертацию на тему «Идеология «Канар аншенэ» — она была опубликована в записках университета. В ней Шиффр поставил справедливый вопрос: «Не служит ли «Канар аншенэ» в конечном счете власти, извечной власти, и притом различными способами? Не говоря уже о том, что эта газета не щадит оппозиции, и в особенности коммунистов, она в некотором роде представляет собой алиби для анархиста, дремлющего в сердце многих французов, того анархиста, которого легко усыпить еженедельной колыбельной песенкой, — он засыпает со спокойной совестью, счастливый тем, что ему довелось хорошо посмеяться, готовый уплатить свои налоги и хорошо послужить своему хозяину. Это алиби для рядового гражданина, а заодно и для властей, которые могут сказать: во Франции царит свобода, раз может выходить «Скованная утка»...»

Сказано зло, но справедливо!

Но такой рассчитанный либерализм «извечная власть» капиталистического мира допускает редко. Типичен для нее иной подход — бескомпромиссное и безжалостное уничтожение всех тех газет, которые хоть в малейшей форме отклоняются от единственной и главной задачи, которую отводят на долю своей печати ее хозяева, — служить не за совесть, а за страх тем, кому она принадлежит.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
ТОСКА ПО «ЖЕЛЕЗНОЙ ПЯТЕ»	12
Что такое «век технотроняки»?	21
На страже интересов элиты	23
Америка и Европа	30
Шесть лет спустя	36
Теория и практика	60
ОБОРОТНИ	65
Мечта о «декоммунизации» марксизма	66
Четыре фокуса американского философа	71
Атаки на рабочий класс	74
Кому служат эти «мятежники»?	77
Леваки вчера и сегодня	82
«Йиппи» и компания	85
Новейшие откровения Герберта Маркузе	90
ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ	95
Назад, к Бакунину и... Ницше?	97
Люди или животные?	103
Игра с безумием и смертью	114
Научный подход или спекуляция?	120
Теория «мешка с фасолью»	121
Как это начиналось	122
«Покупатель всегда прав»	123
Фабрикация мнений	125
«Футбольное поле и трибуны»	127
МИФ О «ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОЦИАЛИЗ- МЕ»	130
Чужая тропа	137
Чего они добивались в действительности?	152
План реставрации капитализма	158
Август 1968 года	164
Правда победила!	187
ОТРАВИТЕЛИ	198
Свобода печати?	201
Ядовитый товар	216
Война в эфире	238
«Предпоследнее ремесло»	262

Жуков Ю. А.

Ж86 Оправители. Полемические заметки о буржуазной идеологии и пропаганде. М., «Молодая гвардия», 1975.

272 с. (Ровесник.)

Книга «Оправители» — острые полемические заметки известного советского публициста Юрия Жукова о буржуазной идеологии и пропаганде. Автор показывает, в частности, теоретическую и практическую несостоятельность, реакционную сущность ряда новейших течений политической и философской мысли империалистических кругов Запада. Большое место в книге отводится разоблачению неприглядной деятельности правых и «левых» оппортунистов, антикоммунизма и антисоветизма — идеологии крайне реакционных кругов современного империализма.

Ж 10506—019
078(02)—75 БЗ—45—003—74

1ФБ+327.21

Жуков Юрий Александрович
ОТРАВИТЕЛИ

Редактор **Б. Быков**

Художник **С. Соколов**

Художественный редактор **Н. Коробейников**

Технический редактор **Е. Брауде**

Корректоры: **З. Харитонова, Т. Пескова**

Сдано в набор 22/V 1974 г. Подписано к печати 7/VI 1975 г.
A01204. Формат 84×108^{1/32}. Бумага № 1. Печ. л. 8,5 (усл. 14,28).
Уч.-изд. л. 14,9. Тираж 95 000 экз. Цена 50 коп. Б. З. № 45
п. 003. 1974 г. Заказ 1042.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Су-
щевская, 21.

50 коп.

Молодая гвардия